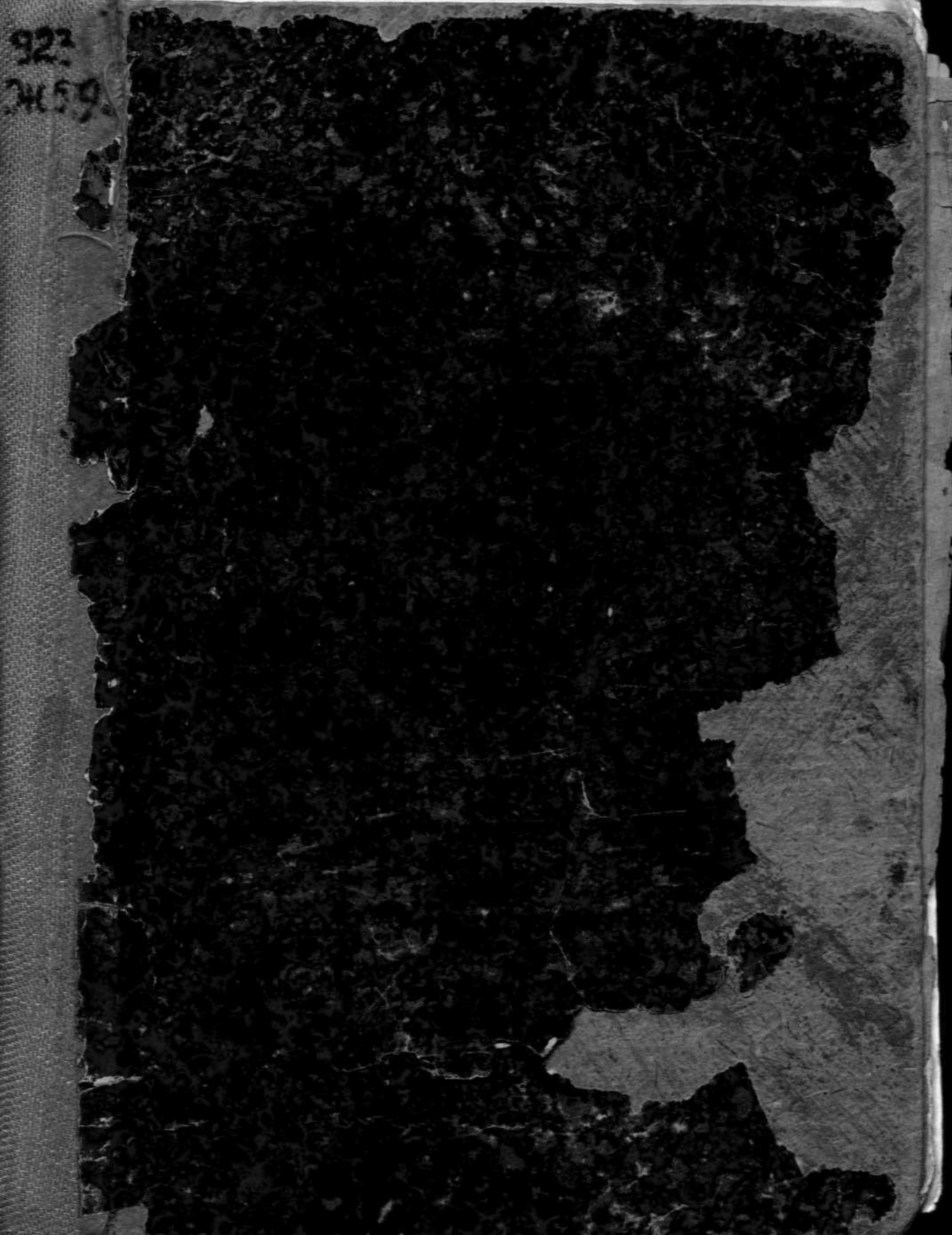
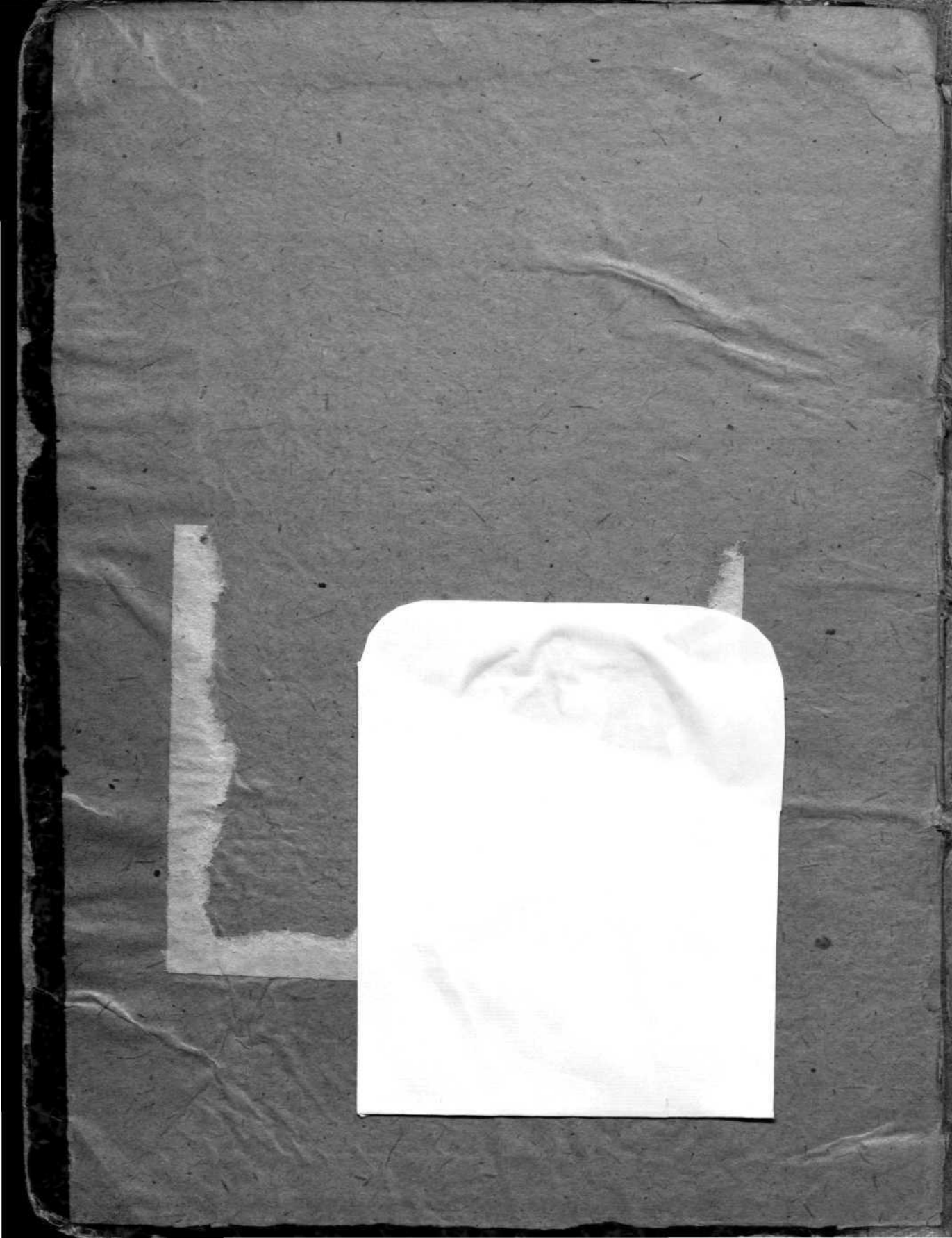
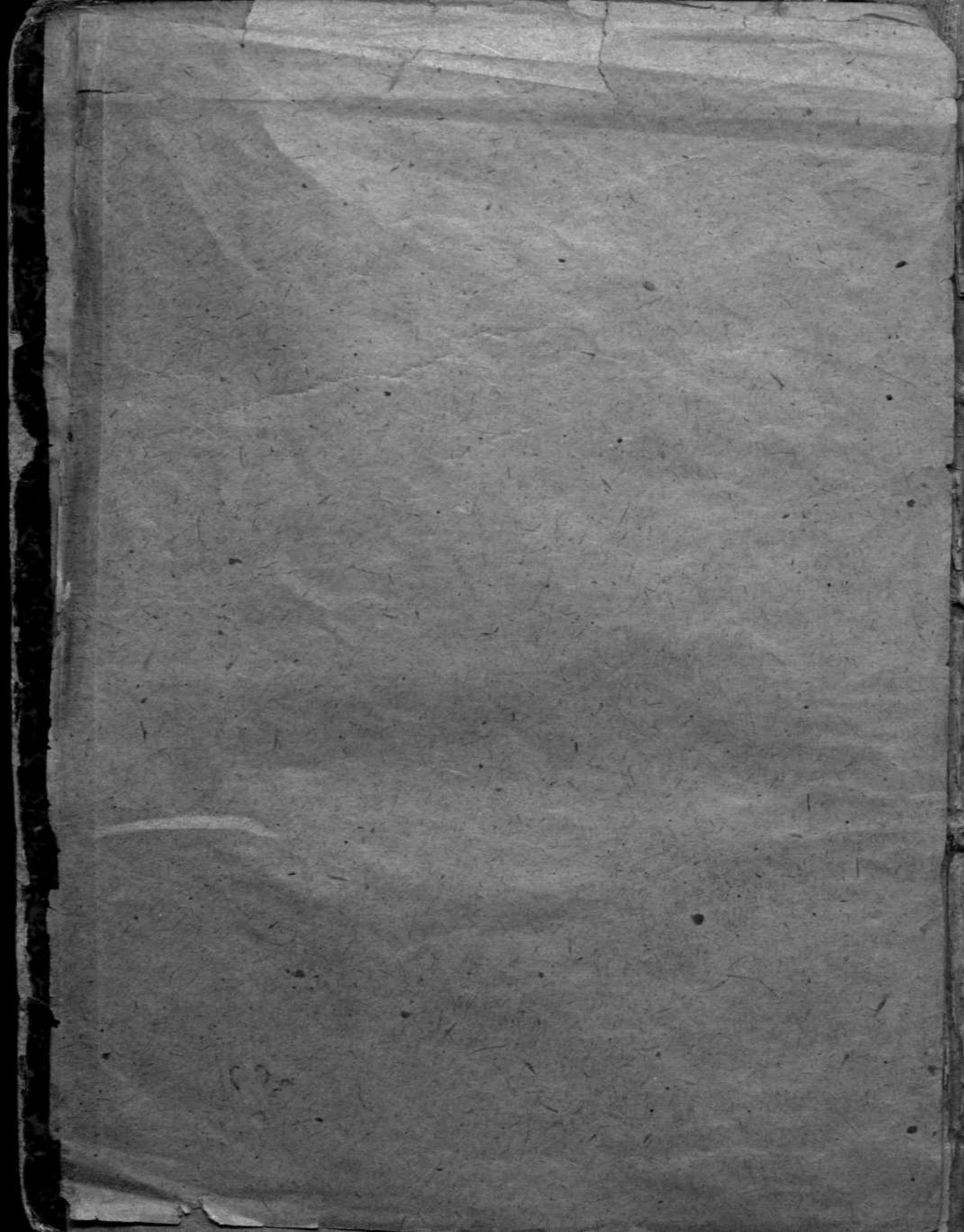

922
2459

ПАРТИЗАНЪ-ПОЭТЪ

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

45 ДАВЫДОВЪ

8074

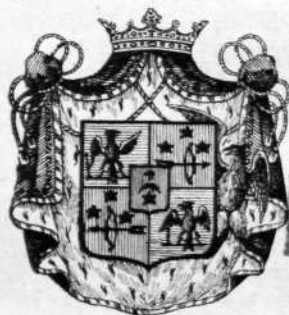
15073.

В. В. ЖЕРВЕ

ПАРТИЗАНЪ-ПОЭТЪ
ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ДАВЫДОВЪ

ПРОВЕРЕНО

1954

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
1784—1839

ПО МАТЕРІАЛАМЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

Съ портретами, иллюстраціями и схемами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Васильевскій Островъ, 16 линія, д. 5—7

1913

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ	СТР. V—IX.
ГЛАВА I (1784—1811 гг.).	

Родъ Давыдовыхъ.—Ближайшіе предки Дениса Васильевича Давыдова.—Его дѣтство и юность.—Встрѣча съ Суворовымъ.—Первые проблески поэтического таланта.—Поступленіе въ кавалергарды.—Переводъ изъ гвардіи въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ.—Возвращеніе въ гвардію, служба въ лейбъ-гусарахъ.—Стремленіе на театръ войны съ французами.—Встрѣча съ фельдмаршаломъ гр. Каменскимъ.—Назначеніе адъютантомъ къ князю П. И. Багратіону.—Первыя боевыя дѣла.—Награжденіе орденомъ Св. Владиміра 4-й степ., золотымъ оружіемъ и орденомъ Св. Анны 2 степ.—Тильзитское свиданіе и впечатлѣнія отъ этого событія.—Первыя стихотворенія въ печати.—Участіе въ шведской войнѣ 1808—1809 гг., въ авангардѣ Кульнева.—Съ кн. Багратіономъ въ турецкой войнѣ 1809—1810 гг.—Разлука съ Багратіономъ и возвращеніе къ нему.—Д. В. Давыдовъ въ Каменкѣ.—Личная жизнь въ 1810—1811 гг.

1—24

ГЛАВА II (1812 г.).

Начало Отечественной войны.—Просьба Давыдова къ Багратіону о переводѣ его въ Ахтырскій гусарскій полкъ.—Участіе въ боевыхъ дѣлахъ съ этимъ полкомъ.—Ходатайство Давыдова передъ Багратіономъ объ организаціи партизанскихъ дѣйствій.—Согласіе Кутузова.—Инструкція кн. Багратіона.—Начало партизанской работы.—Отъ Бородина къ Юхнову и Вязьмѣ, съ 25 августа по 25 октября.—Первые успѣхи и ихъ реальныя результаты: новыя партизанскія отряды.—Усиленіе партизанскаго отряда Давыдова.—Его боевые товарищи.—Итоги перваго мѣсяца партизанства.—Дальнѣйшая работа.—Сраженіе при Лосминѣ 6-го октября.—Признательность Кутузова.—Извѣстіе о выступленіи Наполеона изъ Москвы.—Начало безостановочнаго движенія Давыдова на Смоленскъ.—Поискъ у Славкова 23 октября

25—52

ГЛАВА III (1812 г.).

Дальнѣйшее движеніе отряда Давыдова отъ Богородицкаго до Тыкоцина, съ 26 октября по 18 декабря.—Совмѣстныя дѣйствія съ Сеславинымъ и Фигне-

ромъ.—Бой подъ Ляховымъ.—Встрѣча съ частью нашихъ главныхъ силъ.—Свиданіе съ Кутузовымъ и его благоволеніе.—Лицомъ къ лицу съ Наполеономъ подъ Краснымъ.—Жизнь партизанскаго отряда.—Переправа черезъ Днѣпръ у Копыся.—Бой при Бѣлыничяхъ.—Извѣстіе о Березинской переправѣ.—Вызванныя этимъ соображенія Толя и Давыдова.—Новое свиданіе съ Кутузовымъ.—Порученіе Давыдову и Сеславину истребить непріятельскіе запасы у Ковно.—29-й бюллетень Наполеона.—Движеніе Давыдова на Вильно.—Послѣднее свиданіе съ Кутузовымъ.—Занятіе Гродны отрядомъ Давыдова.—Покореніе поляковъ русской власти.—Прибытіе въ с. Соколы.—Производство Давыдова въ полковники и награжденіе его орденами Св. Георгія 4-й степени и Св. Владимира 3-й степени за подвиги въ Отечественную войну.—Общая характеристика Давыдова—партизана.

53—77

ГЛАВА IV (1813—1817 гг.).

Заграничный походъ 1813—14 гг.—Въ авангардѣ передового корпуса Винценгероде.—Занятіе Дрездена Давыдовымъ и столкновеніе изъ-за этого съ Винценгероде.—Резолюція Государя.—Участіе въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.—Ходатайство у гр. Аракчеева о «поравненіи въ чинѣ».—Снова съ Ахтырскимъ полкомъ въ корпусѣ ген. Сакена.—Производство въ генералъ-маіоры за отличіе въ сраженіи при Ларотьерѣ.—Взятіе Парижа.—Начало «Военныхъ записокъ».—Отъѣздъ въ Россію.—Освобожденіе отъ взысканія за долги отца.—Увлеченіе актрисой А. И. Ивановой.—Извѣстіе о производствѣ Д. В. Давыдова въ генералъ-маіоры «по ошибкѣ».—Невольное пребываніе Д. В. въ Варшавѣ.—Его письмо къ Государю.—Утвержденіе въ генеральскомъ чинѣ.—Назначеніе Давыдова состоять при начальникахъ сначала 1-й драгунской, затѣмъ 2-й конноегерской и, наконецъ, 2-й гусарской дивизій.—Служба въ должностяхъ начальника штаба 7-го, а затѣмъ 3-го пѣхотныхъ корпусовъ.—Военно-литературные труды Давыдова.—Увлеченіе Е. А. Злотицкой и намѣреніе жениться.—Милость Государя Давыдову по этому поводу.—Начало литературныхъ связей.—Избраніе въ дѣйствительные члены Общества любителей русской словесности

78—99

ГЛАВА V (1818—1825 гг.).

Женитьба Давыдова на С. Н. Чирковой.—Поэтическіе и военно-литературные труды.—Недовольство общими порядками въ нашей арміи и отзывы о нихъ.—«Опытъ о партизанахъ».—Оцѣнка этого труда современниками и его настоящее значеніе.—Переписка съ Закревскимъ.—Семейныя радости и заботы.—Неудавшіяся хлопоты о переводѣ на Кавказъ къ А. П. Ермолову.—Портретъ Давыдова въ Военной галлерей Зимняго дворца.—Выходъ въ отставку въ 1823 году.—Давыдовъ и декабристы

100—113

ГЛАВА VI (1826—1831 гг.).

Вторичное поступленіе Д. В. Давыдова на службу въ 1826 г., съ зачисленіемъ по кавалеріи.—Представленіе Императору Николаю Павловичу.—Отъѣздъ Давыдова, по желанію Государя, на Кавказъ для участія въ Персидской войнѣ.—Встрѣча съ А. С. Грибоѣдовымъ.—Разбитіе Давыдовымъ отряда Гассанъ-хана и вступленіе въ предѣлы Персіи.—Болѣзнь и отъѣздъ въ Россію.—Возвращеніе на Кавказъ весною 1827 года.—Служебныя неудачи.—Окончательный отъѣздъ въ Россію.—Личная жизнь: семейные и литературные интересы.—Участіе Давыдова въ борьбѣ съ холерой 1831 года.—Польская война.—Давыдовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ отрядѣ гр. Крейца.—Взятіе г. Владимира-Волынскаго

6 апрѣля 1831 г.—Награжденіе орденомъ Св. Анны 1-й степ.—Въ отрядѣ ген.-адъют. Ридигера.—Сраженіе у Будзиска 7 іюня.—Производство въ генераль-лейтенанты.—Демонстраціи у Пулавъ.—Награжденіе орденами Св. Владиміра 2-й степ. и *Virtuti militari* 2-й степ.—Возвращеніе въ Москву

114—129

ГЛАВА VII (1832—1839 гг.).

Послѣдніе годы жизни Д. В. Давыдова.—Его военно-историческія и поэти-ческія произведенія.—Критическіе отзывы о нихъ.—Увлеченіе Е. Д. Золота-ревой.—Жизнь въ Мазѣ.—Пушкинъ и Давыдовъ.—Стихотворенія посвященныя послѣднему.—Поездка въ Петербургъ и хлопоты о дѣтяхъ.—Письма къ женѣ и дѣтямъ 1836—1838 гг.—Литературные и матеріальные интересы.—Софья Нико-лаевна Давыдова; ея краткая характеристика.—Ходатайство Д. В. Давыдова о перевезеніи праха кн. П. И. Багратіона на Бородинское поле сраженія.—Высо-чайшее порученіе, на него возложенное.—Кончина Дениса Васильевича Давы-дова.—Память о немъ потомства.—Семейный архивъ Давыдова.—Заключеніе...

130—167

Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ

169—174

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вдова камеръ-юнкера Петра Николаевича Давыдова, Дарья Николаевна Давыдова предоставила въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества семейный архивъ дѣда ея покойнаго мужа—Дениса Васильевича Давыдова, съ просьбою составить и издать подробную біографію знаменитаго партизана Отечественной войны.

Совѣтъ Общества, съ живымъ интересомъ откликнувшись на эту просьбу, путемъ печати въ мартѣ 1911 г. предложилъ желающимъ изъ числа членовъ Общества сообщить Совѣту о готовности принять на себя этотъ трудъ. По полученіи соотвѣствующихъ заявленій, въ засѣданіи Совѣта Общества 2 мая 1911 г., закрытою баллотировкой, составленіе біографіи Дениса Васильевича Давыдова было возложено на меня.

Принимая на себя это лестное порученіе, я зналъ, что для выполненія его долженъ буду преодолѣть не мало затрудненій, тѣмъ болѣе, что первымъ условіемъ работы было поставлено—преимущественно пользоваться документами, составляющими семейный архивъ партизана, однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ (не говоря объ его содержаніи) представляющій собою солидное собраніе матеріаловъ, подробное изученіе которыхъ должно было потребовать много времени и труда. Впрочемъ, это значительно облегчалось описью архива, весьма добросовѣстно, съ любовью и съ боль-

шимъ знаніемъ дѣла составленною членомъ-сотрудникомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института М. А. Труновой. Этою прекрасною описью матеріаловъ я и пользовался; на нее же сдѣланы ссылки въ подстрочныхъ выноскахъ и примѣчаніяхъ, при чемъ соотвѣтственными номерами обозначены та или другая группа матеріаловъ и тотъ или иной отдѣльный документъ въ группѣ (напр., изъ „Бумагъ относящихся до партизанскаго отряда полковника Давыдова, 1812 года“, по описи значущихся подъ № 10, письмо къ нему генерала Коновницына отъ 25 сентября обозначено такъ: Матер., № 10, док. № 12).

При ознакомленіи съ бывшимъ у меня въ рукахъ архивнымъ матеріаломъ, оставшимся послѣ смерти Д. В. Давыдова, пришлось сличать оригинальные документы и рукописи съ ихъ печатнымъ текстомъ, главнымъ образомъ, по изданіямъ 1860, 1893 и, отчасти, 1848 г.г. Это сличеніе убѣдило меня въ томъ, что далеко не всѣ оригиналы воспроизведены въ печати съ надлежащею точностью и полнотою; это же, несомнѣнно, говоритъ о томъ, что чрезвычайно оригинальныя по мыслямъ и слогу и до сихъ поръ полныя свѣжаго интереса произведенія талантливаго партизана-поэта Д. В. Давыдова должны быть вновь изданы, но въ болѣе полномъ и тщательно провѣренномъ содержаніи.

Изъ числа еще не напечатанныхъ до настоящаго времени матеріаловъ Д. В. Давыдова особенно слѣдуетъ упомянуть его большую статью: „Взглядъ на отдѣльныя дѣйствія генераль-адъютанта Чернышова во время кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ“ (Матер., № 22), „Военныя замѣтки о 1814 годѣ“ (Матер., № 31), „Записки о Кавказѣ“ (Матер., № 37), начало статьи (безъ названія) съ отзывомъ о французскомъ генералѣ Водонкурѣ и адмиралѣ Чичаговѣ (Матер., № 61, док. № 8а) и, кромѣ того, чрезвычайно интересныя письма Дениса Васильевича къ его женѣ Софіи Николаевнѣ, рожденной Чирковой, во время Польской войны 1831 года (частію эти письма послужили матеріаломъ для его „Записокъ“ объ этой войнѣ) и его письма къ ней же и къ сыновьямъ въ періодъ 1836—1838 г.г.,

напечатанныя лишь въ незначительной долѣ. Кромѣ того, совсѣмъ не печатались его письма къ извѣстному художнику-медальеру гр. О. П. Толстому, письмо (на французскомъ языкѣ) къ неизвѣстному лицу о декабристахъ и къ другимъ лицамъ, а также письма къ нему разныхъ лицъ. Наконецъ, въ собраніи матеріаловъ Д. В. Давыдова сохранилось множество официальныхъ документовъ, которые касаются его участія въ войнахъ 1813—1814, 1826 и 1831 г.г. и могутъ быть использованы для описанія соотвѣствующихъ военныхъ дѣйствій. Матеріалы эти заслуживаютъ спеціальной обработки.

Обращаясь къ составленной мною біографіи, долженъ признаться, что хотя въ настоящемъ видѣ она является самымъ обширнымъ изъ всѣхъ донынѣ появлявшихся жизнеописаній Д. В. Давыдова,—все же трудъ этотъ далеко не полонъ. Жизнь и дѣятельность его были столь разносторонни, работалъ онъ на столь разнообразныхъ поприщахъ, имѣлъ сношенія съ такою массою лицъ различныхъ общественныхъ и служебныхъ положеній, что изобразить во всемъ его цѣломъ обликъ Давыдова-воина, писателя, поэта, художника, общественнаго дѣятеля—задача далеко не легкая. Я старался въ своемъ трудѣ останавливаться лишь на самыхъ существенныхъ чертахъ его личности и самыхъ главныхъ сторонахъ его дѣятельности, въ которой достопамятный 1812 годъ составляетъ особенно яркія страницы. Въ виду этого, довольно значительная часть настоящей книги (около 50 страницъ) посвящена партизанской работѣ Дениса Васильевича въ 1812 году. Она описана, главнымъ образомъ, по его „Дневнику партизанскихъ дѣйствій“.

Для облегченія читателю оріентироваться въ дѣйствіяхъ партизана, въ особенности въ первые два мѣсяца его работы въ районѣ Можайска—Юхнова—Вязьмы, мною составлены приложенные къ книгѣ схематическіе „Пути движенія партизанскаго отряда Д. В. Давыдова“: 1) съ 25 августа по 25 октября 1812 г. и 2) съ 26 октября по 18 декабря 1812 г. Составленіе этихъ схематическихъ картъ вызвало затрудненія,

вслѣдствіе необходимости разыскивать на картахъ сравнительно мелкаго масштаба (3 вер. и 10 вер. въ 1 дюймѣ), среди испещрившихъ ихъ надписей, названія деревушекъ, селеній и городищъ, у которыхъ дѣйствовалъ партизанъ и которыя теперь, спустя сто лѣтъ, частью измѣнили свои названія, частью, пожалуй, даже вовсе исчезли съ прежнихъ мѣстъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось съ достаточною полнотою указать на обѣихъ схемахъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, почти всѣ пункты, упоминаемые въ „Дневникѣ партизанскихъ дѣйствій“. Затраченные трудъ и время вознаграждаются сознаніемъ, что составленные мною схемы принесутъ несомнѣнную пользу тому читателю „Дневника“, который пожелаетъ внимательно прослѣдить за всѣми извилинами боевого пути, неутомимо пройденнаго лихимъ партизаномъ въ 1812 году.

Кромѣ матеріаловъ архива Д. В. Давыдова, я пользовался печатными источниками, указанными попутно въ текстѣ книги, въ выноскахъ, а также нѣкоторыми личными указаніями родныхъ покойнаго Дениса Васильевича, любезно откликнувшихся на мою просьбу подѣлиться имѣющимися у нихъ свѣдѣніями и матеріалами. Имъ же я обязанъ предоставленіемъ въ мое распоряженіе цѣнныхъ фотографій и иллюстрацій, украсившихъ настоящую книгу.

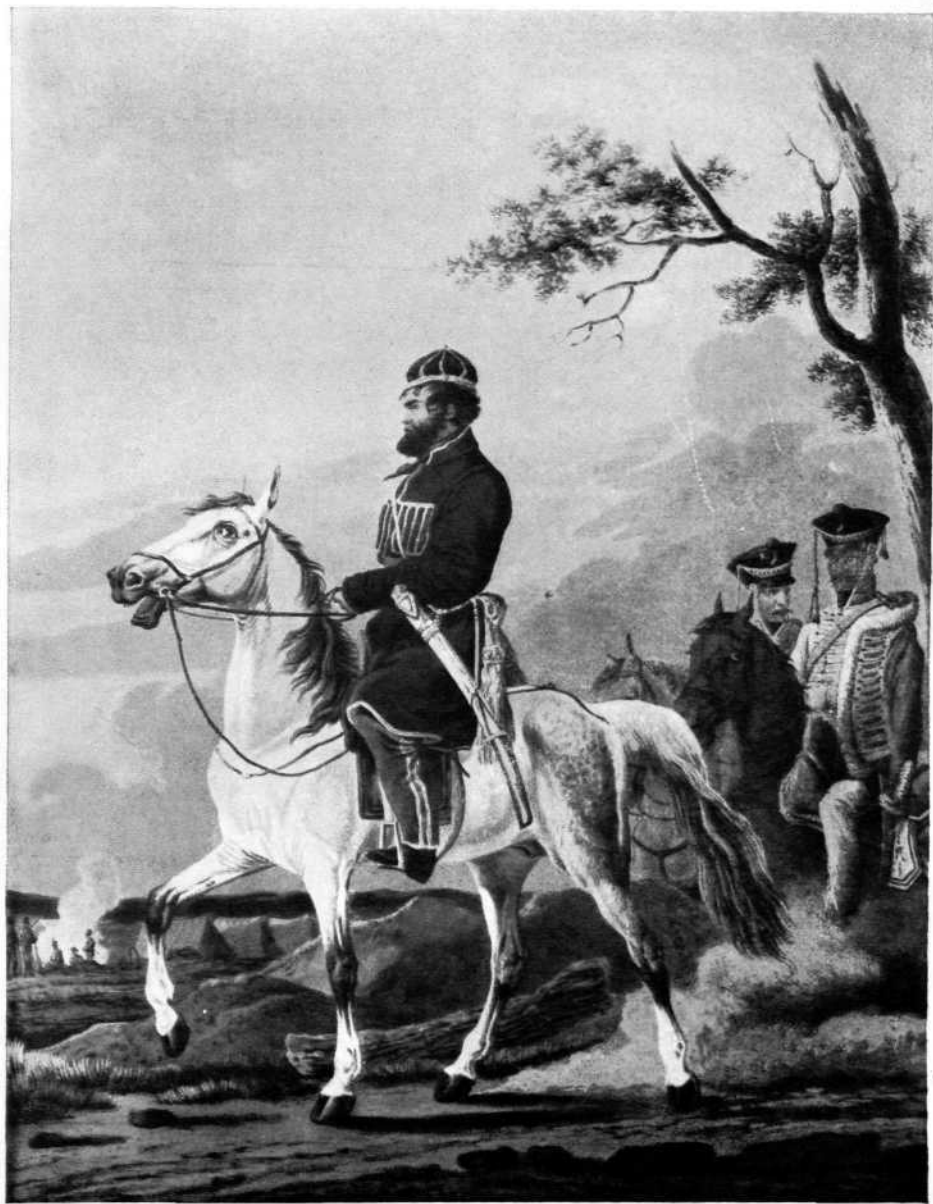
Считаю своимъ долгомъ принести искреннюю признательность Дарьѣ Николаевнѣ Давыдовой, которая, во исполненіе воли ея покойнаго мужа, предоставила въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества драгоцѣнные матеріалы, которыми я, главнымъ образомъ, пользовался при составленіи настоящаго біографическаго очерка.

Искренно благодарю за возможное содѣйствіе въ моемъ трудѣ родныхъ покойнаго партизана: Алексѣя Вадимовича и Дениса Вадимовича Давыдовыхъ и ихъ мать, Марію Николаевну Давыдову, рожденную Сумарокову, Николая Николаевича Давыдова и его супругу, Александру Алексѣевну Давыдову, Софію Николаевну Буторову, рожденную Давыдову, и Николая Владиміровича Буторова.

Весьма признателенъ за предоставленные въ мое распоряженіе матеріалы и полезныя указанія: А. К. Баюву, А. А. Балтійскому, А. Т. Борисевичу, Ф. А. Витбергу, К. А. Военскому, Г. С. Габаеву, С. А. Гулевичу, А. И. Григоровичу, А. С. Ермолову, Я. Н. Ждановичу, Б. Крейчману, Б. Л. Модзалевскому, А. Г. Небольсину, М. Д. Поливанову, М. И. Полянскому, П. П. Потоцкому, Д. П. Струкову и М. А. Труновой.

Не могу не выразить почтительной благодарности Совѣту Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества за оказанныя мнѣ довѣріе и свободу въ исполненіи возложеннаго на меня труда.

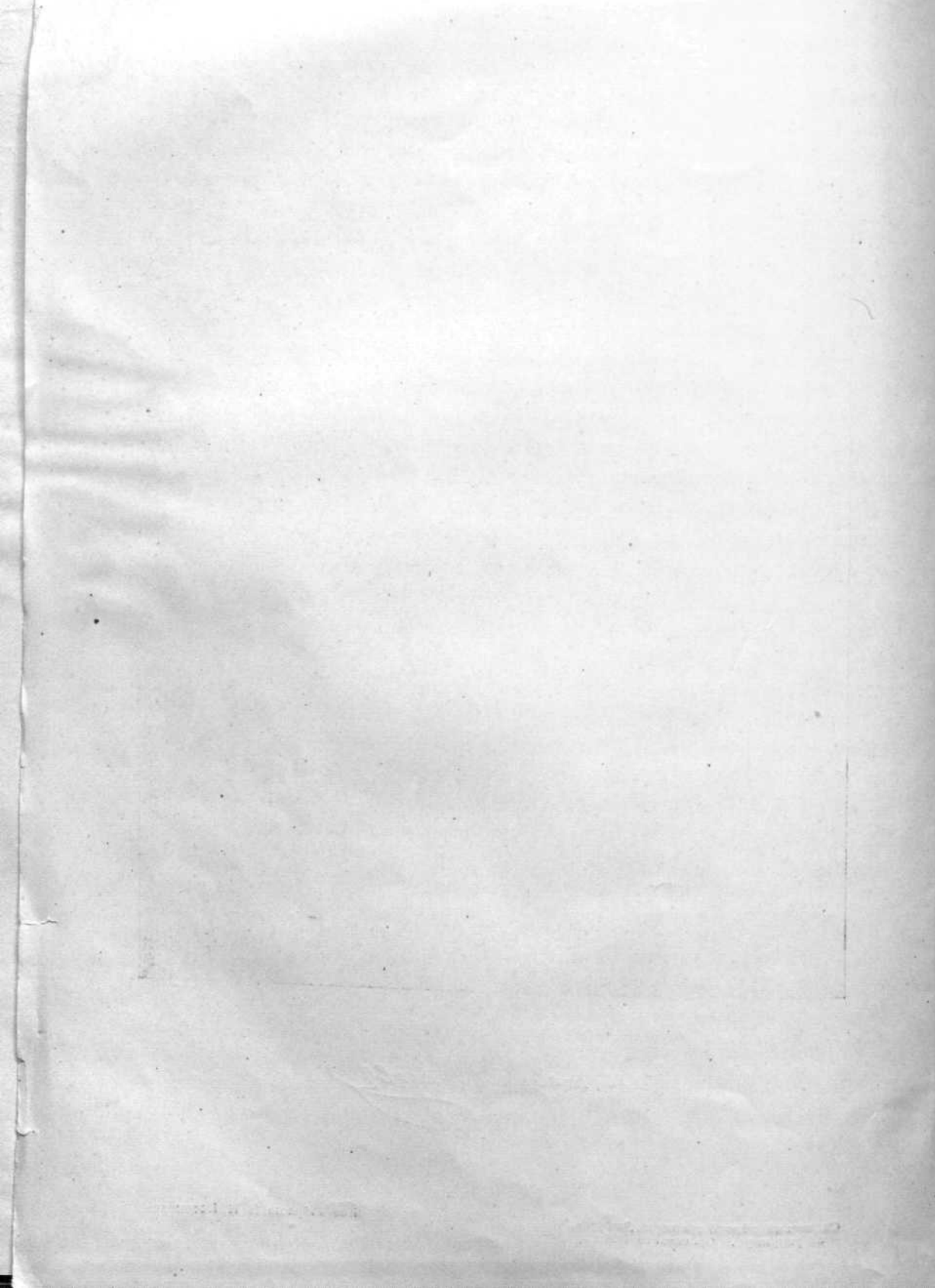
В. Жерее.

Денис Давыдовъ

Съ весьма рѣдкой гравюры Дюбурга,
по рисунку А. Орловскаго 1814 г.

Изъ собранія П. П. Потockаго.

ГЛАВА I.

ДАВЫДОВЫ принадлежатъ къ одному изъ древнѣйшихъ русскихъ дворянскихъ родовъ.

Въ началѣ XV вѣка выѣхалъ изъ Большой Орды въ Москву къ Великому Князю Василю Дмитріевичу знатный мурза Минчакъ, сынъ мурзы Косая, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—перваго Касимовскаго царя Тангрикула Кайсыма. Впрочемъ, этому послѣднему царскій титулъ далъ едва-ли не царь Иванъ Грозный, дѣдъ котораго, Василій Темный, титуловался только Великимъ Княземъ и еще признавалъ царемъ хана Казанскаго. Кайсымъ въ документахъ неоднократно называется Косаемъ, что даетъ основаніе съ достаточною достовѣрностью установить происхожденіе Минчака отъ Кайсыма, представителя княжескаго монгольскаго рода.

Въ Москвѣ Минчакъ принялъ св. крещеніе, съ именемъ Симеона Косаевича, и оставилъ дѣтей, положившихъ въ XV вѣкѣ начало четыремъ родственнымъ между собою фамиліямъ: его старшій сынъ, *Давыдъ* Семеновичъ Минчаковъ, сталъ родоначальникомъ *Давыдовыхъ*; второй сынъ, *Уваръ* Семеновичъ Минчаковъ,—родоначальникъ графовъ и дворянъ *Уваровыхъ*, третій—*Оринко* Семеновичъ Минчаковъ—родоначальникъ дворянъ *Оринкиныхъ*, и, наконецъ, *Злоба* Семеновичъ Минчаковъ—родоначальникъ дворянъ *Злобиныхъ*.

Первые писавшіеся и Минчаковыми и Давыдовыми, были, по родословию, три сына Давыда Семеновича: Александръ, Григорій и Степанъ

Давыдовичи. Первый изъ нихъ, образователь *старшей* линіи, оставилъ пять сыновей, а второй и третій, отъ которыхъ пошли *средняя* и *младшая* линіи въ родъ, имѣли по четыре сына. Потомства отъ среднихъ сыновей Александра Давыдовича—Ивана и Ѳедора Александровичей, какъ и отъ младшаго—Василія родословцы не показываютъ. Потомство-же старшаго сына Давыда Семеновича—Александра Давыдовича, въ лицѣ третьяго внука основателя рода—Іова Александровича, продолжается до нашихъ дней ¹⁾.

Многіе представители рода Давыдовыхъ служили Русскимъ государямъ стольниками, воеводами, стряпчими и въ другихъ чинахъ и жалованы были отъ Государей въ 1500 и другихъ годахъ помѣстьями. Алексѣй и Никифоръ Григорьевичи Давыдовы въ 1578 г. при князѣ Иванѣ Юрьевичѣ Голицынѣ были полковыми головами. Григорій Никифоровичъ Давыдовъ находился въ осадѣ въ Москвѣ у Срѣтенскихъ воротъ „въ приходѣ“ королевича Владислава (1610 г.). Бояре Давыдовы „за осадную службу“ въ Москвѣ были пожалованы царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ вотчиною ²⁾. Въ 1613 году, „какъ обирали на царство“ Михаила Ѳеодоровича Романова, „къ обирацію“ присланъ былъ изъ полка стольника и воеводы князя Василія Петровича Черкасскаго Романъ Борисовичъ Давыдовъ. Въ 1622 г., по указу Царя Михаила Ѳеодоровича, разбирали въ Твери дворянъ и дѣтей боярскихъ Тверичъ и въ числѣ другихъ показанъ Петръ Ѳеодоровичъ Давыдовъ; подъ именемъ его написано: „добръ и служивалъ на конѣ и простой конь за нимъ бывалъ и помѣстье за нимъ въ Тверскомъ уѣздѣ въ с. Лебедевѣ“...³⁾

Родъ дворянъ Давыдовыхъ, имѣющій въ настоящее время уже четырнадцать колѣнъ, внесенъ въ VI часть Родословной книги Московской, С.-Петербургской, Симбирской и Саратовской губерній. Гербъ этого рода съ девизомъ „Богу и Государю“, Высочайше утвержденнымъ 24 Іюня 1881 года, помѣщенъ въ дополненномъ видѣ въ XIV часть Общаго Гербовника на стр. 28.⁴⁾

¹⁾ Князь П. Долгоруковъ. Россійск. родословная книга, ч. 4-я, СПб. 1857 г., стр. 428—438.—П. Н. Петровъ. Исторія родовъ русскаго дворянства, т. I. СПб. 1885 г., стр. 296—298.

²⁾ М. Чернявскій. Генеалогія господъ дворянъ, внесенныхъ въ Родословную книгу Тверской губерніи съ 1787 по 1869 г. Приложение, стр. 55—56.

³⁾ М. Чернявскій. Тамъ же, стр. 55—56.

⁴⁾ Определеіе Правител. Сената 25 сент. 1908 г., выданное изъ Департамента Герольдіи Л.-Гв. Сводно-Казачьяго полка хорунжему Влад. Влад. Давыдову.

По свидѣтельству Василя Денисовича Давыдова, сына партизана¹⁾, всѣмъ членамъ его семейства и рода изстари чины и почести или не давались или не были предметомъ исканій, хотя нѣкоторые изъ его предковъ были боярами и воеводами при Іоаннѣ Грозномъ, Θεодорѣ и Алексѣѣ и въ царствованія этихъ царей дослуживались до чиновъ бригадировъ и генераль-маіоровъ, но никогда не играли ролей временщиковъ и царедворцевъ, несмотря на наслѣдственный умъ, на богатство, познанія и путешествія—достояніе весьма немногихъ въ тѣ времена.

Денисъ Васильевичъ, дѣдъ и тезка партизана, женатый на Аннѣ Андреевнѣ Колычевой, былъ настолько образованъ, что, пользуясь своимъ богатствомъ, послалъ сына своего Владиміра учиться за границу. У него было четыре сына: Василій Денисовичъ (отецъ партизана), женатый на дочери бывшаго Новороссійскаго намѣстника Еленѣ Евдокимовнѣ Щербининой, Левъ Денисовичъ—на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской, рожденной графинѣ Самойловой, матери извѣстнаго героя Ник. Ник. Раевского, Владиміръ Денисовичъ—на Прасковѣ Николаевнѣ Лопухиной, по матери родной теткѣ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, Дмитрій Денисовичъ, оставшійся холостымъ, и дочь Марія Денисовна, замужемъ сначала за Михаиломъ Каховскимъ, а потомъ за Петромъ Алексѣевичемъ Ермоловымъ, отцомъ кавказскаго героя А. П. Ермолова.

Василій Денисовичъ Давыдовъ, владѣя значительными помѣстьями въ Орловской и Московской губерніяхъ, былъ зажиточнымъ человѣкомъ, но не сумѣлъ сохранить свое состояніе благодаря широкому русскому хлѣбосольству и вслѣдствіе страсти къ карточной игрѣ. Знакомство со многими видными дѣятелями Екатерининской эпохи еще болѣе заставляло его жить въ духѣ старыхъ дворянскихъ традицій, въ которыхъ впоследствии были воспитаны и его дѣти. Онъ командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ, стоявшимъ въ Полтавской губерніи, въ селѣ Грушевкѣ, и дослужился до чина бригадира. Однако въ послѣднемъ чинѣ, уже въ царствованіе Императора Павла, за безпорядки въ полку онъ былъ преданъ суду, съ конфискованіемъ имѣнія. Этотъ печальный случай довелъ до крайности всю его семью, но не лишилъ любви и преданности друзей,

¹⁾ Рус. Стар. 1872 г. IV. Ден. Вас. Давыдовъ, партизанъ и поэтъ, стр. 624.

которые, несмотря на опалу Васи́лія Денисовича, открыто выражали ему свое сочувствіе, что въ то суровое время могло-бы дорого обойтись...

✓ Его сынъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, будущій партизанъ, родился въ Москвѣ 16 іюля 1784 года. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько первыхъ лѣтъ своей жизни, а въ окрестностяхъ Бѣлокаменной, въ селѣ Бородинѣ, принадлежавшемъ его отцу, проводилъ лѣто въ тѣ годы безпечнаго дѣтства, когда не уѣзжалъ въ Орловское имѣніе. Именно здѣсь, по его же собственнымъ словамъ, онъ „ощутилъ первые порывы къ любви и славы“ и здѣсь же, по удивительной игрѣ судьбы, было положено начало его военной славы партизана въ Отечественную войну ¹⁾.

Какъ сказано въ автобіографіи Д. В. Давыдова, онъ, какъ всѣ дѣти, съ младенчества своего оказалъ страсть къ маршированію, метанію ружьемъ и проч. Страсть эта получила высшее направленіе въ 1793 году отъ случайнаго вниманія къ нему А. В. Суворова, который при осмотрѣ Полтавскаго легко-коннаго полка, находившагося тогда подъ начальствомъ отца Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, благословивъ его, сказалъ: „Ты выиграешь три сраженія!“ Маленькій повѣса бросилъ Псалтырь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка. Розга обратила его къ миру и ученію...

Этотъ выдающійся эпизодъ Денисъ Васильевичъ впоследствии описалъ въ извѣстной статьѣ „Встрѣча съ великимъ Суворовымъ“, попутно сдѣлавъ мѣткую и очень живую характеристику безсмертнаго полководца, счастливую встрѣчу съ которымъ много разъ вспоминалъ до конца своей жизни.

О дѣтствѣ и ранней юности Дениса Давыдова сохранились крайне скудныя свѣдѣнія, которыя онъ передаетъ въ своей автобіографіи. Объ учебныхъ годахъ своей жизни онъ вспоминаетъ не безъ ироніи:

¹⁾ Въ началѣ XVII вѣка Бородино принадлежало Коноплевымъ, затѣмъ перешло къ Савеловымъ. Въ 1799 г. его купилъ отецъ партизана, Вас. Ден. Давыдовъ, владѣвшій Бородиномъ и въ 1812 году Въ 1813 и 1814 г.г. часть его принадлежала сестрѣ партизана, Алекс. Вас. Давыдовой. Затѣмъ оно было продано Е. Ф. Воейковой, у которой 26 авг. 1837 г. приобрѣтено Императоромъ Николаемъ I для Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Нынѣ Бородино принадлежитъ Государю Императору.

(Краткія свѣдѣнія о Бородинскомъ Е. И. В. имѣніи. Москва 1912 г. Напечат. въ числѣ 20 экз.—Отнош. Моск. двор. деп. собр. Шт.-Ротм. А. В. Давыдову 25 іюля 1912 г., № 2553).

„Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствіи, а не для пользы общества: учили лепетать по французски, танцовать, рисовать и музыкѣ“...

Такова была его „наука“ до тринадцатилѣтняго возраста.

„Тутъ пора было подумать и о будущности: онъ сѣлъ на коня, захопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаєю гончихъ собакъ по мхамъ и болотамъ — и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе“.

Такимъ именно — полнымъ удали, полнымъ неудержимаго порыва впередъ — остался онъ до конца жизни, являя собой удивительный образецъ энергіи, этого перваго качества истинно-военнаго чело-
вѣка.

Однако, какъ ни легковѣсна была программа наукъ, преподававшихся молодому Давыдову увлекался сочиненіями военно-историческаго содержания. Последнему, по всей вѣроятности, не мало способствовала упомянутая выше встрѣча съ великимъ Суворовымъ, о подвигахъ котораго въ то время гремѣла многостая молва.

Къ тому же онъ былъ очень впечатлителенъ по натурѣ, что достаточно сказалось въ его первыхъ поэтическихъ опытахъ. Знакомые молодые люди, воспитывавшіеся въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, дали ему случай прочитать „Аониды“, полуперіодическое собраніе стиховъ, издававшееся Н. М. Карамзинымъ. Нѣсколько знакомыхъ фамилій авторовъ, встрѣтившихся на страницахъ этого изданія, задѣли честолюбіе юноши, который также рѣшилъ „сочинять“. Однако самостоятельное поэтическое творчество не далось ему, и онъ попробовалъ переводить стихами. Первый опытъ оказался не блестящимъ:

Встрѣча Д. В. Давыдова съ Суворовымъ.
Изъ «Сочиненій Д. В. Давыдова», изд. 1833 г., т. I.

(въ его формулярномъ спискѣ только и значится: по руссійски и французски читать и писать умѣетъ), онъ уже съ этихъ поръ проявлялъ интересъ къ серьезному чтенію и

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О, милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно измѣнить! ..

Трудно было по этому неуклюжему по формѣ и наивному по содержанию произведенію угадать въ авторѣ будущаго поэта, красотою слога котораго впоследствии восхищался даже Пушкинъ. Однако поэтъ продолжалъ свои упражненія въ часы досуга отъ ученія, чтенія и развлеченій и незамѣтно достигъ того возраста, когда пришла пора поступать на службу.

Впрочемъ, онъ былъ очень молодъ—въ началѣ 1801 года ему минуло только 16½ лѣтъ, но, по обычаю того времени, долженъ былъ стать не-премѣнно военнымъ и рѣшилъ поступить въ Кавалергардскій полкъ. Пришлось разстаться съ Москвою, гдѣ протекло столько лѣтъ его безпечной жизни, и переѣхать въ Петербургъ, куда онъ, съ 400 рублями ассигн., добрался въ кибиткѣ черезъ нѣсколько дней.

Малый ростъ оказался сначала препятствіемъ къ вступленію Давыдова въ ряды рослыхъ кавалергардовъ, но потомъ удалось преодолѣть это затрудненіе, и 28 сентября 1801 года онъ вступилъ эскадртъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ¹⁾. Это памятное событіе онъ очертилъ слѣдующими остроумными словами: „Наконецъ привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и треугольною шляпою...“²⁾

Однако красивый мундиръ кавалергарда плохо гармонировалъ не только съ маленькою фигурою молодого вонна, но и съ тою матеріальною нуждою, которую онъ въ то время терпѣлъ. Впоследствии онъ рассказывалъ

¹⁾ Эта дата (28 сент.) значится въ его формулярномъ спискѣ, однако затрудняемся считать ее безусловно вѣрною, ибо въ томъ же спискѣ показано, что съ 22 декабря 1799 г. по 1 марта 1800 г. (до поступленія на службу?) онъ находился въ отпуску. Не вѣрнѣ ли считать, что 22 декабря 1799 г., по обычаю того времени, онъ былъ лишь записанъ въ кавалергарды, дѣйствительная же служба его началась только въ 1801 году.

²⁾ Автобіографія. Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 2.

сыну, что, въ бытность юнкеромъ, болѣе мѣсяца питался однимъ картофелемъ...

Подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, А. М. Каховскаго, трунившего надъ Денисомъ Васильевичемъ по поводу его недостаточнаго военнаго образованія, необходимаго ему, какъ будущему офицеру, Давыдовъ съ особымъ усердіемъ принялся за военныя науки. Черезъ годъ, 9 сентября 1802 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты и въ слѣдующемъ году — въ поручики.

Какъ видно изъ его формулярнаго списка, съ 26 іюня 1802 г. по 5 октября 1803 г. онъ находился по болѣзни въ отпуску. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какова была эта продолжительная болѣзнь и можно ли считать ее единственною причиною такого долгаго отсутствія изъ полка.

Къ этому времени относится его знакомство съ И. И. Дибичемъ, будущимъ фельдмаршаломъ, тогда еще только молодымъ семеновскимъ офицеромъ, съ которымъ онъ сошелся, встрѣчаясь во внутреннихъ караулахъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Они рѣшили вмѣстѣ брать уроки у нѣкоего маіора Торри, служившаго прежде при Бертѣ въ главномъ штабѣ Бонапарта и выдававшего себя за необыкновенно свѣдующаго специалиста. Стоя въ караулѣ, они провѣряли другъ друга въ усвоеніи знаній, полученныхъ отъ Торри¹⁾.

Вмѣстѣ съ занятіями военными науками, отдавался онъ и поэтическимъ вдохновеніямъ, плоды которыхъ за это время дошли до насъ лишь въ видѣ двухъ басенъ (1803 г.)—„Голова и Ноги“ и „Рѣка и Зеркало“, имѣвшихъ вліяніе на судьбу ихъ автора. Въ рукописныхъ копіяхъ онѣ ходили по рукамъ, стали извѣстны начальству, усмотрѣвшему въ нихъ слишкомъ вольныя мысли Давыдова, въ результатъ чего 13 сентября 1804 г. онъ былъ переведенъ ротмистромъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ²⁾.

Слѣдуетъ помнить, что юношѣ-автору въ это время было только 19 лѣтъ, и потому такое „свободомысліе“ его горячей головы вполне объяснимо. Что же касается его политической благонадежности, то онъ лучше всего

¹⁾ Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ ред. С. А. Панчулидзева, т. III, стр. 30.

²⁾ Кромѣ этихъ двухъ басенъ, въ томъ же году имъ было написано не сохранившееся стихотвореніе «Сонъ», за которое, по словамъ С. Н. Марина, «мыли голову» автору за то, что «всѣхъ ругаетъ безъ милосердія...»

доказалъ ее многолѣтнюю боевою образцовою службою и въ послѣдствіи открытымъ нежеланіемъ примкнуть къ декабристамъ, о чемъ скажемъ ниже.

Какъ бы то ни было, Давыдову пришлось разстаться съ блестящимъ полкомъ и шумною столицей и отправиться въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, стоявшій въ то время въ окрестностяхъ г. Звенигородки (Кіевской губ.). Чинъ ротмистра, надо полагать, не прибавилъ солидности молодому офицеру, умѣвшему въ кругу своихъ новыхъ полковыхъ товарищей находить достаточно времени для веселыхъ развлеченій и кутежей, которые не разъ вдохновляли его своеобразную музу. Гусарскій пиръ, обычный для того времени, описанъ имъ въ стихотвореніи подъ тѣмъ же названіемъ („Ради Бога трубку дай, ставь бутылки передъ нами...“), а его закадычному другу и однополчанину-собутыльнику Бурцову посвятилъ онъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ болѣе извѣстно начинающееся словами:

Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и .. арака
Посѣти домишко мой...

Въ это же время, какъ самъ онъ признается въ своей автобіографіи, писалъ онъ стихи своей красавицѣ, которая впрочемъ ихъ не понимала, потому что была полька.....

Однако петербургскіе друзья Дениса Давыдова прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы вытянуть его изъ оута безшабашной жизни въ глухомъ городишкѣ, и, наконецъ, добились его обратнаго перевода въ гвардію—въ Лейбъ-Гусарскій полкъ, гдѣ командиромъ эскадрона былъ его другъ, князь Б. А. Четвертинскій. Этотъ переводъ, прежнимъ чиномъ поручика, состоялся въ срединѣ (4 іюля) 1806 года, вскорѣ послѣ чего Давыдовъ прибылъ въ Петербургъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ стоялъ эскадронъ, въ который онъ былъ назначенъ. Сослуживцы оказались, по его словамъ, добрыми ребятами, въ обществѣ которыхъ снова потекла прежняя беззаботная жизнь. „Мы жили ладно,—вспоминаетъ онъ¹⁾, — у насъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе рассказовъ, чѣмъ дѣла,

1) «Встрѣча съ фельдмаршаломъ, графомъ Каменскимъ». Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 109.

болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго (разумѣется, въ долгъ), чѣмъ печали, всегда веселье и всегда навеселѣ...”

Казалось-бы, лучшей жизни нельзя было и желать. Но именно въ эту пору молодой, 22-хъ лѣтній Давыдовъ почувствовалъ въ себѣ первые порывы того военного честолюбія, которое впоследствии оказалось едва ли не главнымъ двигателемъ въ теченіе всей его боевой жизни. Онъ кипѣлъ этимъ честолюбіемъ — „улавливалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни“. Характеризуя свое душевное состояніе, онъ говоритъ:

„Сверхъ того, положеніе мое было для меня истинно нестерпимо. Оставляя гвардію, не слышавшую еще боевого выстрѣла, я провелъ два года въ полку,

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ
въ юности.

Изъ «Сборн. біогр. кавалергардовъ», 1906 г.

дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, пришедшую изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня еще пахло молокомъ, а отъ нея несло порохомъ! Я говорилъ о рвеніи моемъ; мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня лѣстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости!...”

Однако обстоятельства сложились въ его пользу.

Пораженіе прусской арміи при Іенѣ и Ауерштедтѣ побудило Императора Александра I двинуть русскія войска на помощь остаткамъ войскъ союзника. Общественное мнѣніе указывало на престарѣлаго, но популярнаго фельдмаршала графа М. О. Каменскаго, какъ на самаго надежнаго главнокомандующаго. Государь вызвалъ его въ Петербургъ и здѣсь, по остроумному выраженію Д. В. Давыдова, „колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетюшекъ, какъ будто войско, принадлежащее Наполеону, лѣзли на приступъ 9-го номера Сѣверной гостиницы, гдѣ остановился фельдмаршалъ“. Все это были просители о назначеніи близкихъ имъ лицъ въ дѣйствующую армію. Примѣръ другихъ подѣйствовалъ ободряющимъ образомъ на Давы-

дова, который, зная чудачества старика, рѣшилъ не только обратиться съ просьбою прямо къ нему, но и совершить свой набѣгъ въ необычное время — въ 4 часа утра, когда не только фельдмаршалъ, но и весь Петербургъ крѣпко спалъ. Это свиданіе, чрезвычайно интересно описанное въ статьѣ „Встрѣча съ фельдмаршаломъ, графомъ Каменскимъ“¹⁾, происходило въ памятное для Дениса Васильевича утро 16 ноября 1806 г., однако, несмотря на просьбу графа Каменскаго у Государя, осталось безъ результата.

Пришлось обратиться къ иному способу. Давыдовъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ своимъ эскадроннымъ командиромъ, княземъ Б. А. Четвертинскимъ, родная сестра котораго, Марія Антоновна Нарышкина, пользовалась особымъ расположеніемъ Государя и очень внимательно относилась къ Давыдову. Узнавъ объ его неудачѣ, она сама вызвалась хлопотать о немъ, но черезъ два дня онъ узналъ, что всѣ его просьбы рушились о приговоръ не лишать его „изыскаго занятія равняться во фронтѣ и драть горло передъ взводомъ“. Казалось, фортуна окончательно отвернулась отъ жаждавшаго боевой славы молодого поручика, но назначеніе князя П. И. Багратіона начальникомъ авангарда дѣйствующей арміи, ввѣренной новому главнокомандующему — генералу Беннигсену, неожиданно рѣшило судьбу Дениса Давыдова. Узнавъ о желаніи Багратіона непременно взять съ собою Четвертинскаго, который съ нимъ служилъ въ кампанію 1805 года, М. А. Нарышкина попросила князя взять и Давыдова. На другой же день Багратіонъ доложилъ о томъ Государю, который выразилъ свое согласіе. Не вѣря своему счастью, хотя узналъ о томъ отъ Нарышкиной, Денисъ Васильевичъ, провожая отъѣзжавшаго Багратіона до кибитки, не рѣшился спросить его о своемъ назначеніи и окончательно успокоился только тогда, когда получилъ достовѣрное свѣдѣніе въ Военно-походной канцеляріи Его Величества.

3 января 1807 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга на Вильну и, наконецъ, съ радостнымъ чувствомъ переѣхалъ границу и черезъ Августово, Лыкъ, Рейнъ и Гутштадтъ 15 января пріѣхалъ въ Либштадтъ, во время выступленія главной квартиры вмѣстѣ съ арміею въ Морунгенъ. Яви-

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 109—123.

вписъ главнокомандующему, въ штабѣ котораго встрѣтилъ многихъ петербургскихъ пріятелей и знакомыхъ, онъ сразу почувствовалъ себя въ своей стихіи. Съ восторгомъ и упоеніемъ взиралъ онъ на все происходившее вокругъ него — осуществлялась его давнишняя мечта испытать себя на боевой службѣ. Но въ дальнѣйшемъ походѣ, близъ Морунгена, поле недавняго сраженія, впервые имъ видѣннаго, произвело на него крайне тяжелое впечатлѣніе: искаженные и обезображенные лица убитыхъ навели на него такую робость, что потомъ всю ночь не могъ онъ заснуть. Только на слѣдующее утро онъ овладѣлъ собою и избавился отъ того тяжелаго душевнаго состоянія, которому впослѣдствіи больше никогда не поддавался. Явившись начальнику авангарда, князю П. И. Багратіону, Давыдовъ съ этого дня въ теченіе болѣе пяти лѣтъ почти не разлучался съ нимъ и совершилъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ всѣ свои боевые походы первыхъ лѣтъ службы.

Въ довольно обширной статьѣ „Матеріалы для исторіи современныхъ войнъ (1806 и 1807 г.г.)“¹⁾ онъ вкратцѣ описалъ всю кампанію этихъ годовъ и свое участіе въ ней, въ виду чего нѣтъ надобности повторять здѣсь подробности, приведенныя самимъ авторомъ. Однако главный интересъ и значеніе этой статьи не въ общемъ описаніи кампаніи, впослѣдствіи изложенной нѣсколькими русскими и иностранными военными историками,²⁾ а въ обрисовкѣ ея отдѣльныхъ моментовъ и положеній и особенно — въ мѣткой, выразительной характеристикѣ какъ выдающихся нашихъ генераловъ, такъ и болѣе скромныхъ представителей русской арміи. Предъ глазами читателя проходитъ цѣлая галерея такихъ лицъ, какъ фельдмаршалъ графъ М. Ѳ. Каменскій, генералъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь) Сакенъ, графъ Буксгевденъ, генералъ (затѣмъ графъ) Беннигсенъ, князь Багратіонъ, къ которому авторъ всю жизнь питалъ чувства особаго уваженія и любви, Н. А. Тучковъ, графъ Остерманъ, князь Д. В. Голицынъ, генералы Дохтуровъ, Эссенъ 1 и Эссенъ 2-й, Барклай де Толли, Богговутъ, Ермоловъ (въ то время полковникъ, которому Давыдовъ посвящаетъ около 30 цѣнныхъ для его біографіи стра-

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 124—246.

²⁾ Лееръ. Энцикл. воен. и морск. наукъ, т. II, стр. 206.

ницъ), графъ Ламбертъ, гр. Кутайсовъ и другіе. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ частностяхъ авторъ пристрастенъ или ошибается, тѣмъ не менѣе его характеристики цѣнны, какъ свидѣтельства лица, близко стоявшаго къ тѣмъ, о которыхъ онъ говоритъ и которыхъ видѣлъ въ суровой обстановкѣ войны.

Въ заключительныхъ словахъ статьи Давыдовъ говоритъ: „Да не посѣтуютъ на меня строгіе критики за смѣлость, съ которою я рѣшился представить на судъ ихъ эту статью, которую я первоначально писалъ только для себя; въ ней безсвязное и неполное повѣствованіе искупается чистымъ намѣреніемъ моимъ изложить въ краткомъ, но правдивомъ разсказѣ очеркъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событій этой войны“. Несмотря на это искреннее признаніе, записки Д. В. Давыдова о войнѣ 1806—1807 г.г. имѣютъ несомнѣнный интересъ и болѣе или менѣе значительную цѣну въ глазахъ историка этой войны и ея дѣятелей.

Что касается непосредственнаго участія въ ней самого автора, первымъ боемъ его было Вольфсдорфское дѣло 24 января 1807 г.; во время отступленія нашей арміи, подъ натискомъ противника, къ Прейсишъ-Эйлау. Командуя арьергардомъ, князь Багратіонъ прикрывалъ русскую армію на пути отъ Вольфсдорфа къ Ландсбергу и здѣсь долженъ былъ принять бой.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Давыдовъ первыхъ выстрѣловъ, стараясь по его выраженію, „заимствоваться духомъ у сподвижниковъ князя Багратіона, поглощая душой игру ихъ фізіономій, ихъ взгляды, сужденія и распоряженія, которыя дышали любовью къ опасностямъ и сопровождались какою-то веселою беззаботностью о жизни...“ Но наиболѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на него Багратіонъ, которому съ этихъ дней онъ сталъ поклоняться, какъ кумиру.

Не имѣя команды, молодой адъютантъ выпросился у князя въ передовую цѣпь подъ предлогомъ наблюденія за непріятелемъ, въ дѣйствительности же, какъ самъ признался, собственно для того, чтобы „погарцовать на конѣ, пострѣлять изъ пистолетовъ, помахать саблею и, если представится случай, порубиться...“ Пренебрегая явною опасностью, ему удалось испытать это удовольствіе, впрочемъ, безъ всякой пользы для дѣла. Видѣвшіе его неумѣстную удачу казаки посовѣтовали ему лучше вернуться туда, откуда онъ пріѣхалъ, что онъ и сдѣлалъ.

Однако, тотчасъ по возвращеніи къ Багратіону, онъ былъ посланъ княземъ къ 5-му егерскому полку, занимавшему лѣсъ между Вольфсдорфомъ и Эльдитеномъ, съ приказаніемъ оставить этотъ лѣсъ и отступить къ другой, заранѣе избранной позиціи. Порученіе было исполнено, но въ головѣ пылкаго воина неожиданно зародилась мысль о томъ, что Багратіонъ слишкомъ поспѣшилъ отступленіемъ своего авангарда, и что необходимо немедленно сдѣлать попытку вновь перейти въ наступленіе. Полагая, что онъ избранъ Провидѣніемъ для совершенія такого подвига, отъ удачи котораго зависѣла судьба авангарда, а затѣмъ и всей нашей арміи, Давыдовъ подговорилъ находившихся недалеко отъ него казаковъ, гусаръ и уланъ — и цѣпью дружно бросился на французскихъ фланкеревъ...

Онъ былъ въ восторгѣ, что его „сабля поѣла живого мяса; благородный паръ крови курился и на ея лезвѣ“.

Впрочемъ, сѣча продолжалась недолго, такъ какъ фланкеры быстро отступили, но вскорѣ ихъ резервы набросились на нашихъ, которые, въ свою очередь, вынуждены были повернуть назадъ. Шесть французскихъ конно-егерей погнались за Давыдовымъ и сильно ранили его — лошадь, тѣмъ не менѣе она продолжала скакать. Одинъ изъ преслѣдовавшихъ схватилъ его за край шинели, но, къ счастью, она растянулась и осталась въ рукахъ француза. Спустя нѣсколько минутъ ослабѣвшая лошадь Давыдова попала въ болото, провалилась по брюхо и издохла. Для него самая смерть или плѣнъ казались неизбѣжными, но во-время подоспѣвшая помощь двадцати казаковъ спасла его.

Багратіонъ, обезпеченный долгимъ отсутствіемъ своего адъютанта, былъ очень радъ его благополучному возвращенію. Чужая лошадь подлхимъ всадникомъ, потерянная шинель, грязь, снѣгъ и кровь на одеждѣ — все это указывало на только что выдержанную имъ схватку. О грандіозныхъ замыслахъ чуть не противъ самого Наполеона не было, конечно, доложено князю ни слова. Послѣдній представилъ его къ наградѣ, и въ результатъ Давыдовъ получилъ не только орденъ св. Владиміра 4-й степ съ бантомъ, но и Высочайшій рескриптъ, за собственноручною подписью Императора Александра I.

Приводимъ содержаніе этого документа, въ подлинникѣ сохранившагося въ бумагахъ Д. В. Давыдова:

„Господинъ Лейбъ-Гвардіи Штабсъ-Ротмистръ Давыдовъ.

„Въ воздаяніе отличной храбрости и мужества, оказанныхъ вами въ сраженіи противъ французскихъ войскъ 24 Генваря, гдѣ вы посланы были съ приказаніемъ подѣ картечными выстрѣлами, убита подѣ вами лошадь и захвачены вы были въ плѣнъ, но отбиты козаками, Жалую васъ кавалеромъ ордена святаго равноапостольнаго Князя Владимира четвертой степени, коего знакъ у сего къ вамъ доставляя, Повелѣваю возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ въ петлицѣ съ бантомъ, увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вѣщему продолженію ревностной службы вашей.—Пребываю вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

Бартенштейнъ
26 апрѣля 1807».

Счастливо началась боевая дѣятельность Д. В. Давыдова.

Въ ночь на 26 января онъ принялъ участіе въ сраженіи подѣ Ландсбергомъ, гдѣ нашъ слабый арьергардъ съ трудомъ удерживалъ натискъ многочисленнаго непріятеля, и затѣмъ—въ сраженіи подѣ Прейсишъ-Эйлау, о которомъ онъ впослѣдствіи писалъ: „въ четырнадцать кампаній моей службы, во всю эпоху войнъ Наполеоновыхъ, справедливо названныхъ эпопеей нашего вѣка, я подобнаго побоища не видывалъ...“

Сраженію этому онъ посвятилъ особую статью,¹⁾ въ которой говоритъ о „гибельномъ превосходствѣ“ его надѣ Бородинскою битвою, въ которой главнымъ дѣйствовавшимъ оружіемъ было огнестрѣльное, тогда какъ въ Эйлауской—рукопашное. По его словамъ, то былъ широкій ураганъ смерти, все вдребезги ломавшій и стиравшій съ лица земли все, что ни попадало подѣ его сокрушительное дыханіе. Сраженіе это, продолжавшееся отъ полудня 26-го до 11 час. веч. 27 января, „пресѣлось только штилемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе на два взрыва“.

Въ теченіе четырехъ сутокъ, вмѣстѣ съ другими чинами штаба Баграціона, Давыдовъ почти не спалъ и неутомимо несъ живую службу адъютанта при этомъ, уже въ то время выдающемся генералѣ. Между

¹⁾ «Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, 1807 года января 26 и 27». Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 256—287.

прочимъ, въ первый день сраженія, когда весь арьергардъ нашъ вступилъ въ дѣло и потребовалось содѣйствіе кавалеріи, чему способствовала и открытая мѣстность, Багратіонъ послалъ Давыдова къ главнокомандующему Беннигсену просить нѣсколько конныхъ полковъ. Послѣдній приказалъ ему взять первые же два полка, которые попадутся ему на встрѣчу; таковыми оказались полки С.-Петербургскій драгунскій и Литовскій уланскій, которые онъ на рысяхъ привелъ къ мызѣ Грингофшенъ, куда арьергардъ успѣлъ уже отойти. Во-время прибывшіе кавалерійскіе полки, а за ними и другія части способствовали спокойному отходу нашего арьергарда, а затѣмъ и обратному занятію Эйлау къ вечеру этого дня.

На слѣдующій день, къ позднему вечеру сраженіе окончилось и хотя Беннигсенъ отступилъ, однако погони со стороны французской арміи не было: потери ея, даже сравнительно съ нашими, были слишкомъ велики. „Подобному урону“,—говоритъ Давыдовъ,—„не было примѣра въ военныхъ лѣтописяхъ...“

За это сраженіе онъ былъ награжденъ золотымъ Прейсишъ-Эйлау-скимъ крестомъ, на георгіевской лентѣ.

Въ послѣдующій періодъ войны Д. В. Давыдовъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Гутштадтомъ 25-го мая¹⁾, подъ Деппеномъ 26-го, подъ Гейльсбергомъ 28-го, подъ Фридландомъ 2-го іюня и подъ Таплакеномъ 3 іюня. Новыми боевыми наградами была отмѣчена примѣрная служба отважнаго ротмистра, въ Высочайшихъ рескриптахъ на имя котораго (18 и 20 мая 1808 г.) включены были слѣдующія лестныя выраженія:

„въ сраженіи противъ французскихъ войскъ 24 и 25 числа прошедшаго (1807 г.) мая, гдѣ вы съ точностью и расторопностью отдавали повелѣнія Генераль-Лейтенанта князя Багратіона въ опаснѣйшихъ мѣстахъ и всегда оказывали желаніе быть употребленнымъ...“

¹⁾ Въ бумагахъ Д. В. Давыдова сохранился «аттестатъ», выданный ему 15 декабря 1807 г. бригаднымъ командиромъ 18-й пѣх. дивизіи генераль-маіоромъ княземъ Щербатовымъ, который свидѣтельствуетъ, что когда 19 февраля этого года онъ съ своимъ авангарднымъ отрядомъ былъ атакованъ при г. Гутштадтѣ, находившійся добровольно при немъ во все время дѣла штабсъ-ротмистръ Давыдовъ способствовалъ ему въ развѣщеніи войскъ, съ неустрашимостью и точностью отдавалъ его приказанія подъ самыми картечными и ружейными выстрѣлами; когда же послѣ долгаго сопротивленія усилившійся непріятель принудилъ кн. Щербатова отступить, тогда Давыдовъ былъ имъ посланъ съ двумя пушками для «постановленія на выгодную высоту, что и исполнилъ съ успѣхностью, чрезъ что непріятелю нанесенъ былъ великой вредъ». Матеріалы, № 1, док. № 3.

.....во все время отступленія арьергарда къ Гейльсбергу отдаваемые Генераль-Лейтенантомъ княземъ Багратиономъ приказанія доставляли въ самыя опаснѣйшія мѣста съ точностію и особенною дѣятельностію, и оказали какъ въ семъ, такъ и въ сраженіи при Гейльсбергѣ 29 мая храбрость и примѣрную неустрашимость, при чемъ получили сильную контузію...⁽¹⁾

При первомъ рескриптѣ Давыдовъ былъ награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость“, а при второмъ — орденомъ св. Анны 2-го класса.

За кампанію 1807 года онъ получилъ также прусскій орденъ „Pour le mérite“.

27 іюня былъ заключенъ миръ и войска наши выступили въ Россію. Но до отбытія вмѣстѣ съ Багратиономъ въ Петербургъ, Давыдову, послѣ пережитыхъ имъ сильныхъ боевыхъ впечатлѣній, пришлось быть еще свидѣтелемъ одного изъ крупнѣйшихъ событій исторіи девятнадцатаго вѣка—Тильзитскаго свиданія Александра I и Наполеона. Въ посвященной этому событію статьѣ²⁾ въ живыхъ, яркихъ краскахъ и увлекательно описана вся внѣшняя сторона этого замѣчательнаго событія. Влюбленный въ геніи Наполеона, онъ дѣлится своими впечатлѣніями отъ этого необыкновеннаго человѣка, котораго наблюдалъ почти ежедневно при встрѣчахъ, ради коихъ нарочно пріѣзжалъ въ Тильзитъ подъ предлогомъ порученій, выпрашиваемыхъ у Багратиона. Описанія Давыдова полны жизни и захватывающаго интереса къ тѣмъ историческимъ событіямъ и въ особенности къ тѣмъ лицамъ, которыя ихъ создавали.

Однако молодая, горячая натура требовала своего—и Денисъ Васильевичъ, по прибытіи въ Россію, взялъ отпускъ въ Москву, гдѣ послѣ понесенныхъ боевыхъ трудовъ отдался „веселостямъ“, окончательно вскружившимъ ему голову: блестящій лейбъ-гусарскій штабсъ-ротмистръ, украшенный двумя крестами на шеѣ и двумя на красномъ ментикѣ, покрытомъ золотомъ, утопалъ въ наслажденіяхъ и, какъ самъ признается, былъ

¹⁾ Высочайшіе рескрипты 18 и 20 мая 1808 г., въ С.-Петербургѣ, съ собственноручными подписями Императора Александра I, сохранившіеся въ бумагахъ Д. В. Давыдова. Матер. № 1, док. № № 7 и 8.

²⁾ «Тильзитъ въ 1807 году». Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 238—320.

влюбленъ до безумія. Все же не оставлялъ онъ и литературныхъ занятій, плодомъ которыхъ въ 1807 году, между прочимъ, явилось его стихотвореніе „Договоры“, въ слѣдующемъ году напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“ (№ 6). Это произведеніе, изъ его стихотвореній наиболѣе крупное по объему, между прочимъ, сохранилось въ бумагахъ автора въ первоначальной редакціи,¹⁾ которая впоследствии не удовлетворила его, и онъ рѣшилъ ее измѣнить, объясняя причину тому въ примѣчаніи къ новому варианту, собственноручно имъ переписанному²⁾:

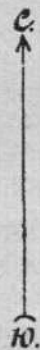
18043. „Стихотвореніе это, напечатанное въ 1808 году въ „Вѣстникѣ Европы“, принято было за элегію, тогда какъ оно, подъ личиною элегіи, есть чистая сатира на старыхъ холостяковъ, заключающихъ брачныя союзы съ молодыми и свѣтскими дѣвушками. Впрочемъ, сему ложному понятію виною былъ я самъ, не выразивъ, какъ видно, мысли моей съ достаточною ясностью. Вотъ почему рѣшаюсь вторично выдать въ свѣтъ стихотвореніе это, по умѣнью моему, сколько возможно исправленнымъ“.

Въ 1808 году началась война со Швеціей, первая вѣсть о которой заставила Давыдова отказаться отъ московскихъ развлеченій и поспѣшить вслѣдъ за нашей арміей, вступившей въ предѣлы Финляндіи. Баграціонъ былъ назначенъ начальникомъ 21-й пѣх. дивизіи, которой указано было слѣдовать на Тавастгусъ и Або. Прибывъ къ Баграціону, адъютантомъ котораго Денисъ Васильевичъ продолжалъ оставаться, онъ испросилъ разрѣшеніе своего начальника отправиться на сѣверъ, въ отрядъ генерала Раевского, гдѣ въ ближайшіе дни предстояли боевыя дѣйствія, для 21-й дивизіи пока еще не намѣченные. Баграціонъ охотно отпустилъ его. Давыдовъ поспѣшилъ въ Вазу, гдѣ засталъ Раевского, даровитаго генерала, котораго онъ давно зналъ и любилъ, но несмотря на это, рѣшилъ покинуть и его, чтобы скорѣе быть еще болѣе впереди—въ авангардѣ подъ командою храбраго Кульнева. Съ этимъ авангардомъ онъ и пробылъ всю войну, до окончательнаго покоренія Финляндіи. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ выдающійся генераль (въ то время подполковникъ) своими боевыми и душевными качествами имѣлъ сильное вліяніе на Да-

¹⁾ Матеріалы, № 65.

²⁾ Матеріалы, № 67.

В. Жерве. Ден. Вас. Давыдовъ.

HO.

Условные знаки:
Числа Октября подчеркнуты.
" " " Ноября в кружках.
" " " Декабря не подчеркнуты.

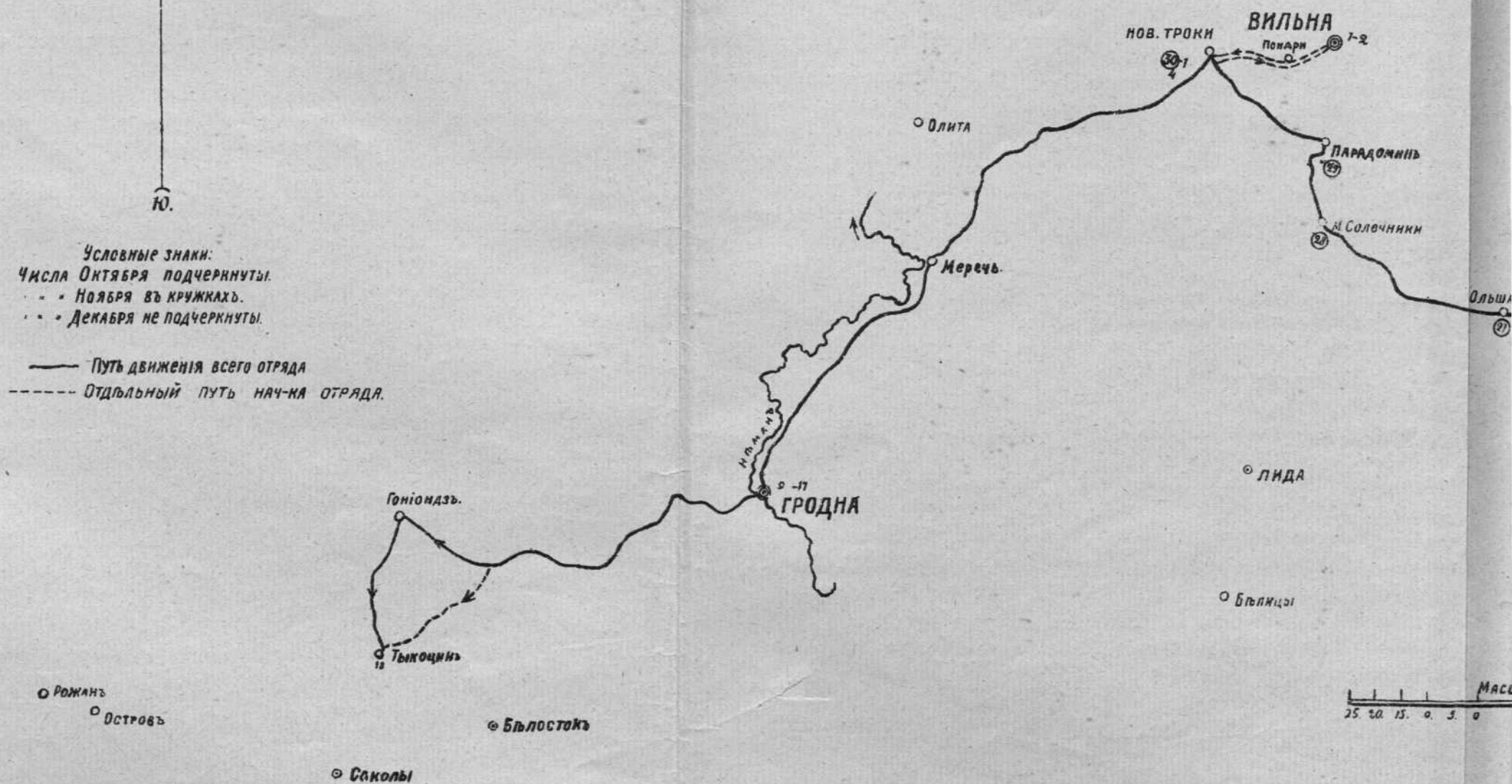
Числа Октября подчеркнуты.

• НОЯБРЯ ВЪ КРУЖКАХЪ.

• • • Декабря не подчеркнуты.

— Путь движения всего отряда
----- Отдельный путь нач-ка отряда.

----- Отдельный путь нач-ка отряда.

ГРОДНА

Вильна

НОВ. ТРОКИ

Пондари

1-2

○ ОЛИТА

Мерчъ.

ПАРАДОМНИЙ

М. Солечники

Ольша

© ЛНДА

О БЛАЖЕННЫХ

Гоніондзъ.

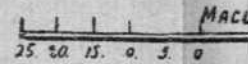
Тыкоцннз

О РОЖАНЪ

О. ОСТРОВ

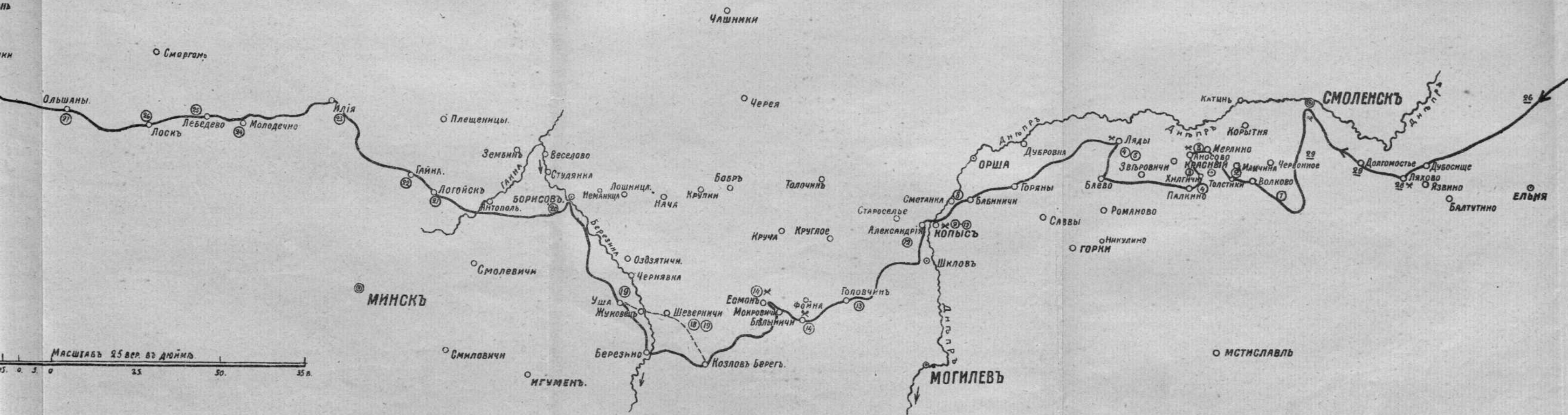
© Българска

© Саколы

25.	20.	15.	0.	5.	0
-----	-----	-----	----	----	---

Путь движенія
партизанскаго отряда Д. В. Давыдова
съ 26го Октября по 18го Декабря 1812 г.
(Богородицкое-Мыкоцинь).

выдова, который къ нему сильно привязался и сохранилъ до конца жизни наилучшія чувства ¹⁾).

Въ авангардѣ Кульнева Давыдовъ сразу почувствовалъ себя на мѣстѣ и вскорѣ отличился въ нѣсколькихъ стычкахъ и дѣлахъ, въ которыхъ обнаружилъ свою обычную отвагу и рѣшимость. 12 апрѣля начальникъ отряда, давъ въ его распоряженіе эскадронъ Гродненскихъ гусаръ и 150 казаковъ, поручилъ ему произвести набѣгъ на островъ Карлое (противъ Улеаборга), чтобы сжечь находившіеся на немъ непріятельскіе продовольственные магазины, а, главное, произвести демонстрацію противъ шведскаго авангарда, который занималъ д. Карикандо. Это порученіе Давыдовъ исполнилъ очень энергично: придя съ своимъ отрядомъ на островъ, онъ послѣ перестрѣлки выгналъ оттуда непріятеля и сжегъ магазины, а, зайдя въ тылъ шведскому авангарду, заставилъ его немедленно отступитъ отъ д. Карикандо на 20 верстъ къ д. Люміоки ²⁾).

Какъ свидѣтельствовалъ Кульневъ, „находящійся для усовершенствованія себя въ познаніи аванпостной службы“ Давыдовъ участвовалъ во всѣхъ партіяхъ и перестрѣлкахъ на передовыхъ постахъ. При островѣ Бено (во время овладѣнія Аландскими островами) онъ первымъ бросился съ охотниками въ деревню и, будучи отбитъ стрѣлками, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ вновь построилъ свою команду, повторилъ ударъ и занялъ позицію противника. При островѣ Сангельшперфъ, командуя 30 казаками, онъ также билъ непріятеля и участвовалъ въ отбитіи двухъ пушекъ; ударомъ на ихъ прикрытіе способствовалъ взятію одного орудія ³⁾).

Съ лучшей стороны аттестовалъ его также командиръ Л.-Гв. Коннаго полка генераль-маіоръ Янковичъ, при которомъ Давыдовъ, по собственному желанію, находился въ сраженіи при Перхо, гдѣ подъ картечными и ружейными выстрѣлами развозилъ приказанія, успѣвалъ вводить въ дѣло назначенные на лѣвомъ флангѣ резервы, своею неустрашимостью и хладнокровіемъ способствуя точному направленію ихъ и пораженію непріятеля.

¹⁾ Ему же Давыдовъ посвятилъ особую статью: «Воспоминаніе о Кульневѣ въ Финляндіи 1808 года». Сочиненія, 1893 г., т. II, стр. 4—28.

²⁾ Матер., № 1, док. № 6. Аттестатъ, выданный Кульневымъ Давыдову.

³⁾ Тамъ же, док. № 4.

Зная характеръ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій этой страны, требующихъ работы небольшими, самостоятельными отрядами, можно съ увѣренностью сказать, что Д. В. Давыдовъ, съ молодыхъ лѣтъ проникнутый духомъ воинской отваги и смѣлой иници-

ативы, чувствовалъ себя на высотѣ призванія и могъ въ достаточной степени проявить свои военныя качества. Проявленію-же и развитію послѣднихъ не мало способствовала его боевая служба подъ непосредственнымъ и ближайшимъ руководствомъ такого образцоваго начальника авангарда, какимъ былъ Кульневъ.

Генералъ-маіоръ
Яковъ Петровичъ Кульневъ.

Изъ книги Ушакова «Дѣянія рос. полков и генерал.»

Прославившійся въ 1812 году генералъ Раевскій имѣлъ случай во время Шведской войны такъ же, какъ и Кульневъ, оцѣнить боевыя достоинства Давыдова, которому оба эти генерала выдали соответствующіе аттестаты. Руководствуясь какъ этими свидѣтельствами, такъ и своими личными наблюденіями, князь П. И. Багратионъ 5 іюня 1809 г. рапор-

томъ въ Государственную военную коллегію ходатайствовалъ о награжденіи Давыдова орденомъ св. Георгія, но ходатайство это осталось безъ послѣдствій ¹⁾.

Между тѣмъ, кромѣ названныхъ выше дѣлъ, въ теченіе той же войны Денисъ Васильевичъ участвовалъ еще въ дѣлахъ подъ Брагештадтомъ, два раза подъ Лаппо, Карстула, Кауртани, Сальми, Оровайсомъ, Гамле-

¹⁾ Матер., № 1, док. № 10.

Карлеби, Сингельшкеромъ и при переходѣ на шведскій берегъ подъ Грисельгамомъ.

Вмѣсто георгіевскаго креста, онъ „за оказанную въ семь году храбрость“ былъ только удостоенъ Высочайшаго благоволенія....

Едва окончилась война въ Финляндіи, Давыдовъ уѣхалъ въ Молдавію съ Багратіономъ, который былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ. Здѣсь, послѣ долгой разлуки съ родною землею, Денисъ Васильевичъ почувствовалъ настолько сильную тоску, что въ удрученномъ душевномъ состояніи вынужденъ былъ отпроситься въ Россію. Получивъ желанный отпускъ, онъ поспѣшилъ воспользоваться имъ и, доѣхавъ до границы, въ восторгѣ бросился на родную землю и сталъ цѣловать ее. Набравшись новыхъ силъ, черезъ двѣ недѣли онъ уже возвращался въ дѣйствующую армію. Вниманіе, оказанное Багратіономъ Давыдову, по словамъ послѣдняго, спасло ему честь, ибо въ томъ нервномъ возбужденіи, въ которомъ находился, онъ готовъ былъ бѣжать изъ арміи ¹⁾.

Въ августѣ начались рѣшительныя военныя дѣйствія, въ которыхъ ему пришлось участвовать: взятіе Мачина (18-го) и Гирсова (22-го), затѣмъ въ сраженіи при Рассеватѣ (4 сент.), въ обложеніи крѣп. Силистріи и, наконецъ, въ сраженіи подъ Татарицей (10 окт.). За оказанную въ этихъ дѣлахъ храбрость онъ былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія.

Обиженный тѣмъ, что Императоръ Александръ I не одобрилъ предложенія перевести армію на лѣвый берегъ Дуная, Багратіонъ въ началѣ 1810 г. просилъ объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго, на что Государь согласился. Какъ ни тяжело было Давыдову разстаться съ своимъ любимымъ начальникомъ, все же онъ рѣшилъ остаться въ дѣйствующей арміи, главнокомандующимъ которой былъ назначенъ молодой графъ Н. М. Каменскій, и снова вступилъ въ составъ авангарда, подъ команду своего недавняго соратника по Финляндіи—Кульнева. Тогда же (4 марта) онъ былъ произведенъ въ ротмистры.

Однако, хотя заманчива была близкая перспектива новыхъ военныхъ дѣйствій, Денисъ Васильевичъ не утерпѣлъ, чтобы еще разъ не сѣздить

¹⁾ Сборн. біографій кавалергардовъ, подъ ред. С. Панчүлидзева, т. III, стр. 33.

въ отпускъ: его тянуло въ имѣніе Каменку (Чигиринск. у., Кіевск. губ.), гдѣ въ то время жила вся семья Давыдовыхъ. Это прекрасное барское имѣніе принадлежало его двоюродному брату, Александру Львовичу Давыдову (р. 1773 † 1833 г.), бывшему кавалергарду, въ то время только что вышедшему въ отставку. Послѣдній былъ женатъ на дочери французскаго эмигранта герцога де-Граммонъ, Аглаѣ Антоновнѣ. Эта знаменитая „Аглая“, воспѣтая въ послѣдствіи Пушкинымъ ¹⁾, была тѣмъ магнитомъ, который привлекалъ къ себѣ многихъ дѣятелей Александровской эпохи, умиравшихъ у ногъ очаровательной хозяйки. Былъ влюбленъ въ нее и Давыдовъ, посвятившій ей въ 1809 г. два стихотворенія, достаточно ясно характеризующія его чувства къ ней и то впечатлѣніе, которое она производила.

Въ одномъ изъ нихъ онъ говорилъ:

Ты улыбкою небесною
Разрушаешь всѣ намѣренья
Разлюбить не разлюбимую!
Сколько плѣнниковъ скитается,
Сколько презрѣнныхъ терзается
Вкругъ обители красавицы!..

Мимолетнымъ сновидѣніемъ пронеслось для него кратковременное пребываніе въ Каменкѣ, откуда не только долгъ службы, но и воинскій порывъ привлекалъ его въ дѣйствующую армію. Въ стихотвореніи, написанномъ графу П. А. Строганову именно въ это время, онъ благодарилъ за присланный ему чекмень и, вспоминая своего „блаженной памяти предка Чингисъ-хана“, писалъ:

Я тѣмъ же пламенемъ, какъ Чингисъ-ханъ, горю;
Какъ пращуръ мой, Батый, готовъ на бранню пры... ²⁾

Подъ командою Кульнева ему пришлось не только исправлять должность „бригадъ-маіора авангарда“, но и исполнять разнообразныя и важныя порученія. Наканунѣ взятія Силистріи, 21 мая онъ повѣрялъ аванпосты и при этомъ сломалъ себѣ руку, но, несмотря на это, продол-

¹⁾ Въ стихотвореніи «Къ Аглаѣ».

²⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 28.

жалъ участвовать въ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Въ особенности отличился онъ въ сраженіи подъ Шумлою 11 и 12 іюня, когда командовалъ 2-мъ Уральскимъ казачьимъ полкомъ. Атаковавъ гору съ праваго фланга, онъ занялъ ее спѣшенными стрѣлками отъ всего полка и выгналъ непріятеля изъ деревни. Когда же находившіеся впереди казаки полка Барабанщикова были сбиты, онъ ударилъ турокъ во флангъ и сильнымъ ружейнымъ огнемъ опрокинулъ ихъ, удержавъ за собою деревню, весьма важную по своему значенію въ общемъ ходѣ боя. Во время кавалерійской атаки онъ снова нанесъ туркамъ ударъ, съ лѣваго фланга, и преслѣдовалъ ихъ до вала крѣпости, проявивъ при этомъ большую храбрость и въ особенности—присутствіе духа.

За это отличіе Давыдову былъ пожалованъ орденъ св. Анны 2-го класса, алмазами украшенный, при Высочайшемъ рескриптѣ, съ собственноручною подписью Государя, отъ 8 ноября 1810 года ¹⁾.

Послѣ этого онъ еще участвовалъ въ вылазкахъ подъ тою-же крѣп. Шумлою 23 и 26 іюня и въ приступѣ Рущука 22 іюля ²⁾.

Кульневъ выдалъ ему аттестатъ, въ которомъ, перечисливъ его заслуги, въ заключеніе говорить: „12-го и 23-го числа того же (іюня) мѣсяца вель себя какъ свойственно опытному и храброму офицеру, о чемъ пріятнымъ долгомъ поставляю засвидѣтельствовать...“ ³⁾.

Однако, несмотря на оказанныя отличія и лестные отзывы начальства, Давыдовъ долженъ былъ скоро кончить, по его выраженію, „въ поучительной школѣ неусыпнаго и отважнаго воина (Кульнева) курсъ аванпостной службы, начатой имъ въ Финляндіи“, познавъ цѣну спартанской жизни: недовольство главнокомандующимъ заставило его возвратиться къ Багратіону, въ то время получившему главное начальство надъ 2-ю западною арміею, расположенною въ районѣ Житомира и Луцка. Жизнь здѣсь потекла иначе: главное, дѣлать было нечего, если не считать побѣдки на курьерскихъ и, по остроумному признанію Давыдова, „бесѣды его съ соименнымъ ему покровителемъ Индіи (Бахусомъ или Вакхомъ, иначе Діонисіемъ)...“

¹⁾ Подлинный рескриптъ Императора Александра I. Матеріалы, № 1, док. № 12.

²⁾ Формулярный списокъ Д. В. Давыдова.

³⁾ Подлинный аттестатъ. Матеріалы, № 1, док. № 11.

Объ обстановкѣ его жизни въ этотъ періодъ (1810—1811 г.г.) можно судить по стихотворенію „Моя пѣсня“, начинающемуся словами:

Я на чердакъ переселился:
Жить выше, кажется, нельзя!
Съ швейцаромъ, съ кучеромъ простился
И повара лишился я.
Толпѣ заимодавцевъ знаю
И безъ швейцара дать отвѣтъ;
Я самъ дверь важно отворяю
И говорю имъ: «Дома нѣтъ!»...

Дальше онъ признается не менѣе откровенно:

Я завтракъ сытный получаю
Отъ друга, только что проснусь;
Обѣдать въ гости уѣзжаю,
А спать безъ ужина ложусь.
О, богачи, не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что съ вами равенъ счастью я...

Однако ошибочно было бы полагать, что гусарскій ротмистръ забылъ только что пережитыя имъ впечатлѣнія войны и въ утѣхахъ молодой, беззаботной жизни находилъ полное удовлетвореніе. Напротивъ, какъ въ эту пору, такъ и въ послѣдующіе годы въ немъ сказывался воинъ прежде всего.

Вотъ что въ 1811 году писалъ онъ въ одномъ изъ стихотвореній „Въ альбомѣ“¹⁾.

Такъ мнѣ-ли ударять въ разлаженные струны
И пѣть любовь, луну, кусты душистыхъ розъ?
Пусть загремятъ войны перуны,
Я въ этой пѣснѣ виртуозъ!

И это весьма понятно: въ воздухѣ чувствовалась близость войны. Уже въ октябрѣ этого года, принимая возвратившагося изъ Парижа графа

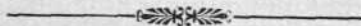
¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 31.

Нессельроде, Императоръ Александръ сказалъ, что считаетъ разрывъ съ Наполеономъ неизбѣжнымъ ¹⁾).

Подготовка къ войнѣ у насъ началась еще въ 1809 году, а въ слѣдующемъ году происходило въ большихъ размѣрахъ обзорѣніе нашей западной границы, вырабатывался планъ кампаніи. Хотя прошло четыре года послѣ Тильзитскаго мира, который далъ намъ нѣкоторое приращеніе въ видѣ Бѣлостокской области, русскіе люди считали этотъ миръ унижительнымъ и въ душѣ искали случая найти удовлетвореніе за понесенный позоръ подъ Аустерлицемъ. Кончилась война съ Турціей — теперь можно было обратить все вниманіе и всѣ силы противъ могущественнаго покровителя Европы.

И русская армія, вмѣстѣ со всею Россіею, стала усердно готовиться къ борьбѣ. Большая работа началась среди офицеровъ. Появились новыя руководства, правила, наставленія, „опыты“ тактики — и все это изучалось офицерами охотно, такъ какъ отвѣчало духу времени, потребности данной минуты. Работа ихъ была серьезная, патріотическая ²⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что и Д. В. Давыдовъ, отъ природы склонный къ чтенію и съ юныхъ лѣтъ особенно интересовавшійся военнымъ дѣломъ, отдался общей офицерской работѣ, чему не могла не способствовать его непосредственная близость къ такому выдающемуся военному человѣку, какимъ былъ Багратіонъ. По самому положенію 2-й западной арміи въ пограничной полосѣ Россіи, князь Петръ Ивановичъ являлся начальникомъ могущественнаго авангарда всей нашей арміи и зналъ, что ему одному изъ первыхъ придется принять на себя ударъ врага или даже ринуться ему навстрѣчу, осуществляя наступательные завѣты великаго Суворова. Такое-же настроеніе, очевидно, раздѣляли и всѣ лица, его окружавшія.

¹⁾ Н. Шильдеръ. Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 63.

²⁾ Н. П. Михневичъ. Исторія русской арміи и флота, 1911 г., Отечественная война 1812 г., стр. 90.

ГЛАВА II.

НАСТАЛЪ „священной памяти“ 1812 годъ. Войска будущей великой арміи Наполеона потянулись съ разныхъ концовъ Европы въ Пруссію и герцогство Варшавское; самъ Императоръ готовился къ отъѣзду изъ Парижа, чтобы быть ближе къ мѣсту, гдѣ должна была начаться роковая борьба. Война еще не была объявлена, переговоры между будущими врагами не прерывались, но разрывъ между ними былъ неминуемъ....

Сгорая желаніемъ стать возможно скорѣе въ ряды войскъ, готовыхъ вступить въ бой, Давыдовъ рѣшилъ просить разрѣшенія Багратиона поступить въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Главнокомандующій не только согласился, но по этому поводу написалъ 26 марта военному министру слѣдующее лестное письмо ¹⁾.

„Адъютантъ мой Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Ротмистръ Давыдовъ, желая предстоящую кампанію служить во фронтѣ, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ встрѣтить новые случаи оказать военныя способности свои, проситъ о переводѣ въ Ахтырской гусарской полкъ. Уваживъ его желаніе, основанное на толико похвальномъ намѣреніи и готовности оправдать его самимъ дѣломъ, покорнѣйше прошу вашего высокопревосходительства испросить на

¹⁾ Копія этого письма (26 марта № 497) помѣщена въ черновой тетради «Дневника поисковъ (партизанскихъ дѣйствій)» Давыдова, приведеннаго имъ въ порядокъ въ 1814 году (Матеріалы, № 4).

перемѣщеніе Давыдова въ Ахтырской гусарской полкъ Высочайшее соизволеніе.

„При семъ случаѣ, вмѣняя въ обязанность свидѣтельствовать о достоинствахъ офицера сего, служившаго нѣсколько кампаній при мнѣ и при другихъ начальникахъ съ отличною честію, я покорнѣйше прошу вашего высокопревосходительства довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества признательность мою къ отличнымъ заслугамъ Давыдова и, психодатаяйствовавъ высокомонаршее возрѣніе на службу его при перемѣщеніи въ полкъ, испросить старшинства настоящаго чина“.

8 апрѣля, съ переименованіемъ въ подполковники, Денисъ Васильевичъ вступилъ въ Ахтырскій полкъ ¹⁾, стоявшій тогда близъ Луцка, и 18 мая выступилъ съ нимъ въ походъ къ Брестъ-Литовску.

12 іюня началась переправа французской арміи черезъ Нѣманъ, на которую Императоръ Александръ I, въ то время находившійся въ Вильнѣ, отвѣтилъ своимъ знаменитымъ приказомъ по арміи, кончавшимся незабвенными словами: „На зачинающаго Бога!“....

Русскіе люди встали на защиту Отечества своего.

Къ тому времени 2-я западная армія была расположена въ окрестностяхъ Волковыска. Ахтырскій полкъ находился въ Заблудовѣ, близъ Бѣлостока. Съ этого дня, согласно общему плану кампаніи, началось отступленіе обѣихъ армій для ихъ соединенія внутри Россіи. Давыдовъ все время находился при полку, командуя первымъ баталіономъ ²⁾, и принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ: подъ Миромъ (26 іюня), Романовымъ (1 іюля), въ ночной экспедиціи подъ Катанью (3 августа), подъ Дорогобужемъ (11-го), Максимовымъ (14-го), Рожествомъ (19-го), Поповкой (21) и Покровомъ (23 августа) ³⁾.

Однако отважный и предприимчивый офицеръ не удовлетворился участіемъ въ этихъ сраженіяхъ и въ аванпостныхъ сшибкахъ. Его военная душа требовала еще болѣе дѣятельной, а, главное, вполнѣ самостоятельной работы. Увѣренный въ томъ, что въ военномъ дѣлѣ только тотъ выпол-

¹⁾ Этотъ день обозначенъ въ его «Дневникѣ»; по формулярному списку, переводъ состоялся 17 апрѣля.

²⁾ Въ то время гусарскіе полки состояли изъ двухъ батальоновъ, въ военное время по 4 эскадрона въ каждомъ.

³⁾ Формул. списокъ.

няетъ свой долгъ, который „переступаетъ за черту его, не равняется духомъ, какъ плечами въ шеренгѣ съ товарищами, на все напрашивается и ни отъ чего не отказывается“, онъ рѣшилъ обратиться съ письмомъ къ князю Багратиону, прося его разрѣшенія доложить свои намѣренія относительно партизанской службы, ради которой собственнo и перешелъ въ строй, разставшись съ лестною должностью адъютанта искренно любимаго имъ, вѣрнѣе—обожяемаго, начальника.

Это было на пути отступленія нашей арміи отъ Смоленска. 21 августа у Колоцкого монастыря ¹⁾, въ ови́нѣ, гдѣ помѣщался князь Багратионъ, состоялось свиданіе его съ Давыдовымъ, который въ горячей рѣчи постарался доказать всѣ выгоды партизанскихъ дѣйствій, принимая во вниманіе обстоятельства войны. Онъ говорилъ о длинномъ пути, по которому шелъ непрі-

Князь Петръ Ивановичъ Багратионъ.
Съ портрета О. Кипренскаго.

Музей 1812 г

¹⁾ Въ Смоленской губ., Гжатскомъ у., при р. Колочѣ.

ятель съ громадными транспортами, растянувшимися отъ Гжати (Гжатска) до Смоленска и дальше; между тѣмъ къ югу отъ Московскаго пути обширный районъ способствовалъ изворотамъ не только отдѣльныхъ партій, но и цѣлой арміи. Имѣя это въ виду, говорилъ онъ, нельзя не воспользоваться казаками, выдѣливъ нѣкоторое число ихъ для аванпостной службы, чтобы пустить ихъ въ середину каравана, слѣдовавшаго за Наполеономъ. Въ случаѣ движенія противъ нихъ сильныхъ отрядовъ, они сумѣютъ разсѣяться и избѣжать пораженія; если-же не случится такого движенія, они истребятъ источникъ жизни и силы 200-тысячной непріятельской арміи, которой неоткуда пополнять запасы для своего многочисленнаго личнаго и конскаго состава ¹⁾. Новое появленіе нашихъ войскъ среди разсѣянныхъ войною поселянъ должно ободрить ихъ и призвать къ народной войнѣ...

„Князь, откровенно вамъ скажу, — убѣждалъ Давыдовъ, — „душа болитъ отъ всеневныхъ параллельныхъ позицій! Пора видѣть, что онѣ не закрываютъ нѣдра Россіи; кому не извѣстно, что лучший способъ защищать предметъ непріятельскаго стремленія состоитъ не въ параллельномъ, а въ перпендикулярномъ или, по крайней мѣрѣ, въ косвенномъ положеніи арміи относительно этого предмета, и потому если не прекратится избранный Барклаемъ и продолжаемый свѣтлѣйшимъ родъ отступленія, Москва будетъ взята, миръ въ ней подписанъ и мы пойдемъ въ Индію сражаться за французовъ!...²⁾. Я теперь обращаюсь къ себѣ собственно: если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здѣсь; въ Индіи я пропаду со ста тысячами моихъ соотечественниковъ, безъ имени и за пользу, чуждую моего отечества, а здѣсь я умру подъ знаменами независимости, около которыхъ столнутся поселяне, ропщущіе на насиліе и безбожіе враговъ нашихъ... а кто знаетъ? можетъ быть и армія, опредѣленная дѣйствовать въ Индіи“...

¹⁾ Въ дѣйствительности, численность арміи Наполеона, несмотря на громадные потери, къ этому времени была еще больше. (Н. П. Михневичъ. Отечественная война 1812 г., стр. 113).

²⁾ Въ сочиненіяхъ Д. В. Давыдова, изданныхъ въ 1860 г. (т. I, стр. 7) и 1893 г. (т. II, стр. 31), ошибочно и съ искаженіемъ смысла послѣдней фразы напечатано: «...и мы пойдемъ въ Индію сражаться съ французами!» Въ черновой тетради «Дневника поисковъ» (Матеріалы, № 4) и въ исправленной самимъ авторомъ копіи «Дневника» (Матеріалы, № 9) ясно сказано: не съ французами, а «за французовъ».

Князь прервалъ нескромный полеть фантазіи будущаго партизана; согласившись съ его доводами и, пожавъ ему руку, онъ обѣщаль изложить мысли своего адъютанта Кутузову.

На слѣдующій день Багратіонъ подошелъ къ Бородину. Родное съ самаго дѣтства село произвело на Давыдова сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что обстановка войны совершенно измѣнила его. Надъ домомъ его покойнаго отца носился дымъ биваковъ, ряды штыковъ сверкали среди сжатыхъ полей, и войска толпились на родимыхъ ему холмахъ и долинахъ. „Тамъ, на пригоркѣ“, какъ писалъ онъ потомъ ¹⁾, „гдѣ нѣкогда я рѣзвился и мечталъ, гдѣ я съ алчностью читываль извѣстія о завоеваніи Италіи Суворовымъ, о перекатахъ грома русскаго оружія на границахъ Франціи—тамъ закладывали редутъ Раевского. Красивый лѣсокъ передъ пригоркомъ обращался въ застѣку и кипѣлъ егерями, какъ нѣкогда стаею гончихъ собакъ, съ которыми я носился по мхамъ и болотамъ. Все измѣнилось! Завернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семеновскимъ, не имѣя угла не только въ собственномъ домѣ, но даже и въ овинахъ, занятыхъ начальниками. Я глядѣлъ, какъ шумныя толпы солдатъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горокъ, для строенія биваковъ и костровъ. Слезы воспоминанія брызнули изъ глазъ моихъ, но скоро ихъ осушила мысль, что я и оба брата мои были вкладчиками крови и имущества въ сію священную лоттерей“...

Багратіонъ остановился въ Семеновскомъ. Въ тотъ-же день вечеромъ онъ прислалъ за Давыдовымъ и объявилъ, что свѣтлѣйшій согласился послать для пробы одну партію въ тылъ французской арміи, но, сомнѣваясь въ успѣхѣ этого предпріятія, назначаетъ только 50 гусаръ и 80 казаковъ подъ командою непремѣнно самого Давыдова.

— „Я бы стыдился, князь“,—отвѣчалъ Денисъ Васильевичъ,—„предложить опасное предпріятіе и уступить исполненіе его другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, но для пользы людей мало!“

Съ этимъ согласился и Багратіонъ, тѣмъ не менѣе Давыдовъ рѣшилъ идти и съ малымъ числомъ, въ надеждѣ открыть путь большимъ отрядамъ.

¹⁾ «Дневникъ партизанскихъ дѣйствій». Сочиненія, изд. 1894 г., т. II, стр. 32-33.

Князь тотчас написал Давыдову инструкцію о предстоявшихъ ему дѣйствіяхъ¹⁾, а также полковникамъ Васильчикову (командиру Ахтырскаго гусарскаго полка) и Карпову (командиру казачьяго полка) о назначеніи въ распоряженіе Давыдова лучшихъ гусаръ и казаковъ, снабдилъ молодого партизана собственною картою Смоленской губерніи²⁾ и, перекрестивъ его, сказалъ:

— Ну, съ Богомъ! Я на тебя надѣюсь!

Слова эти навсегда запечатлѣлись въ сердцѣ его...

Рано утромъ 23 августа Давыдовъ отнесъ письмо Багратиона Васильчикову,³⁾ у котораго собралось много генераловъ, весьма недовѣрчиво отнесшихся къ предстоявшей дѣятельности недавняго адъютанта, остряка и поэта, т. е. человѣка мало къ чему способнаго (какъ самъ онъ потомъ выразился о себѣ). Нѣкоторые, шутя, просили его кланяться генералу П. А. Тучкову (тяжко раненому и взятому въ плѣнъ въ сраженіи при Валутиной горѣ),

¹⁾ Вотъ текстъ этого историческаго документа, собственноручно писаннаго Багратиономъ (ореография подлинника):

Ахтырскаго гусарскаго полка подь полковнику Давыдову.

Сполученія сего извольте получить сто пятьдесятъ казаковъ отъ генералъ майора Карпова и пятьдесятъ гусаръ Ахтырскаго гусарскаго полка. Предъписываю вамъ употребить все меры беспокоить непріятели со стороны нашего леваго фланга истаратца забирать ихъ фуражировъ не съ фланга его а всередіну и въ задъ, растроивать ихъ обозы, парки, ломать переправы иотнимать все способы. Словомъ сказать я уверенъ что зделавъ вамъ такую важную доверенность вы почтитесь доказать вашу расторопность и усердіе и темъ оправдаете мою квамъ доверенность ивыборъ. Въ прочемъ какъ и насловахъ я вамъ делалъ мои приказанія, вамъ должно только меня обовсемъ рапортовать аболие никого. Рапорты же ваши присылать ко мне тогда когда будите удобной иметь случай. Одвиженіяхъ же вашихъ никому не должно вѣдать истарайтесь иметь всамой непроницаемой тайности. Что жъ касаетца допродовольствіа команды вашей, вы должны иметь сами объ ней попеченіе.

Генераль отъ инфантеріи
Кн. Багратионъ.

22-го августа

1812 года

Напозиціи.

Подлинная инструкція хранится въ бумагахъ Д. В. Давыдова (Матер., № 10, док. № 1). Копія съ нея приведена въ черновой тетради «Дневника поисковъ» (стр. 8—9), съ припискою автора: «это послѣдняя бумага кн. Багратиона».

²⁾ Подлинная карта («Карта Смоленской губерніи, Юхновскаго уѣзда. Сочинена въ 1802-мъ году»), вычерченная отъ руки и иллюминированная, въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ, сохранилась въ бумагахъ Д. В. Давыдова (Матер., № 10). На ней имѣется ея собственноручная надпись: «Несчастная карта по коей я партизанилъ 1812 года. Денисъ Давыдовъ». Во время похода и боевыхъ столкновений ея владѣльца, она сильно пострадала, совсѣмъ лишившись нѣсколькихъ кусковъ; сохранившаяся часть, очевидно, уже позже, наклеена на холстъ, спасшій отъ окончательнаго разрушенія историческую реликвию славнаго партизана Отечественной войны.

³⁾ Это былъ Дм. Вас. Васильчиковъ, опредѣленный 13 янв. 1808 г. полковникомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ и назначенный 28 марта 1811 г. командиромъ этого полка; въ генераль-майору произведенъ 26 декабря 1812 г. Въ своемъ «Дневникѣ поисковъ» Давыдовъ ошибочно называетъ его генераломъ въ августъ этого года.

другіе соболѣзновали ему въ ожидавшей его участи, и всѣ вообще понимали, какое трудное дѣло беретъ онъ на себя съ горстью людей.

Зная выдающіяся качества военного характера Давыдова, можно съ увѣренностью сказать, что явная опасность, о которой ему напоминали, едва-ли не удваивала его рѣшимость возможно скорѣе столкнуться съ врагомъ и примѣнить въ самостоятельныхъ отважныхъ дѣйствіяхъ свои силы, знанія и боевой опытъ, въ особенности пріобрѣтенный въ недавней войнѣ въ Финляндіи и Турціи: именно здѣсь, пройдя „курсъ аванпостной службы при Кульневѣ“, онъ отлично подготовилъ себя къ работѣ партизана, которая потомъ навсегда связала его имя съ незабвеннымъ годомъ Отечественной войны.

Въ составъ легучаго отряда Давыдова вошли 50 гусаръ-ахтырцевъ и 80 казаковъ и офицеры: Ахтырскаго полка штабсъ-ротмистръ Бедряга 3-й, поручики Бекетовъ и Макаровъ и казачьяго полка хорунжіе Талаевъ и Григорій Астаховъ. Съ этими скромными силами началъ онъ свою партизанскую дѣятельность послѣ Шевардинской битвы 24-го августа, предшествовавшей великому Бородинскому сраженію.

Обстановка была весьма заманчива для предприимчиваго начальника отряда. Запасы, собранные Наполеономъ въ Вильнѣ, Минскѣ, Смоленскѣ и въ другихъ мѣстахъ, не удалось подвезти къ французской арміи, многія части которой перестали получать хлѣбъ и сухари и варили лишь похлебку изъ муки съ мясомъ. Для сбора запасовъ въ районѣ пути слѣдованія приходилось высылать особые отряды, но ихъ поиски часто оставались безуспѣшными, ибо мѣстные жители, при приближеніи непріятеля, спѣшили возможно тщательнѣе скрывать и уничтожать свои запасы и искать спасенія среди лѣсовъ и болотъ. Огромные обозы и парки великой арміи, вслѣдствіе ужаснаго состоянія испортившихся отъ дождей дорогъ, растянулись на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ на пути къ Москвѣ—вождемъ цѣли Наполеона и его уже сильно растаявшихъ полчищъ. Нельзя было терять времени для нанесенія ударовъ въ эти чувствительныя мѣста непріятельской громады, однимъ своимъ видомъ приводившей въ трепетъ мирное населеніе захваченныхъ ея движеніемъ областей. Насилія и неистовства враговъ, изстрадавшихся отъ голода, лишеній и напряженного преслѣдованія неуловимаго противника, превзошли всякіе предѣлы возможнаго...

Настали дни давно жданной работы Дениса Васильевича Давыдова.

Избравъ путь къ югу отъ Можайска, онъ направился черезъ села Сивково, Борисъ-городокъ въ с. Егорьевское, а оттуда — на Медынь, Шанскій заводъ, Азарово и с. Скугарево, которое избралъ первымъ приютищемъ своимъ. Сюда прибылъ онъ 29 Августа и оставался, кочуя въ окрестностяхъ Скугарева, до 8 сентября. Это были ужасные дни, полные тревогъ и опасностей со стороны не только враговъ, но и своихъ. Воспользовавшись высотой, на которой было расположено село, отряду можно было наблюдать въ ясный день версты на 7—8 вокругъ, но, избѣгая опасности, приходилось съ наступленіемъ сумерекъ укрываться въ лѣсу или на другихъ высотахъ, постоянно мѣняя мѣста, въ особенности послѣ обнаруженія отряда на отдыхѣ случайными прохожими, если ихъ не удавалось захватить съ собою.

Путь становился все опаснѣе по мѣрѣ удаленія отъ арміи. Даже въ тихихъ мѣстахъ, гдѣ не было непріятеля, мѣстные жители, принимая партизанскій отрядъ за противника, закрывали ворота селеній и оказывали ему вооруженное сопротивленіе, угрожая вилами, кольями или пуская въ ходъ топоры и даже огнестрѣльное оружіе. Не умѣя разбираться въ военныхъ формахъ, крестьяне принимали Давыдова и его гусаръ за французовъ и потому, подѣзжая къ какому-либо селенію, приходилось сначала вступать въ переговоры съ крестьянами, доказывать имъ, что пришли русскіе люди имъ-же на помощь, на защиту православной церкви. Иногда въ отвѣтъ раздавался выстрѣлъ или летѣлъ топоръ, и потому долго нужно было разубѣждать заблуждавшихся, пока, наконецъ, заключивъ миръ, крестьяне не принимали гусаръ и казаковъ, стараясь загладить свою ошибку гостепріимствомъ и обильнымъ угощеніемъ.

„Тогда я на опытъ узналъ“, признавался впослѣдствіи Давыдовъ¹⁾, „что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ черни, но принаравливаться къ ней, къ ея обычаямъ и одеждѣ“²⁾. И дѣйствительно,

¹⁾ «Дневникъ партизанскихъ дѣйствій 1812 года». Сочиненія, 1893 г., ч. II, стр. 43.

²⁾ На л. 8 рукописи «Дневника», исправленной Д. В. Давыдовымъ (Матер., № 9), его рукою приписано: «но не писать слогомъ объявленій Ростопчина. Это оскорбляетъ грамотныхъ, которые видятъ презрѣніе въ томъ, что имъ пишутъ площаднымъ нарѣчіемъ, а извѣстно, что письменные люди не малое имѣютъ вліяніе надъ безграмотными, даже въ кабакахъ».

онъ надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду, вмѣсто ордена св. Анны повѣсилъ образъ св. Николая и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ. Выработавъ своего рода тактику для дѣйствій на случай сопротивленія крестьянъ, онъ, входя въ сношенія съ ними, старался распространять слухи о возвращеніи нашихъ войскъ, убѣждалъ въ необходимости защищаться противъ истиннаго врага и немедленно извѣщать наши войска о приближеніи французовъ.

Вскорѣ начались встрѣчи съ непріятельскими отрядами и транспор-тами, столкновенія съ которыми для малочисленнаго партизанскаго отряда представляли несомнѣнныя опасности. Необходимо было дѣйствовать скрытно, неожиданно и рѣшительно. Сначала выручалъ лѣсъ у Скугарева, откуда за два-три часа до разсвѣта отрядъ осторожно выходилъ на поискъ и, налетѣвъ на непріятельскій транспортъ, кружными путями затѣмъ возвращался къ тому-же лѣсу, чтобы отсюда, при первомъ-же удобномъ случаѣ, повторить набѣгъ.

2 сентября Давыдовъ выступилъ къ Вязьмѣ¹⁾. Удачнымъ дѣйствіемъ было въ этотъ день нападеніе у с. Токарева на шайку 160 мародеровъ, которые были захвачены въ плѣнъ вмѣстѣ съ ограбленными у жителей пожитками. Мѣстные крестьяне были свидѣтелями этой поимки и получили часть отнятаго имущества. Воспользовавшись удачею, Давыдовъ собралъ крестьянъ, объявилъ имъ о мнимомъ прибытіи большого числа нашихъ войскъ въ уѣзды Юхновскій и Вяземскій, роздалъ имъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ ихъ защищать свое имущество и далъ имъ наставленіе, какими хитрыми приѣмами дѣйствовать противъ болѣе сильныхъ партій мародеровъ. Захваченные плѣнные, подъ конвоемъ нѣсколькихъ казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ, были отправлены въ Юхновъ подъ расписку городского начальства. Такимъ-же образомъ въ подобныхъ случаяхъ поступалъ онъ и впослѣдствіи.

Къ вечеру того-же дня близъ Царева-Займища удалось захватить сначала непріятельскій разѣздъ, а затѣмъ, погнавшись за 40 фуражирами, влетѣть почти вслѣдъ за ними въ село, гдѣ, застигнутые врасплохъ французы, составлявшіе прикрытіе обоза, частью разбѣжались, частью

¹⁾ Рапортъ его Дежурному генералу ген.-лейт. Коновницину (черновикъ, безъ обозначенія числа. Матер., № 10).

были захвачены. Въ результатѣ, какъ рапортовалъ Давыдовъ генералу Коновницину, „въ сей счастливый день“ сочтено убитыхъ 375, въ числѣ коихъ 3 офицера, взяты въ плѣнъ 1 штабъ и 4 оберъ-офицера и 490 рядовыхъ, а также 41 большая транспортная фура съ сухарями и овсомъ и одеждою на весь 1-й Вестфальскій гусарскій полкъ. Кромѣ того, отбито 140 воловъ, перевозившихъ артиллерійскій паркъ, и 66 нашихъ плѣнныхъ¹⁾.

Черезъ села Климово и Кожино лихіе партизаны къ полудню 3 сентября вернулись въ Скугарево, чтобы отдохнуть послѣ 30-верстнаго непрерывнаго похода и напряженной работы.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ партіи приходилось работать, Давыдовъ, для сбереженія лошадей, соблюдалъ строгую очередь для ихъ отдыха въ разсѣланномъ видѣ и промывки и присыпки ссадинъ. Для охраненія отряда на отдыхъ выставлялись два парныхъ казачьихъ пикета и всегда въ полной боевой готовности находился резервъ изъ 20 человекъ.

5-го числа, по пути на с. Андреевское, были захвачены 30 мародеровъ. 6-го, слѣдуя къ Федоровскому, партизаны узнали, что здѣсь оставился ночевать транспортъ нашихъ плѣнныхъ въ числѣ 200 человекъ подъ конвоемъ 50 французовъ. Давыдовъ тотчасъ поспѣшилъ на выручку къ своимъ—и немедленно плѣнные превратились въ прикрытіе, а прикрытіе въ плѣнныхъ.

Дѣйствія партизановъ, подъ предводительствомъ ихъ отважнаго и предприимчиваго начальника, какъ видимъ, съ первыхъ же дней увѣнчались несомнѣннымъ успѣхомъ, вызвавшимъ тревогу Наполеона и его начальника штаба Бертье²⁾. Уже 9 сентября, изъ главной квартиры въ с. Красной Пахрѣ, генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, извѣщая Давыдова о расположеніи нашей арміи и выдѣленныхъ отъ нея частей, писалъ ему: „Я уповаю, что вы, продолжая похвальные успѣхи ваши, безъ дальнихъ затрудненій по обстоятельствамъ, съ однимъ изъ упомянутыхъ корпусовъ доставите себѣ сношеніе....“³⁾

Когда же была оставлена Москва, Кутузовъ, освѣдомившись объ успѣ-

¹⁾ Тамъ-же. Матеріалы, № 10.

²⁾ Н. Михневичъ, гл. V., стр. 14.

³⁾ Матеріалы, № 10, док. № 4.

хахъ Давыдова, выдѣлили другіе партизанскіе отряды въ разныхъ направленіяхъ, предписавъ имъ, переносясь съ мѣста на мѣсто, наносить возможно больше вреда непріятелю¹⁾. Съ каждымъ днемъ ихъ дѣйствія становились все болѣе и болѣе опасными для сильно таявшей непріятельской арміи, которая съ трудомъ парировала безпрестанныя и назойливыя преслѣдованія партизановъ, не оставлявшихъ ея въ покоѣ. Къ тому-же во главѣ ихъ отрядовъ стояли выдающіеся, талантливые начальники, имена которыхъ мы можемъ съ гордостью повторять и теперь, сто лѣтъ спустя послѣ ихъ славныхъ подвиговъ: то были Сеславинъ, Фигнеръ, кн. Кудашевъ, кн. Вадбольскій, Бенкендорфъ и другіе. Инициатива Дениса Давыдова, получившаго благословеніе Багратіона, открыла имъ широкое поле дѣятельности, въ особенности въ ту пору, когда армія Наполеона, разбитая морально и почти уничтоженная физически, потянулась отъ Москвы къ западнымъ предѣламъ Россіи. Въ эти тяжелые для французовъ дни они едва-ли не больше боялись легкихъ партизанскихъ отрядовъ, чѣмъ главныхъ силъ самого Кутузова, не слишкомъ спѣшившаго вслѣдъ за Наполеономъ. Вотъ почему партизанскіе начальники стали ихъ злѣйшими врагами. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ то, что при взятіи Вязьмы (22 октября) Кавалергардскаго полка поручикъ Киселевъ отыскалъ въ разбросанныхъ бумагахъ описаніе примѣтъ Д. В. Давыдова, съ приказаніемъ его поймать и разстрѣлять²⁾.

Обстоятельства съ полною очевидностью указывали, что его партизанамъ предстоитъ широкое поле дѣятельности, но, къ сожалѣнію, не соответствовавшее наличнымъ силамъ отряда Давыдова. Однако вскорѣ-же онъ узналъ, что въ Юхновскомъ уѣздѣ бродятъ безъ опредѣленной цѣли два слабыхъ казачьихъ полка и на стражѣ этого уѣзда стоитъ старый, но почтенный и твердый духомъ предводитель дворянства Храповицкій. При его энергичномъ содѣйствіи, Денису Васильевичу удалось быстро собрать ополченіе изъ мѣстныхъ жителей, къ которымъ примкнули двадцать два помѣщика.

¹⁾ Къ востоку отъ арміи дѣйствовали полковники кн. Кудашевъ и Ефремовъ, къ западу — полковникъ кн. Вадбольскій и капитанъ Сеславинъ, къ сѣверу отъ Москвы — Винценгероде, въ ближайшихъ ея окрестностяхъ — капитанъ Фигнеръ и на Смоленской дорогѣ — генералъ Дороховъ. Н. Михневичъ, гл. V, стр. 15—16.

²⁾ Матеріалы, № 4. Черновая тетрадь «Дневника поисковъ» Д. Давыдова, стр. 14. Примѣчаніе.

Отбитые у непріятеля ружья и патроны были выданы новымъ ополченцамъ, ставшимъ подъ команду отставного капитана Бѣльскаго.

Теперь необходимо было къ партизанскому отряду присоединить и казаковъ, но это было труднѣе, потому что они состояли въ вѣдѣніи начальника Калужскаго ополченія, отставного генераль-лейтенанта В. О. Шепелева. Ради пользы общаго дѣла, Давыдову пришлось прибѣгнуть къ хитрости: онъ по собственной волѣ, но лишь формально, поступилъ подъ начальство Шепелева, рапортами доносилъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и, въ заключеніе, краснорѣчиво доказавъ пользу единства въ дѣйствіяхъ, упросилъ Шепелева усилить партизановъ двумя казачьими полками, 1-мъ Бугскимъ и Тептярскимъ, всего—170 чел., которые 11-го присоединились къ Давыдову въ с. Знаменскомъ, гдѣ къ нему-же примкнулъ и Волинскаго уланскаго полка маіоръ Храповицкій.

Послѣдній привезъ изъ Красной Пахры, гдѣ стояла наша армія, тяжелую вѣсть о занятіи Наполеономъ Москвы. Имѣя въ виду наше отступление, Давыдовъ и раньше считалъ это событіе неминуемымъ, однако совершившійся фактъ сразу произвелъ на него удручающее впечатлѣніе. Большимъ утѣшеніемъ ему служило сознаніе, что никто въ арміи не помышляетъ о мирѣ, и сильно ободряла его на предстоящія личныя дѣйствія увѣренность въ прекрасныхъ военныхъ качествахъ его боевыхъ товарищей, о которыхъ на страницахъ „Дневника поисковъ“ сохранились самые лестные отзывы автора.

12 сентября начальникъ значительно усилившагося отряда взялъ направленіе на Вязьму.

„Сердце радовалось“, писалъ Давыдовъ ¹⁾, „при обзорѣ вытягивавшихся *полковъ моихъ*. Со ста тридцатью человекѣми я взялъ 321-го, отбилъ своихъ 200, получилъ добычу 32 артиллерійскихъ фуръ съ патронами и десять провіантскихъ фуръ. Тутъ я командовалъ 500-ми. Какая разница! Какая надежда! Къ тому-же ревность обывателей, дѣятельность дворянскаго предводителя въ составленіи общаго ополченія, въ продовольствіи моей партіи, въ устроеніи на собственное иждивеніе госпиталя въ Юхновѣ и, наконецъ, спасительное движеніе арміи на Калужскую дорогу—

¹⁾ „Дневникъ поисковъ“, черновая тетрадь, стр. 27—28.

все улыбалось моему воображенію, всегда слишкомъ быстро летящему на встрѣчу ¹⁾ всему соблазнительному для моего сердца!.... ²⁾

Въ такомъ приподнятомъ настроеніи подошелъ Давыдовъ къ Вязьмѣ и, въ виду города, на разсвѣтъ 13 сентября атаковалъ непріятельскій отрядъ, прикрывавшій транспортъ съ провіантомъ и артиллерійскими снарядами. Результатомъ стремительнаго натиска, кромѣ 100 человѣкъ убитыхъ, были захваченные въ плѣнъ 6 офицеровъ, 270 рядовыхъ, 20 подводъ съ провіантомъ и 12 со снарядами. Немедленно 340 ружей и 2 фуры съ патронами были переданы ополченцамъ и въ с. Знаменскомъ образовался складъ готоваго оружія почти на 500 человѣкъ.

Въ теченіе слѣдующей недѣли (14-20-го) Давыдовъ направился отъ Вязьмы на Гжатскъ по Смоленской дорогѣ до с. Теплухи; отсюда, описавъ петлю черезъ эту дорогу,—на западъ, къ с. Андреевскому, затѣмъ, усиленнымъ маршемъ, на с. Покровское—въ обратномъ, но прямомъ направленіи, къ чему его побуждали выгоды встрѣчи съ непріателемъ, и, наконецъ, отъ с. Юренева пошелъ на Городище для отдыха послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ мародерами, ихъ прикрытіями и 3-мя батальонами польской пѣхоты. Въ результатъ, хотя 19-го сентября пришлось потерять 35 человѣкъ у Юренева, въ общемъ въ эти дни Давыдову досталась обильная добыча: 15 офицеровъ, 908 рядовыхъ, 36 артиллерійскихъ палубъ, 40 продовольственныхъ фуръ, 144 вола, 200 лошадей!

Городище отстоитъ верстъ на 40 къ югу отъ Вязьмы и Смоленской дороги и потому здѣсь, въ полной безопасности со стороны непріятеля, можно было расположить Бугскій полкъ отдѣльно у д. Луги, принявъ однако мѣры охраненія въ видѣ разѣздовъ и пикетовъ.

Нельзя не обратить вниманія на заботы Давыдова о поднятіи или, вѣрнѣе, поддержаніи высокаго духа въ своемъ отрядѣ. Такъ, напримѣръ, изъ 400 отбитыхъ нашихъ плѣнныхъ онъ выбралъ 250 человѣкъ и, добавивъ къ нимъ пѣхоты, назвалъ этихъ отборныхъ молодцовъ „Геройскимъ полувзводомъ“. Въ него впослѣдствіи переводились только особенно отли-

¹⁾ Слова, заключенныя въ кавычки, приведены по чистовой рукописи автора (Матер., № 5).

²⁾ Въ печатномъ текстѣ (Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 53) въ послѣдней фразѣ вмѣсто слова всему неправильно стоитъ «моему».

чившіеся и образовали съ прежними два взвода. Остальныхъ 150 человекъ онъ отправилъ въ Знаменское (верстъ 15 отъ Городища) и, назвавъ ихъ „Почетною полуротою“, приказалъ всему поголовному ополченію брать съ нихъ примѣръ. Здѣсь, въ Знаменскомъ, была устроена какъ-бы база для дѣйствій партизанскаго отряда: сюда сосредоточены были отбитые у непріателя всевозможные припасы, здѣсь-же къ 21 сентября собралось до 500 человекъ подъ ружьемъ; кромѣ того, до 1500 человекъ, снабженныхъ непріательскими ружьями, находились въ окрестныхъ деревняхъ, готовые собраться по первому призыву. Видимо, устные увѣщанія Давыдова, его прокламаціи, и главное, примѣръ доблестныхъ партизановъ производили сильное впечатлѣніе на мѣстныхъ жителей и увлекали ихъ на поголовную защиту изстрадавшейся Россіи...

Къ сожалѣнію, несмотря на общій подъемъ народнаго духа, бывали отдѣльные случаи измѣны долгу, грабежа и убійства своихъ помѣщиковъ крестьянами. Одинъ изъ такихъ преступниковъ (Сергѣй Мартыновъ) былъ схваченъ и о немъ донесено было по начальству, послѣ чего послѣдовало повелѣніе разстрѣлять его¹⁾. Къ мѣсту совершенія казни, по приказанію Дениса Васильевича, были собраны крестьяне окрестныхъ деревень и четыре священника. Возлѣ той самой церкви, которую преступникъ ограбилъ, убивъ своего помѣщика и управляющаго и вырывъ на поруганіе изъ могилы прахъ помѣщицы, онъ былъ поставленъ на колѣни, исповѣданъ и заживо отпѣтъ передъ всѣмъ народомъ и отрядомъ, послѣ чего разстрѣлянъ. Нѣсколько другихъ, менѣе виновныхъ крестьянъ были тутъ-же наказаны нагайками. Экзекуція завершилась грозною рѣчью Давыдова по адресу ослушниковъ и проклятіемъ священника всѣхъ предателей Царя и отечества.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя исключительныя мѣры воздѣйствія на народныя массы не только производили на нихъ потрясающее впечатлѣніе, но и были совершенно необходимы.

Впрочемъ, результаты дѣйствій Давыдова говорили сами за себя и были награждены полнымъ одобреніемъ свѣше. Уже 24 сентября гене-

¹⁾ Въ подлинномъ предписаніи о томъ генераль-лейтенанта Шепелева, хранящемся въ бумагахъ Давыдова (Матер., № 10, док. № 56), указаны нѣсколько случаевъ измѣны крестьянъ въ рабоданническому долгу.

ралъ Коновницынъ, посылая ему нѣкоторыя свѣдѣнія о расположеніи нашей арміи, собственноручно писалъ ¹⁾):

„О подвигахъ вашихъ г. Г. Фельдмаршалъ велѣлъ отдать въ приказѣ. Всѣ-же рекомендованные вами безъ должной награды не будутъ, о чемъ поручилъ мнѣ васъ уведомить“.

На слѣдующій день, 25 сентября, онъ же писалъ Давыдову ²⁾): „Пониски ваши и поверхность въ разныхъ случаяхъ надъ непріятелемъ по Смоленской дорогѣ обратили къ вамъ совершенную признательность Его Свѣтлости. При семъ случаѣ уведомляю васъ, что вы представлены въ полковники, а прочіе отличившіеся и вами въ рапортѣ упоминаемые награждены будутъ“.... ³⁾

Благоволеніе Кутузова, о чемъ писалъ Коновницынъ, было большимъ утѣшеніемъ Давыдову въ особенности въ тяжелые дни скорби по горячо и беззавѣтно любимомъ благодѣтелѣ—князѣ Багратионѣ ⁴⁾, извѣстіе о кончинѣ котораго онъ получилъ лишь 23 сентября. „Судьба осчастливила меня особою его благосклонностью,—записалъ впослѣдствіи авторъ „Дневника поисковъ“,—опредѣлила счастье, чтобы отдать первую почесть его праху пораженіемъ враговъ въ минуту сего горестнаго извѣстія!“...

Онъ говоритъ о столкновеніи съ непріятельскими колоннами, слѣдовавшими отъ Дорогобужа къ Городищу, у котораго эти колонны были частью разбиты, частью разсѣяны. Это дѣло, доставившее случай отличиться партизанамъ Давыдова, въ особенности командовавшему кавалеріею майору С. С. Храповицкому и командовавшему пѣхотою отставному мичману Н. Храповицкому, доставило имъ новую партію плѣнныхъ—5 офицеровъ и 330 рядовыхъ.

¹⁾ Матеріалы. № 10. Предписаніе 24 сент. 1812 г. № 83 изъ главной квартиры въ д. Лешаевѣ.

²⁾ Тамъ-же, 25 сент. 1812 г., № 87.

³⁾ Околѣ этого-же времени извѣстный партизанъ кн. Кудашевъ писалъ ему: «Не удивляюсь ни мало твоимъ подвигамъ—я такъ давно тебя знаю... Я сегодня благословясь пускаюсь самъ отсюда вправо, по дорогѣ Серпуховской, въ намѣреніи дѣйствовать въ тылъ непріятельскаго авангарда.—Прощай, любезный другъ. Помоги намъ Богъ! Въ журналахъ (военныхъ дѣйствій) имя твое гремѣть. Надо постараться и мнѣ!... «Вотъ чувство соавѣстничества истиннаго солдата!» восклицаетъ по этому поводу Давыдовъ.

Матеріалы, № 4, чернов. тетрадь «Дневника поисковъ».

⁴⁾ Скончался 12 сентября 1812 г. въ с. Симы, Владим. губ., въ имѣніи его друга, князя Б. А. Голицына.

Получивъ повелѣніе, Давыдовъ выдѣлилъ отъ себя Тептярскій полкъ къ Рославию и Брянску для содѣйствія отряду Калужскаго ополченія и направился въ с. Андреяны, а затѣмъ черезъ Слукіно къ Федоровскому, чтобы отсюда направить ударъ противъ непріятельскаго отряда, показавшагося между Семлевымъ и Вязмою, въ с. Монинѣ. 25-го сентября по столбовой дорогѣ отъ Федоровскаго онъ пошелъ прямо къ Вязмѣ, возлѣ которой затѣмъ произошла перестрѣлка. Слѣдующіе четыре дня были проведены въ движеніи на Лосьмину, Андреяны и Монино, гдѣ захвачены въ плѣнъ офицеръ и 126 конныхъ егерей вмѣстѣ съ прикрывавшимися ими 42 провіантскими фурами и 10 артиллерійскими палубами. Дальнѣйшіе поиски, уже вдоль Смоленской дороги, не дали результатовъ, и 29 сентября партія пришла въ Андреяны.

Здѣсь Давыдовъ былъ обрадованъ прибытіемъ въ его распоряженіе казачьяго Попова 13-го полка, усилившаго его партію 500 доброконными казаками, пришедшими прямо съ Дона. Теперь онъ не только пересталъ опасаться нападенія преслѣдовавшаго его отряда, но, напротивъ, самъ рѣшилъ атаковать его. Въ общемъ, сила партизанскаго отряда къ тому времени доходила уже до 700 человекъ, которыхъ однако нужно было подучить для совмѣстныхъ дѣйствій, показать имъ нѣкоторыя практическія правила военныхъ дѣйствій и, между прочимъ, разсыпное отступленіе, столь необходимое для партіи, составленной изъ казаковъ, въ случаѣ нападенія на нее непріятеля въ превосходныхъ силахъ.

Съ 29-го сентября по 3-е октября происходили эти занятія отряда возлѣ Андреяны.

Больше мѣсяца протекло съ начала партизанскихъ дѣйствій Дениса Васильевича, который за это время, при неутомимой и лихой работѣ, приобрѣлъ большой опытъ, достигъ блестящихъ матеріальныхъ результатовъ и прекрасно изучилъ районъ мѣстности между Гжатскомъ, Юхновымъ и Вязмою, а также къ югу и юго-западу отъ послѣдней. Достаточно взглянуть на карту этого района съ обозначеннымъ путемъ движенія партизана, чтобы убѣдиться въ непрерывности его движеній по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, что служило надежнымъ препятствіемъ противнику продвигаться своими запасами къ уже начинавшей бѣдствовать арміи Наполеона. Тѣмъ не менѣе пребываніе Кутузова на Калужской дорогѣ

ДНЕВНИКЪ ПОИСКОВЪ.
~~ДНЕВНИКЪ~~

Партизана Дениса Давыдова.

приведенный въ порядокъ 1814го — года.

ma vie est un combat.

1812^{г.} годъ.

Съ 1807^{г.} по 1812^{г.} годъ я былъ Адъютантомъ покойнаго
Князя Петра Ивановича Бисраціона, ~~весьма славнаго~~
~~весьма славнаго~~ ~~весьма славнаго~~ ~~весьма славнаго~~ ~~весьма славнаго~~ ~~весьма славнаго~~
всего. Въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ Бугаріи, вездѣ ~~былъ~~
возлѣ сего блистательнаго Полководца; ~~когда~~ ^{не} когда ~~против-~~
ныя обстоятельства отрывали его отъ поприща Военнаго,
онъ по феланіи моему, оставлялъ меня въ действующей Арміи.
Такъ я прошелъ Курсы Аванпостной службы при Кульневѣ
въ Сѣверной Финляндіи ^{въ 1808^{г.}} и Бугаріи ^{въ 1810^{г.}} въ 1810^{г.} году.

Въ 1812^{г.} поздно было учиться! — туръ безстыднѣй
висела надъ отечествомъ, и каждый сынокъ ея пидѣя обя-
закностію платить ей наличными Свидѣніями и способно-
стями. Я просилъ у Князя позволеніе стать въ рядъ Ах-
тырскаго Гусарскаго полка; онъ согласился, ~~и писалъ къ~~
~~и писалъ къ~~ Военному Министру слѣдующее:

26го Марта

№. 947^{г.}

„Адъютантъ мой Лейбъ Гвардіи Гусарскаго полка
Ротмистръ Завыдовъ, феланъ представляющаго Кампанію
„служить во фронтѣ, чтобы въ толь видѣтъ встретитъ ко-
„манде Служаки оказавъ военныя способности свои; просить

заставляло Давыдова пока еще не покидать указанного выше района и продолжать въ немъ свои поиски и набѣги. Отъ его зоркаго глаза не ускользали ни отдѣльныя непріятельскія партіи, ни транспорты, слѣдовавшіе не только къ Москвѣ, но и изъ ограбленной столицы. Развѣдчики доносили ему о всякомъ подозрительномъ движеніи, иногда поступали со-отвѣтствующія свѣдѣнія и изъ главной арміи ¹⁾).

Подводя итоги за истекшій мѣсяцъ и донося о нихъ въ началѣ октября генералу отъ кавалеріи Платову, онъ писалъ:

„Отъ выступленія моего изъ арміи съ отрядомъ мнѣ ввѣреннымъ, съ Божіею помощію, въ мѣсяцъ времени я успѣлъ взять въ плѣнъ 1539 человекъ, положилъ на мѣстѣ почти вдвое непріятеля, отбилъ обозы, сжегъ и доставилъ начальству нѣсколько палубовъ съ снарядами, фуръ съ патронами, одеждою и разнаго рода продовольствіемъ. Во всѣхъ сихъ успѣхахъ особенно мнѣ спомоществовалъ отрядъ Донскаго войска, коего объ отличной отважности и неусыпной дѣятельности я не могу умолчать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ“... Дальше слѣдовала просьба наградить отличившихся.

10 октября М. И. Платовъ офиціальнымъ письмомъ отвѣтилъ на „пріятельское увѣдомленіе“ (какъ онъ выразился), по поводу котораго писалъ въ началѣ письма: „Радуюсь очень успѣхамъ Вашимъ надъ непріятелемъ. Они похвальны весьма предъ Главнымъ Начальствомъ, и я не могу довольно выхвалить сіи дѣянія ваши“...

Сравнительно сдержанное по тону офиціальное письмо неожиданно заканчивается слѣдующею собственноручною припискою Платова, порывистая казацкая душа котораго вылилась въ ней вполнѣ:

„Бей и воюй достойный Денисъ Васильевичъ съ нашедшею вражескою силою на Россію, и умножай оружія російскаго и собственную свою славу“ ²⁾...

¹⁾ Среди бумагъ Д. В. Давыдова сохранилась, между прочимъ, слѣдующая записка ген.-лейт. Коновницына отъ 25 сентября 1812 г., № 89, изъ Летащевки, близъ Тарутина:

«Получено мною извѣстіе, что непріятель на сихъ дняхъ отправилъ изъ Москвы 40 пуд. золота и серебра, что за нужное почитаю довести до свѣденія вашего высокоблагородія».

Матер., № 10.

²⁾ Матер., № 10, док. № 17.

Слѣдуетъ отдать справедливость партизану въ томъ, что, гордясь своими успѣхами и донося о нихъ по начальству, онъ не забывалъ отмѣчать какъ отличія своихъ подчиненныхъ, такъ и содѣйствіе ему постороннихъ лицъ. Какъ видно изъ письма Кутузова отъ 10 октября Юхновскому предводителю дворянства Храповицкому, послѣднему Главнокомандующимъ былъ пожалованъ орденъ св. Анны 2 кл. именно вслѣдствіе донесенія Давыдова о содѣйствіи Храповицкаго успѣшнымъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ¹⁾.

Послѣ четырехдневной стоянки у Андреячъ, гдѣ происходила подготовка отряда къ предстоявшимъ боевымъ дѣйствіямъ, Давыдовъ 3 октября выступилъ и пришелъ въ Покровское, откуда на слѣдующій день предпринялъ тремя партіями поискъ южнѣ Большой Смоленской дороги, между Лузинцевымъ (къ ю. отъ Вязьмы) и Семлевымъ. Этотъ поискъ, довольно подробно описанный Давыдовымъ въ его „Дневникъ“²⁾, доставилъ ему плѣнныхъ 1 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицеровъ, 496 рядовыхъ и 41 фуру съ одеждою, обувью и провіантомъ³⁾. Любопытно описано имъ плѣненіе французскаго штабъ-офицера, который оказался полковникомъ 4-го Иллирійскаго полка Гетальсъ, страстнаго охотника, увлекавшагося тетеревами и ставшаго жертвою пагубной для него страсти. Новые боевые товарищи партизановъ—казаки оказались прекрасными бойцами, весь отрядъ работалъ отлично.

Давыдовъ 5 октября возвратился въ Андреяны и здѣсь узналъ, что дѣйствовавшій въ окрестностяхъ Вязьмы непріятельскій отрядъ раздѣлился надвое: одна часть находилась въ Крутомъ, а другая въ Лосминѣ. Выславъ 100 казаковъ къ с. Бѣлыцину, онъ немедленно выступилъ въ Крутое, куда прибылъ очень поздно, и рѣшилъ, не теряя времени, вступить въ бой подъ покровомъ темной дождливой ночи. Передовая непріятельская стража спокойно спала подъ шаламами и, разбуженная криками „ура“ спѣшенныхъ казаковъ и ружейною пальбою, въ смятеніи бросилась къ Кикину и дальше по дорогѣ отъ Юхнова къ Гжати (Гжатску), увлекая за собою весь отрядъ. Партизаны преслѣдовали версты четыре, предо-

¹⁾ Тамъ же, док. № 18.

²⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр., 65—69.

³⁾ Черновой рапортъ, которымъ Д. В. доносилъ объ этомъ поискѣ генералу Шенелеву, сохранился въ бумагахъ партизана (Матер., № 10, док. № 59).

ставивъ сотнѣ казаковъ прогнать непріятеля какъ можно дальше, забирая влѣво, чтобы быть ближе къ своимъ и потомъ придерживаться дороги между Вязмою и Царевомъ-Займищемъ.

Въ плѣнъ были захвачены 2 офицера и 376 рядовыхъ, убитыхъ оказалось приблизительно столько же. Плѣнные были отправлены, какъ это дѣлалось и раньше, въ Юхновъ.

Давъ небольшой отдыхъ лошадямъ и отправивъ пѣхоту въ Ермаки, Давыдовъ направился противъ другой части непріятельскаго отряда — къ Лосмину. Путь былъ намѣченъ на Бѣлыщино, чтобы соединиться тамъ съ сотнею казаковъ, взявъ сотни отправленной для преслѣдованія только что разбитаго противника, получить болѣе точныя свѣдѣнія о непріятелѣ и, кромѣ того, напасть на него въ тылъ, со стороны Вязмы. Однако нѣсколько фуражировъ замѣтили движеніе отряда и успѣли предупредить непріятеля, который встрѣтилъ нашихъ въ Лосминѣ „твердою ногою“.

Французы построились въ три линіи, но послѣ перваго удара, первая линія была опрокинута на вторую, а вторая на третью. Все обратилось въ бѣгство. Особенно плохо пришлось кавалеристамъ: лошади не были подкованы и валились, точно подбитыя картечью. Преслѣдованіе было энергичное и продолжалось до полудня. Многіе разсыпались по полямъ и лѣсамъ или достались въ добычу обывателямъ. Начальникъ отряда, полковникъ, и съ нимъ до 150 рядовыхъ легли на мѣстѣ, въ плѣнъ же попали 2 офицера и 403 рядовыхъ.

Въ обоихъ дѣлахъ этого дня съ нашей стороны оказались убитыми 4 казака, ранено 15 казаковъ и 2 гусара.

Побѣда была совершенная и привела въ полный восторгъ Давыдова. Естественно, что онъ поспѣшилъ донести Кутузову объ обоихъ славныхъ дѣлахъ 6-го октября у Крутого и Лосмина, по его выраженію, „объ этомъ лучшемъ изъ поисковъ моихъ“... „Немедленно полетѣлъ курьеръ съ теплымъ еще отъ огня битвы донесеніемъ“, писалъ онъ въ „Дневникъ“, „и я остался въ полной увѣренности, что этотъ двойной успѣхъ будетъ одобренъ самыми строгими знатоками военного искусства“...

Къ сожалѣнію, курьеръ, везшій это донесеніе, былъ захваченъ мародерами на пути на Юхновъ и погибъ; такимъ образомъ, донесеніе не

дошло по назначенію, что выяснилось уже гораздо позже, только во время перемирія 1813 года. Не сохранилось и черновика его въ бумагахъ партизана.

Въ теченіе 6 — 8 октября его разъѣзды не отходили отъ столбовой дороги между Вязмою и Федоровскимъ, гдѣ имъ удалось перехватить трехъ курьеровъ. 9-го, перехвативъ еще одного курьера, отошли нѣсколько къ западу—къ Спасскому.

Возлѣ этого села было захвачено нѣсколько непріятельскихъ мародеровъ, среди которыхъ оказался одинъ русскій измѣнникъ—бывшій гренадеръ Фанагорійскаго полка, уже три года служившій унтеръ-офицеромъ во французской арміи. Возмущенный Давыдовъ немедленно собралъ всѣхъ жителей окрестныхъ деревень къ Спасскому и здѣсь, по общему приговору собравшихся, велѣлъ завязать глаза измѣннику и разстрѣлять его.

Вскорѣ послѣ этой казни, крестьяне привели нѣсколькихъ французскихъ бродягъ, которыхъ Давыдовъ избавилъ отъ самосуда изловившихъ ихъ и отправилъ, какъ плѣнныхъ, въ Юхновъ. Среди нихъ, между прочимъ, оказался 15-лѣтній барабанщикъ молодой гвардіи, Викентій Бодъ (Vincent Bode), вызвавшій къ себѣ особенное сочувствіе со стороны Дениса Васильевича, который пріютилъ его, оставилъ при себѣ, впоследствии довезъ до Парижа и сдалъ его здоровымъ, веселымъ и почти возмужалымъ изъ рукъ въ руки старикъ отцу его.

10 и 11 октября партизаны продолжали ходить между Федоровскимъ и Теплухой и, узнавъ о движеніи большого транспорта отъ Гжатъ, немедленно двинулись къ нему навстрѣчу и захватили весь караванъ—70 фуръ и при немъ 6 офицеровъ и 225 рядовыхъ; кромѣ того, удалось отбить 66 человекъ нашихъ плѣнныхъ и двухъ раненыхъ кирасирскихъ офицеровъ (Соковинна и Шатилова). Освобожденіе плѣнныхъ доставило партизанамъ истинную радость...

Между тѣмъ къ этому времени во взаимномъ положеніи обѣихъ армій произошли весьма важныя перемѣны.

Совершивъ свой знаменитый фланговый маршъ съ Рязанской на старую Калужскую дорогу, Кутузовъ не только создалъ для Наполеона ловушку въ Москвѣ, но и прикрылся Тулою, Калугою, Брянскомъ и южными хлѣбородными губерніями, угрожая тылу французовъ на пути между

Москвою и Смоленскомъ. Движеніе нашей арміи совершенно было такъ искусно, что до 14 сентября Наполеонъ не зналъ даже, гдѣ она находится. Только 6 октября французамъ удалось сойтись съ русскими у Тарутина, гдѣ произошло сраженіе, въ которомъ наша армія одержала успѣхъ, поднявшій ея духъ и вселившій увѣренность въ окончательной побѣдѣ надъ врагомъ.

Попытки Наполеона вступить въ мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ I остались безуспѣшными. Сознавая опасность дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ, Императоръ французовъ рѣшилъ покинуть ее и 7-го октября выѣхалъ изъ Кремля. Его армія направилась по старой Калужской дорогѣ, затѣмъ повернула вправо на Боровскъ, стараясь

Князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ.

Съ портрета Г. Дау.

Военная галлерей Зимняго Дворца.

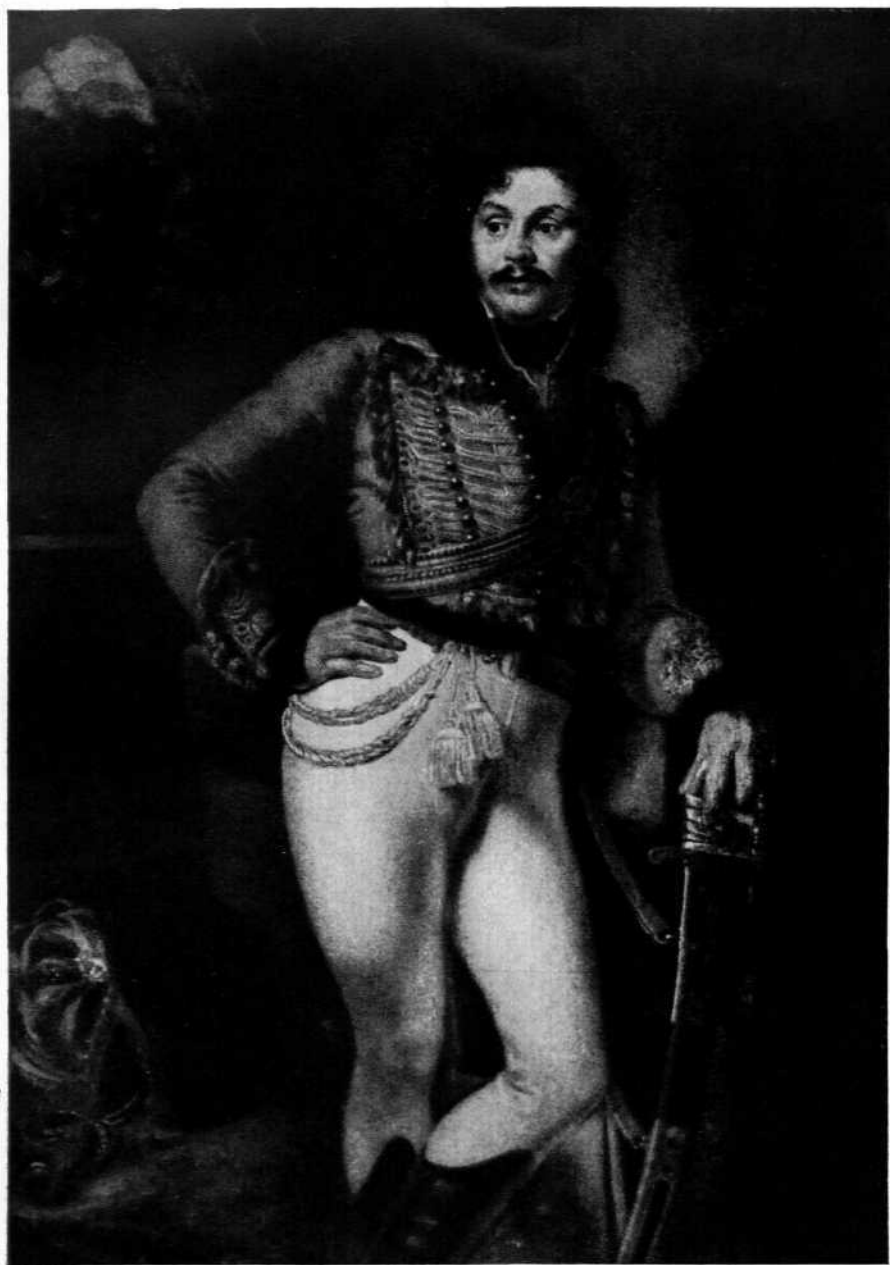
скрыть отъ русскихъ намѣренія своего вождя, и черезъ Фоминское пошла на Малоярославецъ. Объ этомъ послѣднемъ движеніи во-время сообщилъ Кутузову славный партизанъ Сеславинъ, чѣмъ оказалъ громадную услугу Главнокомандующему, получившему возможность перехватить путь Наполеона на югъ.

12-го октября произошелъ кровопролитный бой у Малоярославца. Здѣсь Кутузовъ преградилъ противнику путь на Калугу, но, опасаясь намѣренія Наполеона обойти лѣвый флангъ русскихъ черезъ Медину и оттуда дѣйствовать на Юхновъ и Ельню, Главнокомандующій рѣшилъ отступить къ Детчину, откуда могъ предупредить Наполеона кратчайшимъ путемъ у Вязьмы, Дорогобужа и Смоленска. Побѣдить русскую армію не было надежды у великаго полководца и, несмотря на ея новое отступление, самъ онъ 14 октября рѣшилъ отступать по Смоленской дорогѣ... Началось то тяжелое, роковое отступление, которое уничтожило могущество и славу Наполеона...

Въ это время Давыдовъ со своими партизанами находился къ западу отъ дороги изъ Гжати въ Юхновъ и къ 11-му октября, какъ сказано выше, подошелъ къ д. Теплухѣ. Въ преслѣдованіи непріятельскихъ отрядовъ и транспортовъ безпрестанно переносясь съ мѣста на мѣсто, не зная утромъ, гдѣ будетъ вечеромъ, бороздя по всѣмъ направленіямъ районъ Гжати—Юхновъ—Вязьма и къ югу отъ послѣдней, выполняя лишь свою основную задачу, завѣщанную Багратиономъ, лихой партизанъ до сихъ поръ не зналъ ни о выходѣ Наполеона изъ Москвы, ни о новыхъ намѣреніяхъ нашего Главнокомандующаго.

Послѣ поисковъ у Смоленской дороги, Давыдовъ отошелъ въ Дуброву и здѣсь вечеромъ 12-го получилъ изъ главной квартиры множество пакетовъ, въ числѣ коихъ оказалось письмо Кутузова Давыдову, которому свѣтлѣйшій выражалъ удовольствіе по поводу его успѣховъ въ дѣлахъ противъ непріятеля между Вязьмою и Семлевымъ, сообщалъ о наградахъ отличившимся партизанамъ и заканчивалъ свое письмо слѣдующими словами:

„...а за симъ остаюсь въ полномъ увѣреніи, что вы, продолжая дѣйствовать къ вѣщему вреду непріятеля, истребляя транспорты его и конвои, сдѣлаете себѣ прочную репутацію отмѣннаго партизана и достойно заслу-

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

жите милость и вниманіе Всеавгустѣйшаго Государя нашего. Между тѣмъ примите совершенную мою признательность.

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть

Милостивый Государь мой

Вашъ покорный слуга

Князь Г. Кутузовъ“.

Октября 10 дня
1812 года
Д. Леташево“¹⁾.

Коновницынъ, съ своей стороны, писалъ Давыдову радостное письмо по поводу его подвиговъ и просилъ „не пропускать ничего по дорогамъ коммуникаціоннымъ, все бить и истреблять, также и извѣщать насъ заблаговременно о проходѣ непріятельскихъ сикурсовъ. Скоро покажется вамъ туча казаковъ съ Платовымъ. Все благодаря Бога беретъ другой видъ! Дай Богъ въ часъ добрый“²⁾...

Вѣроятно, одновременно съ этимъ письмомъ или въ одинъ изъ ближайшихъ дней, Давыдовъ получилъ официальное извѣщеніе (отъ 8 октября) Коновницына, сообщавшаго о сраженіи при рѣчкѣ Чернишнѣ, результаты котораго дали генералу поводъ сдѣлать два предположенія: 1) Наполеонъ соединить всѣ свои силы и дать сраженіе нашей главной арміи у Тарутина, гдѣ она спокойно его ожидаетъ на позиціи, — въ этомъ случаѣ Давыдову предписывалось всячески стараться узнавать о движеніяхъ противника, наблюдать за нимъ вблизи и, по мѣрѣ подхода къ главной арміи, сближаться съ нимъ, стараясь угрожать его тылу и флангамъ; 2) не имѣя способовъ продовольствія, непріятель можетъ предпринять „отступной маршъ за Днѣпръ“, гдѣ у него собраны обильные запасы, — въ такомъ случаѣ, замѣтивъ его движеніе, Давыдовъ долженъ былъ „стараться предупредить его въ маршѣ“ и всѣ селенія, фуражи и всякаго рода запасы предавать огню. „Сіе одно“, говорится въ заключительныхъ строкахъ, „можетъ его привести въ крайность, лишить его всей кавалеріи и артиллерійскихъ лошадей и тѣмъ затруднить маршъ“³⁾.

¹⁾ Подлинное письмо Кутузова хранится въ бумагахъ Давыдова (Матер., № 1, док. № 14). Въ черновой тетради «Дневника поисковъ» Д. В. пишетъ: «Этотъ рескриптъ хранится у меня какъ безцѣнный памятникъ признательности спасителя Отечества къ слабому и недостойному его сотруднику» (Матер., № 14).

²⁾ Матер., № 10, док. № 16

³⁾ Матер., № 10, док. № 13.

Однако, не дождавшись болѣе крупныхъ дѣйствій, нашимъ партизанамъ вскорѣ пришлось имѣть съ противникомъ болѣе серьезное столкновение, чѣмъ можно было теперь предполагать.

Денисъ Васильевичъ въ своемъ „Дневникѣ“ довольно откровенно сознается, что полученныя имъ письма и похвалы вскружили голову ему и его боевымъ товарищамъ. 13-го же, придя въ Кикино, гдѣ раздавали привезенныя курьеромъ награды, они „слишкомъ рано вздумали отдыхать на недозрѣлыхъ еще лаврахъ. Пикеты слѣдовали примѣру партіи, а разъѣзды доѣзжали лишь до бочки вина, выставленной на серединѣ деревни“....¹⁾

За такую безпечность партизаны едва не были жестоко наказаны у с. Лосмина, куда 14 октября они пришли „въ томъ же расположеніи духа и разума, какъ и наканунѣ“. Едва они сдѣлали привалъ, какъ вчетверо сильнѣйшій непріятель приблизился къ деревнѣ. Несмотря на открытіе французами артиллерійскаго огня, Давыдовъ рѣшилъ дерзкимъ натискомъ ошеломить ихъ. Противъ него оказались 4 тысячи человекъ разныхъ полковъ, которые чуть не уничтожили лихо бросившихся впередъ казаковъ, но своевременный ударъ во флангъ одною частью партіи вовремя предотвратилъ бѣду. Наши даже бросились было преслѣдовать непріятеля, но подошедшее къ нему подкрѣпленіе заставило ихъ отступить. Отошли въ Красное.

16-го получено было донесеніе, что непріятель намѣренъ занять Знаменское, но увидя тамъ много нашей пѣхоты, отступилъ въ Ермаки. Только въ этотъ день отъ плѣнныхъ Давыдовъ узналъ, что непріятельская армія выступила изъ Москвы, но въ какомъ направленіи и съ какими намѣреніями—еще не было извѣстно. Пришлось самому предугадать наиболѣе выгодное для себя положеніе, и Денисъ Васильевичъ рѣшилъ двинуться на Ермаки, чтобы продолжать свои поиски къ Вязьмѣ, но всегда находиться на дорогѣ къ Юхнову, откуда получались всѣ извѣстія изъ арміи; послѣ отступленія непріятеля изъ Москвы это стало совершенно необходимымъ. Расчетъ былъ таковъ: если наша армія одержитъ верхъ надъ непріятелемъ, то послѣдній минуетъ тотъ районъ, въ которомъ нахо-

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 83.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.
1812 г.

Съ портрета неизвѣстнаго художника.

Изъ собранія А. С. Ермолова.

дился Давыдовъ; если же наша армія понесетъ пораженіе, то вынуждена будетъ отступить къ Калугѣ, вслѣдствіе чего и ему придется отойти къ Юхнову или Серпейску. Выполненію такихъ плановъ болѣе всего способствовало бы занятіе Ермаковъ.

Сюда и направились наши партизаны 17 октября, но авангардъ ихъ былъ атакованъ непріателемъ подъ Ермаками, откуда двѣ быстро слѣдовавшія колонны французовъ заставили Давыдова отступить на Оедотково. Однако сюда направились новая конная непріятельская колонна. Пришлось повернуть на Борисенки и, переправившись черезъ Угру, отступить въ Воскресенское.

Это было послѣднимъ отступательнымъ движеніемъ партіи Давыдова. 20-го утромъ онъ получилъ отъ дежурнаго генерала увѣдомленіе объ отступленіи непріятеля изъ Малоярославца и о слѣдованіи его на Гжатъ и Смоленскъ. Наполеонъ въ это время находился въ Вязьмѣ. Сразу замѣтно увеличилось число непріятельскихъ обозовъ и отрядовъ между этимъ городомъ и Юхновымъ, что указывало на предстоявшее отступленіе всей непріятельской арміи. Однако Давыдовъ со своимъ сравнительно слабымъ отрядомъ не могъ идти впередъ, пока Кутузовъ, послѣ боя у Малоярославца, не двинулъ всю свою легкую конницу на перерѣзъ непріятельскимъ колоннамъ, шедшимъ къ Вязьмѣ. Понятно, что только та „туча казаковъ“, съ атаманомъ Платовымъ и графомъ Орловымъ-Денисовымъ, о которой недавно писалъ Коновницынъ, заставила непріятеля отступить частью къ Вязьмѣ, частью къ Дорогобужу и дала возможность Давыдову выйти изъ Воскресенскаго. Къ сожалѣнію, его неоднократныя просьбы тотчасъ послѣ занятія Тарутина усилить его отрядъ большимъ количествомъ легкихъ войскъ оставались безуспѣшными: пришлось, подъ натискомъ болѣе сильнаго противника, отойти почти къ Юхнову и предоставить непріятельскимъ отрядамъ районъ для насъ столь необходимый. Съ увеличеніемъ же здѣсь нашихъ силъ, Давыдовъ успѣшилъ двинуться впередъ и 20 октября прибылъ въ Знаменское, гдѣ сосредоточился весь его отрядъ.

Отсюда, наконецъ, началось его почти безостановочное движеніе къ Смоленску и далѣе, въ ближайшей сферѣ отступленія врага.

21-го октября Денисъ Васильевичъ оставилъ ополченцевъ въ Знаменскомъ и, присоединивъ къ себѣ регулярную пѣхоту, выступилъ по

Бородинской дорогѣ на с. Никольское и далѣе, къ Смоленской дорогѣ. Такимъ образомъ онъ оказался между отрядами генераль-адъютанта графа Ожаровскаго, посланнаго на Ельню прямо къ Смоленску, и генераль-адъютанта графа Орлова-Денисова, направленнаго на Гжатъ¹⁾. По словамъ Давыдова, первый изъ нихъ прислалъ къ нему гв. ротмистра Палицына, чтобы вывѣдать, нельзя ли прибрать его къ своимъ рукамъ; „последній же“, какъ говоритъ Денисъ Васильевичъ въ своемъ „Дневникѣ“, „еще отъ 19-го числа прислалъ офицера отыскивать меня для объявленія, что если я не имѣю еще никакого повелѣнія отъ свѣтлѣйшаго отъ 20-го октября, то чтобы немедленно поступилъ въ его команду“²⁾....

Въ бумагахъ Давыдова сохранилась подлинная записка къ нему графа Орлова-Денисова, именно отъ 19 октября 1812 г., посланная изъ дер. Сонпа. Въ этой запискѣ, сообщая о своемъ пути на Климово и Безобразово для поиска непріятеля, графъ только проситъ Давыдова увѣдомить его „о своемъ нахожденіи“ и прибавляетъ: „считаю нужнымъ снестись съ вашимъ высокоблагородіемъ и дѣйствовать согласно.— Я возму роздыхъ въ Климовомъ и до свѣту еще выступлю далѣе; если вы имѣете какія свѣдѣнія о движеніи непріятельскомъ, то прошу меня о томъ увѣдомить“³⁾.

Въ этихъ словахъ нѣтъ и намека на „немедленное поступленіе въ команду“ гр. Орлова-Денисова. Значитъ, остается предположить, что или посланный графомъ офицеръ (фамилія его не названа) на словахъ передалъ больше, чѣмъ говорилось въ запискѣ, или Давыдовъ, ревнуя о своей полной самостоятельности, заподозрилъ намѣреніе покуситься на нее. Последнее, пожалуй, вѣрнѣе и объясняется какъ личнымъ характеромъ партизана, такъ и естественнымъ желаніемъ въ полной мѣрѣ использовать для самостоятельныхъ партизанскихъ дѣйствій общую боевую обстановку, которая теперь, съ отступленіемъ арміи Наполеона, представлялась ему въ несравненно болѣе благопріятномъ видѣ.

Какъ бы то ни было, онъ рѣшилъ выйти изъ создавшагося положенія очень остроумнымъ способомъ, о чемъ говорить такъ:

¹⁾ Н. П. Михневичъ. Отечествен. война 1812 г., стр. 28-30

²⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 88.

³⁾ Матер., № 10, док. № 23.

„Будучи убѣжденъ, что званіе партизана не освобождаетъ никого отъ чинопочитанія, но съ этимъ вмѣстѣ допускаетъ нѣкотораго рода хитрости, я воспользовался разновременнымъ прїѣздомъ обоихъ присланныхъ и объявилъ первому о невозможности служить подъ командою графа Ожаровскаго вслѣдствіе полученія повелѣнія графа Орлова-Денисова, а второго увѣрилъ, что я поступилъ уже подъ начальство графа Ожаровскаго и, на основаніи даннаго имъ мнѣ повелѣнія, спѣшу къ Смоленской дорогѣ“....

Вмѣстѣ съ тѣмъ Денисъ Васильевичъ письмомъ просилъ генерала Коновницына о своемъ непріятномъ положеніи довести до свѣдѣнія Кутузова и откровенно признавался, что, несмотря на все свое уваженіе къ графамъ Орлову-Денисову и Ожаровскому, онъ считалъ бы личнымъ для себя оскорбленіемъ поступить подъ начальство того или другого, т. к. самъ получилъ достаточный навыкъ къ партизанской войнѣ и, кромѣ того, по его мнѣнію, обстоятельства требовали въ то время размноженія, а не сосредоточенія партій.

Ясно оцѣнивая общую обстановку, Давыдовъ спѣшилъ къ Смоленской дорогѣ и 21-го октября, около полуночи, остановился верстахъ въ 6 отъ нея, скрытно въ лѣсу. Послѣ краткаго отдыха, предъ разсвѣтомъ двинулся онъ на Ловитву и верстахъ въ 3-хъ отъ большой дороги встрѣтилъ громаднѣйшій непріятельскій обозъ и множество мародеровъ, которыхъ легко захватилъ. Въ особенности обильная добыча досталась ему, когда отрядъ подошелъ къ с. Рыбкамъ; тутъ казакамъ представилась широкая возможность проявить себя во-всю. Однако появленіе французской кавалеріи, въ то время еще достаточно исправной, и за нею — гвардіи Наполеона, который лично слѣдовалъ при ней, заставило отрядъ Давыдова отступить предъ гораздо болѣе значительными силами. По его словамъ, онъ „горѣлъ желаніемъ погарцовать вокругъ Наполеона и съ честью отдать ему прощальный поклонъ за посѣщеніе его“.... Однако, „свиданіе наше было весьма непродолжительное“.... Все же во время этого перехода онъ успѣлъ взять въ плѣнъ 180 человекъ при 2 офицерахъ и „до самаго вечера конвоировалъ съ приличнымъ почетомъ Наполеона....“

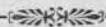
Это было 22 октября, въ день боя подъ Вязмою Милорадовича съ четырьмя корпусами французской арміи (Даву, Вице-короля, Понятовскаго

и Нея), прикрывавшими движеніе Наполеона, который настолько спѣшилъ къ Смоленску, что даже не прибылъ объединить дѣйствія своихъ маршаловъ. Къ 3 часамъ дня онъ пришелъ съ гвардіей къ Славкову, куда на слѣдующій день, перейдя рѣчку Осьму, подошелъ и Давыдовъ, появленіе котораго вызвало тревогу среди непріятеля, открывшаго не только ружейную, но и пушечную пальбу. Перестрѣлка продолжалась до вечера, почти безъ потерь у Давыдова, который отошелъ въ Гавриково, захвативъ въ этотъ день 146 фуражировъ, 3 офицеровъ и 7 провіантскихъ фуръ.

Вѣсть объ удачѣ Милорадовича подъ Вязмою заставила Наполеона еще болѣе спѣшить къ Смоленску; 24-го утромъ Денисъ Васильевичъ получилъ отъ Коновницына приказаніе слѣдовать туда же и дѣйствовать отдѣльно¹⁾. Это не могло не подбодрить его, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же день и онъ узналъ о счастливомъ для насъ исходѣ боя подъ Вязмою и о движеніи вслѣдъ за нимъ партій другихъ партизановъ—Сеславина и Фигнера; Платовъ шелъ вслѣдъ за арьергардомъ непріятельской арміи.

Чтобы увеличить скорость предстоявшаго движенія, Давыдовъ долженъ былъ свою храбрую пѣхотную рать (177 рядовыхъ при 2-хъ унтеръ-офицерахъ) отправить изъ Гаврикова въ Рославль къ начальнику Калужскаго ополченія и, вслѣдъ за отрядомъ графа Орлова-Денисова, двинулся черезъ Богородицкое и Дубосищево къ Смоленску.

Поискъ на Славково нѣсколько замедлилъ движеніе Дениса Васильевича къ Смоленску, и потому онъ оказался позади графа Орлова-Денисова, котораго только усиленными переходами могъ догнать 25-го въ с. Богородицкомъ, когда тотъ выступалъ къ Соловьевой переправѣ на Днѣпрѣ. Здѣсь, послѣ ласковой встрѣчи, графъ предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ къ Соловьевой переправѣ, но Давыдовъ, зная лѣсистыя мѣста возлѣ этого пункта, отказался и рѣшилъ продолжать ранѣе намѣченный путь.

¹⁾ Предписаніе отъ 23 октября 1812 г. № 323, изъ Быкова, въ окрестностяхъ Вязьмы (Матер., № 10, док. № 24, секр.).

Еще 16 октября изъ Полотнянныхъ Заводовъ, Коновницынъ, сообщая Давыдову о нашей побѣдѣ подъ Малоярославцемъ, писалъ: «Дѣйствія вашего отряда теперь могутъ быть весьма ананущія, для чего Его Свѣтлость приказалъ отправить немедленно 2 казачьихъ полка отъ генерала Шепелева, въ полномъ увѣреніи, что вы употребите всѣ средства на уничтоженіе непріятельскихъ обозовъ и нанесете ему всевозможнаго вреда» (Тамъ-же, док. № 21).

ГЛАВА III.

НА слѣдующій день, 26-го октября, отрядъ Давыдова, по пути къ Дубосищамъ, соединился съ отрядами Сеславина и Фигнера. Въ своемъ „Дневникѣ“ Денисъ Васильевичъ, воздавая должное военнымъ дарованіямъ и боевымъ качествамъ А. С. Фигнера, котораго называетъ „нообыкновеннымъ воинномъ“, съ искреннимъ сожалѣніемъ говоритъ о чрезвычайной жестокости, которую Фигнеръ проявлялъ въ отношеніи враговъ, даже обезоруженныхъ. Въ „Дневникѣ“ приведенъ діалогъ обоихъ партизановъ, изъ коихъ Давыдовъ старался напомнить своему боевому товарищу, что героизмъ долженъ быть душою его славныхъ подвиговъ; однако, опасаясь похищенія его плѣнныхъ Фигнеромъ, Денисъ Васильевичъ приказалъ секретно удвоить стражу надъ ними, а затѣмъ поспѣшно отослалъ ихъ въ главную квартиру¹⁾.

Тѣмъ не менѣе всѣ три партизана рѣшили дѣйствовать теперь вмѣстѣ, ибо разъѣзды Давыдова донесли, что въ с. с. Ляховѣ, куда они были посланы, и Язвинѣ находятся два сильныхъ непріятельскихъ отряда. Какъ оказалось, здѣсь стоялъ генераль Ожеро съ 2 тыс. чел. пѣхоты и частью кавалеріи. Силы всѣхъ партизановъ были незначительны (не болѣе 1200 чел. сборной конницы, 80 егерей и 4 орудій), вслѣдствіе чего рѣшено было обратиться къ графу Орлову-Денисову (6 казач. и 1 драг. полкъ)

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 95-96.

съ предложеніемъ взять всѣхъ подъ свое начальство и дѣйствовать совмѣстно противъ непріятеля у Ляхова. Графъ согласился, но предложилъ дожидаться еще трехъ полковъ, которые должны были прибыть къ нему черезъ 2 часа.

28 октября произошелъ этотъ бой подъ Ляховымъ, довольно подробно описанный Давыдовымъ въ его „Дневникѣ“¹⁾. Въ виду того, что Ожеро имѣлъ намѣреніе изъ Ляхова двинуться въ Долгомостье, гдѣ находился отрядъ Бараге-Диле, направленіе своднаго отряда Орлова-Денисова было взято на перерѣзъ Смоленской дорогѣ, чтобы отрѣзать отступленіе Ожеро. Бой продолжался до поздняго вечера, когда наконецъ изъ горѣвшаго въ разныхъ мѣстахъ Ляхова появился посланный Ожеро переговорщикъ. Фигнеръ былъ посланъ для переговоровъ, въ результатъ которыхъ сдались военно-плѣнными генералъ Ожеро, 60 офицеровъ и 2 тысячи рядовыхъ. Отрядъ Бараге-Диле у Долгомостья былъ разсѣянъ.

Сраженіе при Ляховѣ, въ которомъ Давыдову была поручена честь вести передовыя войска, доставило намъ побѣду, по поводу которой Кутузовъ въ донесеніи Государю собственноручно приписалъ: „Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіе нынѣшней кампаніи непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе“.

Наполеонъ въ этотъ день прибылъ къ Смоленску.

29-го партія Давыдова прибыла въ Долгомостье и въ тотъ же день пошла къ Смоленску, для поисковъ между дорогами Ельнинской и Мстиславской, т.-е. между корпусами Жюно и Понятовскаго, которые на другой день должны были выступить въ Манчино и Червонное. Захвачено было въ плѣнъ 6 офицеровъ, 196 артиллеристовъ (безъ орудій) и до 200 штукъ скота. Однако для партизана гораздо важнѣе были не эти результаты, а обозрѣніе собственными глазами расположенія непріятельской арміи и обнаруженіе ея направленія. Давыдовъ былъ убѣжденъ, что она пойдетъ правымъ берегомъ Днѣпра на Катань, а не лѣвымъ на Красный. Выясненію намѣреній противника препятствовали корпуса Жюно и Понятовскаго; къ тому же, какъ впоследствии онъ узналъ, большая часть непріятельской арміи въ то время находилась сравнительно далеко отъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 97—101.

него, въ районѣ между Соловьевой переправой, Духовщиной и Смоленскомъ, на правомъ берегу Днѣпра.

Благодаря умѣлымъ разспросамъ у плѣнныхъ офицеровъ, подогрѣтыхъ хорошею порціею вина, ему удалось узнать, что гвардія Наполеона собирается выступить уже изъ Краснаго, и это важное извѣстіе онъ немедленно послалъ Главнокомандующему.

Слабая численность отряда Давыдова заставила его, послѣ перестрѣлки съ проходившими по большой дорогѣ непріятельскими отрядами, отойти къ югу по Мстиславской дорогѣ и переночевать верстахъ въ 15 отъ Смоленска, послѣ перехода, по крайней мѣрѣ, версть въ 50.

Желаніе избавиться отъ плѣнныхъ и снабдить скотомъ нашу армію, въ то время сильно нуждавшуюся въ провіантѣ, дало основаніе партизану приблизиться къ главной арміи и затѣмъ продолжать движеніе къ Красному. Это движеніе самъ онъ впоследствии призналъ „грубою ошибкою“. Дѣйствительно, если бы онъ направился прямо на Червонное и Манчино, гдѣ въ то время еще не было непріятеля, то могъ бы быть у Краснаго 1 ноября—въ тотъ самый день, когда дивизія Клапареда, прикрывая транспортъ трофеевъ, казну и обозы главной квартиры Наполеона, выступила изъ Смоленска именно въ этомъ направленіи ¹⁾.

На Мстиславской дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько расположившихся для дневки корпусовъ и съ большою радостью увидалъ биваки давно оставленныхъ товарищей. Во всю прыть бросился онъ къ избѣ генерала Раевского, который принялъ его самымъ лучшимъ образомъ; зато совѣмъ иначе встрѣтился онъ со многими изъ своихъ прежнихъ товарищей. Слѣдующими характерными словами описываетъ онъ эту встрѣчу:

„... Нѣкоторые изъ нихъ были тѣ самые, которые при вступленіи моемъ въ партизаны увѣряли меня, что я берусь не за свое дѣло, полагая его слишкомъ опаснымъ и не соответствующимъ моимъ способностямъ. Едва я поздоровался съ Раевскимъ и нѣкоторыми пріятелями моими, какъ начались улыбки, полунасмѣшливые взгляды и вопросы на счетъ двухмѣсячныхъ трудовъ моихъ. Боже мой, какъ высоко цѣнили они свои переѣзды отъ одного обѣда на другой по Тарутинской позиціи! Иные

¹⁾ Тамъ же, стр. 104.

давали мнѣ чувствовать, что нѣтъ никакой опасности дѣйствовать въ тылу непріятеля, другіе, что донесенія мои подвержены сомнѣнію; одни безмѣрно хвалили партизановъ прошедшихъ войнъ съ явнымъ намѣреніемъ хулить мои дѣйствія, нѣкоторые осуждали свѣтлѣйшаго за то, что даетъ мѣсто въ реляціяхъ дѣламъ недостойнымъ вниманія; словомъ, видно было, что имя мое, выставленное въ нѣкоторыхъ объявленіяхъ того времени, сильно кололо глаза людямъ, искавшимъ въ тѣхъ же объявленіяхъ своихъ именъ. Огражденный чистой совѣстью и расписками на 3560 рядовыхъ и 40 штабъ и оберъ-офицеровъ, взятыхъ мною отъ 2-го сентября до 23 октября, я самъ, съ своей стороны, смѣялся надъ моими недоброжелателями. Я желалъ лишь пользы Россіи, и чтобы каждый изъ нихъ могъ выручить имя свое изъ забвенія полученіемъ подобныхъ расписокъ“...

Какъ впоследствии увидимъ, Д. В. Давыдову еще не разъ приходилось въ жизни переносить тяжелые удары самолюбію.

Надѣливъ войска наши отбитымъ скотомъ и переночевавъ въ какой-то деревушкѣ у генерала Раевского, онъ предъ разсвѣтомъ выступилъ къ Красному и по пути 1 ноября догналъ генераловъ Дохтурова и графа Маркова и сдѣлалъ распоряженіе остановиться въ ближней деревнѣ на отдыхъ. Не прошло и четверти часа, какъ прибылъ казакъ съ извѣстіемъ, что свѣтлѣйшій требуетъ къ себѣ Давыдова, который никакъ не ожидалъ въ этомъ направленіи столкнуться съ главной квартирой. Онъ сѣлъ на коня и немедленно явился фельдмаршалу, который принялъ его въ избѣ и оказалъ много вниманія.

— „Я еще лично не знакомъ съ тобою“, — сказалъ Кутузовъ, — „но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за твою службу“.

Онъ обнялъ Давыдова и прибавилъ:

— „Удачные опыты твои доказали мнѣ пользу партизанской войны, которая нанесла, наноситъ и нанесетъ непріятелю много вреда“...

Ободривъ партизана просьбою дѣйствовать, какъ онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ, Кутузовъ поговорилъ съ нимъ еще съ полчаса, разспрашивая о способахъ формированія сельскаго ополченія, объ опасностяхъ, въ которыхъ онъ находился, и интересовался его мнѣніемъ о партизанскихъ дѣйствіяхъ.

Прибытіе полковника Толя съ докладомъ прервало аудіенцію, и Давы-

довъ удалился, но спустя немного времени онъ былъ снова приглашенъ фельдмаршаломъ къ обѣденному столу, къ которому получили приглашеніе еще четверо: Коновницынъ, князь Кудашевъ, Толь и еще какой-то генераль. Кутузовъ и теперь былъ также внимателенъ къ Денису Васильевичу, говорилъ объ его поискахъ, его стихахъ, спрашивалъ объ его отцѣ и матери и по поводу ходатайства Давыдова объ отличившихся, которымъ испрашивалось по двѣ награды, свѣтлѣйшій велѣлъ подать записку, которую безпрекословно подписаль, и сказалъ:

— „Богъ меня забудетъ, если я васѣ забуду“.

Спустя два часа, черезъ Волково партизанскій отрядъ двинулся къ Красному, къ окрестностямъ котораго направился и Кутузовъ, съ намѣреніемъ атаковать французскую армію на маршѣ.

Смоленскъ, въ которомъ Наполеонъ надѣялся найти пріюсть для своей бѣд-

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.
По рис. В. Лангера, съ грав. Г. Афанасьева.

леонъ выступилъ 2 ноября съ частью гвардіи и подошелъ къ Корытиѣ. Армія Кутузова была въ этотъ день всего въ 30 верстахъ отъ него. Начались морозы, увеличивались потери, спѣшившая по обратному пути французская армія сильно таяла. Однако Кутузовъ придерживался прежняго способа дѣйствій—избѣгать рѣшительныхъ столкновеній съ противникомъ, не разъ повторяя: „Все это развалится и безъ меня“.

Тѣмъ не менѣе сложившаяся обстановка нисколько не уменьшала,

существовавшей арміи, не оправдалъ его надеждъ: здѣсь запасовъ оказалось такъ мало, что ихъ выдали только гвардіи, остальные войска сами разграбили жалкіе остатки магазиновъ, даже не вступивъ въ городъ. Пришлось только поспѣшно подтянуть сильно растянувшіяся войска и спѣшить дальше—на Оршу.

Постепенное наступленіе по корпусамъ началось 31 октября, и самъ Напо-

а, напротивъ, скорѣе увеличивала возможность партизанамъ и легкимъ войскамъ постоянными нападеніями тревожить и ослаблять надорванные силы французовъ, державшіяся военнымъ гениемъ ихъ Императора.

Отъ д. Волково Давыдовъ со своею партіею соединился съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ и продолжалъ путь къ Красному черезъ д. Толстики, гдѣ былъ 2 числа, и на Хилгичи, откуда круто повернулъ на сѣверъ къ Мерлину на большой Смоленской дорогѣ; здѣсь, по приказанію графа Орлова-Денисова, онъ атаковалъ тянувшіяся непріятельскія колонны, въ результатъ чего были захвачены въ плѣнъ 2 генерала (Альмерасъ и Бюртъ), до 200 нижнихъ чиновъ, 4 орудія и множество обоза.

Это было 4 ноября. Въ тотъ же день Давыдову представился случай принять участіе въ нападеніи на французскую старую гвардію, посреди которой находился самъ Наполеонъ. Этой памятной встрѣчѣ онъ въ своемъ „Дневникѣ“ посвящаетъ нѣсколько строкъ, изъ коихъ считаемъ интереснымъ сдѣлать небольшую выдержку ¹⁾:

„Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ, всѣми родами смерти испытанныхъ, воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ, съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Будь съ нами нѣсколько ротъ конной артиллеріи и вся регулярная кавалерія, Богъ знаетъ для чего при главной арміи слѣдовавшая, то врядъ-ли колонны отошли бы съ столь малымъ урономъ, каковой онѣ въ этотъ день потерпѣли“... „Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки устремлялись на непріятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ бесполезнымъ наѣздничествомъ. Въ теченіе этого дня мы еще взяли одного генерала (Мартушевича), множество обозовъ и до семисотъ плѣнныхъ, но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 108—109.

казаковъ нашихъ, какъ сто-пушечный корабль между рыбацкими лодками“.

Послѣ неудачнаго нападенія на старую гвардію Наполеона, отрядъ графа Орлова-Денисова (сдавшаго его генераль-маіору Бороздину) отошелъ въ Хилгичи, откуда Давыдовъ пошелъ въ Палкино, выславъ сильный разъѣздъ въ Горки. Въ ночь на 4-е ноября онъ выступилъ чрезъ Боево къ Лядамъ (къ сѣв.-зап. отъ Краснаго), гдѣ его партія имѣла снова столкновение съ французами (корпусъ вице-короля Италіанскаго), въ результатъ чего было взято 475 плѣнныхъ и много обоза.

Примѣнительно къ условіямъ войны, партизанамъ приходилось вести совершенно особый образъ жизни. Они вставали въ полночь, обѣдали въ 2 часа ночи „такъ плотно, какъ горожане обѣдаютъ въ два часа полудни“, и въ 3 часа выступали въ походъ. „Партія шла всегда вмѣстѣ“, вспоминалъ впослѣдствіи Денисъ Васильевичъ въ своемъ „Дневникѣ“, „имѣя авангардъ, аррьергардъ и еще одинъ отрядъ со стороны боковой дороги, но всѣ сіи отдѣленія слѣдовали въ весьма близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Я ѣхалъ между обоими полками иногда верхомъ, иногда въ пошевняхъ, которыя служили мнѣ ночью вмѣсто кватиръ и кровати. Когда непріятель не былъ виденъ, то за полчаса до наступленія темноты, оба полка спѣшивались и отъ того приходили на ночлегъ съ выгулявшимися лошадьми, коихъ немедленно становили къ корму. По принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, мы немедленно ложились спать, во второмъ часу садились снова за трапезу, потомъ на конь и снова пускались въ погоню“...

Отъ самой Вязьмы такой порядокъ сталъ обычнымъ, но Денисъ Васильевичъ не только легко примѣнялся къ нему, но и впослѣдствіи, пользуясь широкимъ комфортомъ семейной жизни, вспоминалъ съ любовью свою неугомонную жизнь партизанскую, какъ счастливую пору, когда „голова кипѣла отважными замыслами, и грудь, полная надеждъ, трепетала честолюбіемъ изящнымъ и поэтическимъ“...

Четырехдневный бой подъ Краснымъ принесъ тяжелыя потери Наполеону, продолжавшему отступленіе на Оршу. Для его преслѣдованія Кутузовъ выслалъ нѣсколько отрядовъ, въ томъ числѣ партизанскихъ. Отъ д. Ляды Давыдовъ взялъ направленіе къ р. Березинѣ южнѣе Орши,

на Копысь, черезъ Горяны и Бабиники; это движеніе было вызвано перехваченнымъ между д. д. Саввы и Горки предписаніемъ маршала Бертье начальнику кавалерійскаго депо майору Бланкару — спѣшить за Днѣпръ. Депо это, раньше стоявшее въ Горкахъ ¹⁾, было направлено въ Копысь, гдѣ и должна была состояться его переправа со всѣми мѣрами предосторожности.

Чтобы скрыть свое движеніе и намѣреніе, Давыдовъ остановился на ночлегъ при с. Сметанкѣ, въ 6 верстахъ сѣвернѣе Копыся и затѣмъ 9-го ноября утромъ помчался къ намѣченному пункту; здѣсь половина непріятельскаго отряда успѣла уже переправиться черезъ Днѣпръ, другая же оставалась еще на его лѣвомъ берегу. Рѣшительными дѣйствіями партизана и его боевыхъ товарищей противникъ былъ быстро частью уничтоженъ, частью разбѣянъ или плѣненъ; захваченными оказались около 600 рядовыхъ при 10 офицерахъ. За бѣглецами было организовано преслѣдованіе по дорогамъ къ Толочину и Шклову.

Вскорѣ въ Копысь прибылъ Сеславинъ и, переправившись черезъ Днѣпръ, простоялъ въ Александріи до 11-го ноября, когда вслѣдъ за французскою арміею двинулся на Староселье, Круглое и Кручу ²⁾. Давыдовъ, вынужденный задержаться въ Копысѣ ожиданіемъ возвращенія высланныхъ для преслѣдованія частей, послалъ генералу Коновницину донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Пока я разбойничалъ въ срединѣ Россіи, я довольствовался прежде 130, а потомъ 500 человекъ; но теперь съ 760 человекъ въ непріятельской землѣ, гдѣ все намъ враждебно, я нахожусь слишкомъ слабъ и потому прошу ваше превосходительство исходатайствовать мнѣ у его свѣтлости повелѣніе прикомандированный къ моему отряду 11-й егерскій полкъ съ двумя орудіями оставить при мнѣ впредь до особаго повелѣнія, чѣмъ меня крайне одолжите“ ³⁾...

Однако 12-го ноября было получено повелѣніе оставить 11-й егерскій полкъ на переправѣ при Копысѣ. Пришлось покориться, что было въ особенности непріятно въ виду предстоявшихъ дѣйствій на лѣсистыхъ берегахъ Березины. Положеніе нѣсколько улучшилось съ придачею отряда

¹⁾ Что видно изъ подлиннаго донесенія Бланкаръ, отъ 18 (6) ноября, сохранившагося въ бумагахъ Д. В. Давыдова (Матер., № 10, док. № 31).

²⁾ Въ «Дневникѣ» вмѣсто «Кручу» ошибочно сказано «Кучу» (Сочин., 1893 г., т. II, стр. 114).

³⁾ Сочиненія, и д. 1830 г., т. I, ч. I, стр. 178.

двухъ орудій конной артиллеріи, выдѣленныхъ Милорадовичемъ, который къ этому времени прибылъ въ Копысь.

12-го же ноября Давыдовъ получилъ предписаніе генерала Коновницына усилить своимъ отрядомъ генераль-адъютанта Ожаровскаго, принимавшаго поискъ на Могилевъ, по овладѣніи которымъ, самостоятельно идти форсированными маршами къ мѣст. Березинѣ, гдѣ остановиться, „ибо, вѣроятно, около этого мѣста удастся вамъ многое перехватить и для того, прибывъ туда, отрядить партію въ сторону Бобра и Игумна“, какъ значилось въ предписаніи.

Эта бумага была крайне непріятна Давыдову, ибо, во-первыхъ, онъ считалъ, что и безъ него отрядъ Ожаровскаго достаточно силенъ для занятія Могилева, а, во-вторыхъ, на основаніи указанной ему задачи, дѣлалъ предположеніе, что непріятельская армія двигается къ Нижнему Березину, и такимъ образомъ прекращается фланговое движеніе, приносящее намъ такъ много пользы. Не будучи въ силахъ своею партіею преградить путь противнику, Денисъ Васильевичъ рѣшилъ идти прямо на Шкловъ, Головчинъ ¹⁾ и Бѣлыничи и заблаговременно извѣстить о томъ графа Ожаровскаго и Коновницына, взявъ на себя отвѣтственность за ослушаніе

13-го къ ночи онъ прибылъ въ Головинино (Головчинъ), а 14-го подошелъ къ Бѣлыничамъ, которое было занято двумя сильными батальонами пѣхоты и кавалеріею. Непріятель очень удачно использовалъ мѣстность и оказалъ отчаянное сопротивленіе, сильно поражая огнемъ наступавшихъ. Казалось, что его не удастся выбить съ позиціи, отлично приспособленной къ оборонѣ среди избъ и заборовъ. Давыдовъ въ своемъ „Дневникѣ“ даетъ подробное описаніе этого дня, которое здѣсь мы не приводимъ. Но вниманіе читателя невольно останавливается на тѣхъ строкахъ, которыя рисуютъ ревность автора къ своей боевой славѣ и нежеланіе раздѣлить ее съ кѣмъ-нибудь. Вотъ что пишетъ онъ:

„Однако медлить было некогда; съ часу на часъ графъ Ожаровскій

¹⁾ Въ «Дневникѣ партизанскихъ дѣйствій» (Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 116) этотъ пунктъ называется то Головино, то Головинно. Графъ Ожаровскій, въ запискѣ, посланной Давыдову 12 ноября изъ Шклова, проситъ его всегда быть съ нимъ въ сношеніи и дать знать, когда онъ прибудетъ въ Головинно (Матер., № 10, док. № 28). Такого названія нѣтъ на современныхъ картахъ 10 верстн. и 25 верстн. (изд. Гл. Шт.), гдѣ значится только Головчинъ, въ 61 верст. отъ Бѣлыничъ.

могъ прибыть изъ Могилева и при помощи своей пѣхоты похитить у меня лавровый листокъ, за который уже я хватался рукой!..“

Слѣдующія слова еще болѣе характерны:

„Между тѣмъ подполковникъ Храповицкій ¹⁾ съ отрядомъ гусаръ и казаковъ, занявъ съ боя госпиталь и магазинъ, ожидалъ дальнѣйшаго приказанія. Я, къ счастью, по исполненіи даннаго ему порученія, не отозвалъ его назадъ, ибо прибывшій изъ отряда графа Ожаровскаго казачій полковникъ Шамшевъ, желая участвовать въ дѣлѣ, сталъ было уже занимать госпиталь и магазинъ отъ имени своего начальника. Храповицкій прогналъ его (!), какъ похитителя чужой добычи (?); покинувъ ихъ, Шамшевъ расположился съ своимъ полкомъ въ полѣ, не желая нисколько помогать намъ и содѣйствовать къ овладѣнію мѣстечкомъ“... ²⁾

Нетрудно согласиться съ тѣмъ, что Давыдовъ совершенно несправедливо упрекаетъ Шамшева въ нежеланіи помочь партизанамъ; напротивъ, самъ же Храповицкій прогналъ его за покушеніе на „чужую“ добычу, и Давыдовъ, очевидно, сочувствуетъ этому, ибо, по его выраженію, „къ счастью“ не отозвалъ подполковника Храповицкаго, которому только благодаря этому и удалось „прогнать“ Шамшева... Странное понятіе о взаимной выручкѣ въ бою и о правахъ на военную добычу!

Какъ-бы то ни было, Богъ помогъ Давыдову справиться съ неприятельскимъ отрядомъ, который, подъ огнемъ пригодившихся орудій, долженъ былъ отступить по дорогѣ къ Эсмонамъ и дальше, къ Нижней Березинѣ, понеся при этомъ большія потери. Въ результатъ партизаны захватили въ Бѣлыничахъ магазинъ съ порядочнымъ запасомъ продовольствія ³⁾ и госпиталь съ 290 больными и 15 лѣкарями; въ плѣнъ попали 5 офицеровъ, 190 рядовыхъ, весь обозъ и 180 ружей ⁴⁾.

Это было 14 ноября—въ тотъ самый день, когда Наполеонъ съ гвардіей прибылъ къ Студянкѣ и началъ свою знаменитую переправу черезъ Березину.

¹⁾ Волынскаго уланскаго полка подполковникъ Храповицкій, состоявшій въ партизанскомъ отрядѣ Давыдова.

²⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 117—118.

³⁾ 400 четвертей ржи, 40 четв. пшеницы, 200 четв. гречи и 50 четвертей конопли.

⁴⁾ Пользуемся случаемъ указать на опечатку въ описаніи этого дѣла: вмѣсто «на рѣкѣ Осминѣ» слѣдуетъ «на р. Осликѣ» (Сочин., изд. 1893 г., т. II, стр. 119).

Начинался послѣдній, самый ужасный актъ той великой драмы, которую ему и его арміи суждено было пережить въ Россіи...

Давыдову не пришлось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ Березинской переправы, которая началась въ то время, когда онъ находился въ с. Мокровичахъ, верстахъ въ 100 отъ Студянки. Здѣсь уже 16-го получилъ онъ первое извѣстіе о переправѣ непріятельской арміи (въ сущности, это былъ лишь преувеличенный слухъ о началѣ переправы 14-го числа), о чемъ немедленно послалъ донесеніе Главнокомандующему, и остановился, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Извѣстіе о переправѣ французской арміи у Студянки указывало на то, что непріятель шелъ не на Нижнее Березино, а къ Борисову. Въ этомъ же былъ убѣжденъ и полковникъ Толь ¹⁾, приславшій Давыдову къ вечеру 16-го числа письмо, которымъ увѣдомлялъ его о положеніи обѣихъ армій, изъ коихъ французская, по его мнѣнію, шла къ Борисову. Въ виду этого, онъ предлагалъ партизану немедленно, „какъ можно поспѣшнѣ“ занять Озятичи и открыть лѣсную дорогу дальше къ Борисову.

На основаніи этого письма, Давыдовъ рѣшилъ, что непріятель направится изъ Борисова къ Минску, какъ по пути ближайшему къ Варшавѣ и наиболѣе удобному для соединенія съ корпусами Шварценберга и Ренъе, что увеличило бы армію Наполеона до 130.000 человекъ, при чемъ прекращалось бы фланговое преслѣдованіе. Въ виду такихъ соображеній, несмотря на предложеніе полковника Толя, Давыдовъ рѣшилъ немедленно переправиться черезъ Березину и идти на Смоленичи (между Игумномъ и Минскомъ).

„За таковое ослушаніе“, — писалъ онъ впослѣдствіи въ „Дневникѣ“, — „я былъ достоинъ весьма строгаго наказанія. Партизанъ необходимо долженъ уместовать, но не перепускать, какъ говорится, умъ за разумъ“ ²⁾...

По собственному его признанію, ошибка его состояла въ неправильно выбранномъ направленіи, т. к. переправу Наполеона у Борисова можно было бы предупредить движеніемъ на Озятичи, слѣдованіе же на Смоленичи приводило въ тылъ не непріятелю, а арміи Чичагова. Двинувшись

¹⁾ К. О. Толь въ то время былъ и. д. генераль-квартирмейстера главной арміи.

²⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 132—133.

черезъ Козловъ Берегъ, Давыдовъ получилъ здѣсь вторичное предписаніе Толя (отъ 16 ноября) идти по ранѣ указанному ему направленію, т.-е. на Озятичи. Пришлось отказаться отъ намѣченнаго предпріятія, которое онъ считалъ столь выгоднымъ, что счелъ необходимымъ даже донести о томъ Толю. Однако, при слѣдованіи къ Озятичамъ, на половинѣ пути къ этой деревнѣ¹⁾, Давыдова нагнали курьеры съ новыми письмами отъ полковника Толя, который, извѣщая о переправѣ французской арміи черезъ Березину, сообщалъ, что наши главные силы идутъ на Жуковецъ, Жодинъ и Логойскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Толь соглашался въ выборѣ пути отряда Давыдова на Смолевичи...²⁾.

Несмотря на это послѣднее обстоятельство, Денисъ Васильевичъ впоследствии признавалъ избранное имъ направленіе на Смолевичи ошибочнымъ, ибо при движеніи арміи Наполеона вмѣсто Минска на Вильно разстояніе до него увеличивалось до 130 верстъ, а возможность догнать противника представлялась не раньше, чѣмъ въ Вильнѣ, если не въ Ковнѣ; слѣдовало идти на Борисовское мостовое укрѣпленіе, Логойскъ и Молодечну. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ (при вторичномъ письмѣ Толя, писанномъ 16 ноября въ 10 ч. в., съ согласіемъ на направленіе къ Смолевичамъ) Давыдовъ возлагалъ отвѣтственность за ошибку уже на Толя³⁾. Согласіе это отчасти объясняется подавленнымъ состояніемъ духа, въ которомъ находился Толь 16-го ноября вечеромъ, когда писалъ письмо, а, можетъ быть, надѣялся на то, что Давыдовъ, находясь давно впереди арміи, болѣе освѣдомленъ и лучше оцѣниваетъ положеніе ближайшихъ къ нему частей непріятельской арміи...

Какъ бы то ни было, любопытно въ подлинникѣ привести отвѣтъ Дениса Васильевича, написанный Толю въ 4 ч. д. 17 ноября, въ д. Козловъ

¹⁾ Судя по картѣ, вѣроятно, это было равнине: отъ Козлова Берега до Озятичей около 40 вер., а до Шверницъ—около 20 верстъ. Между тѣмъ двигаясь дальше «по предписанію» (вѣроятно, новому—на Смолевичи), Давыдовъ въ 15 верстахъ отъ Шверницъ узналъ, что въ этомъ пунктѣ (здѣсь и есть половина дороги до Озятичей) находится главная квартира—значитъ, курьеры могли его догнать верстахъ въ 5—6 за Козловымъ Берегомъ.

²⁾ Письмо это, на французскомъ языкѣ, писанное въ 10 ч. веч., 16 ноября (Матер., № 10, док. № 32), начиналось такъ: «Извѣстіе, данное намъ графомъ Ожаровскимъ, привело въ отчаяніе всѣхъ истинно русскихъ! Узнать, что ушелъ извергъ, котораго гибель готовились довершить!..»

Сочиненія, изд. 1860 г., ч. I, стр. 156.

³⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 134.

Берегъ. Черновикъ этого отвѣта сохранился въ бумагахъ партизана. Вотъ онъ ¹⁾:

Mon Colonel!

Je ne sais comment vous remercier pour les nouvelles que vous me donnés, elles m'étoient extrêmement nécessaires, mais celle que m'apporta le porteur de la presente me l'était encore plus. Je vous annonce donc, cher Colonel, que l'histoire du passage de la riviere n'est qu'une fable. Cela fait que je change de direction et vais à Черновка et Озятичи comme vous me l'avés propose hier. Car en tout cas je serais toujours à même de prendre le chemin de Смоленичи, rendez moi de grace cher Colonel si la nouvelle est positive, et j'agirais en consequence. Je demenderai encore la carte du gouvernement de Minsk car grace au Marechal je suis au bout de la mienne.

J'ai l'honneur de vous saluer.

Davidoff partisan.

Le 17 Novembre
à 4 heures du soir
Koslov bereg ²⁾.

Дальнѣйшій маршрутъ 18 ноября Давыдовъ взялъ на Шeverницы, верстахъ въ 15 отъ которой узналъ, что туда прибыла Главная квартира. Оставивъ свою партію на походѣ, онъ одинъ поскакалъ прямою дорогою

¹⁾ Ореографія подлинника.

²⁾ Письмо это помѣщено въ Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова, изд. 1860 г., ч. I, стр. 156, въ русскомъ переводѣ, но столь произвольномъ, что искажается не только тонъ письма, но мѣстами и его содержаніе. Считаемо полезнымъ привести здѣсь этотъ переводъ, тѣмъ болѣе, что письмо помѣщено въ числѣ «Оправдательныхъ статей» къ «Дневнику партизанскихъ дѣйствій»:

«Итакъ, кажется, любезный Карлъ Федоровичъ, исторія о переправѣ есть лишь басня и тѣмъ лучше; но мнѣ приказали измѣнить направленіе, о это тѣмъ хуже! Рано или поздно я предвижу, что переправа совершится, и непріятель непременно обратится къ Минску; несмотря на то я, на основаніи вторичнаго повелѣнія, иду на Чернявку и Озятичи, откуда въ случаѣ переправы и движенія непріятеля къ Минску, брошусь вплавь и, во что бы то ни стало, обращусь къ предположенному мною направленію.

«Повторяю мою покорную просьбу о присылкѣ мнѣ карты Минской губерніи, ибо, благодаря свѣдѣніямъ, я уже на концѣ той, по которой слѣдовалъ.

Партизанъ Денисъ Давыдовъ.

17 ноября, въ 4 часа вечера.

Козл. въ Берегъ».

Кстати замѣтимъ, что опечатка въ первомъ письмѣ Толя къ Давыдову 16 ноября, напечатанномъ въ изд. 1860 г. (стр. 114), «Витгенштейнъ... находится въ Бараныхъ, что на дорогѣ отъ Лепеля къ Баркову (слѣдуетъ: къ Борисову)», попала и въ изданіе 1893 г. (т. II, стр. 131), что выясняется по рукописямъ автора.

В. Жерве. Ден. Вас. Давыдовъ.

въ Шеверницы. Здѣсь онъ засталъ Кутузова во время обѣда, къ которому былъ приглашенъ свѣтлѣйшимъ, чрезвычайно облакавшимъ его. Главнокомандующій разспрашивалъ его о дѣлахъ при Копысѣ и при Бѣлыничахъ, хвалилъ его осторожность предъ нападеніемъ на депо и настойчивость при овладѣніи Бѣлыничами.

Очень интересны строки, которыми Денисъ Васильевичъ обрисовалъ впечатлѣніе, вынесенное имъ отъ посѣщенія Главной квартиры. Эти строки не вошли въ текстъ его сочиненій, изданныхъ въ 1860 и 1893 гг.; возстановливаемъ ихъ по рукописи автора:

„Сколько я тутъ видѣлъ чиновниковъ украшенныхъ разноцвѣтными орденами, нынѣ возвышенныхъ и занимающихъ высокія должности; ихъ въ то время возили при Главной квартирѣ подобно слонамъ великаго Могола! Сколько я тамъ видѣлъ нынѣ значительныхъ особъ, тогда тѣснившихся въ многочисленной свитѣ Главнокомандующаго и жаждавшихъ не только привѣтствія и угощенія, но единого его взора! Умолчу о подлостяхъ говоримыхъ ими, даже и мнѣ недостойному!..“¹⁾

Какъ ни характерны эти строки, все же жаль, что авторъ не говоритъ ничего о настроеніи Главной квартиры и самого Кутузова, подѣ впечатлѣніемъ только что совершившейся Березинской переправы.

На этомъ крупномъ событіи Отечественной войны Давыдовъ очень подробно останавливается въ своемъ „Дневникѣ“ и отмѣчаетъ, что „въ арміи и въ Россіи порицали и порицають Чичагова, обвиняя его одного въ чудесномъ спасеніи Наполеона“. Вполнѣ признавая непростительную ошибку адмирала, двинувшагося на Борисовъ и обманутаго искусными дѣйствіями противника, Давыдовъ во многихъ отношеніяхъ если не оправдываетъ, то извиняетъ его и указываетъ, что „одинъ Ермоловъ со свойственною ему рѣшительностью, къ крайнему недовольствію всемогущаго въ то время Кутузова и графа Витгенштейна, смѣло оправдывалъ его, говоря, что отвѣтственность за чудное спасеніе Наполеона должна пасть не на одного Чичагова, а и на прочихъ главныхъ вождей, коихъ дѣйствія далеко не безупречны“²⁾.

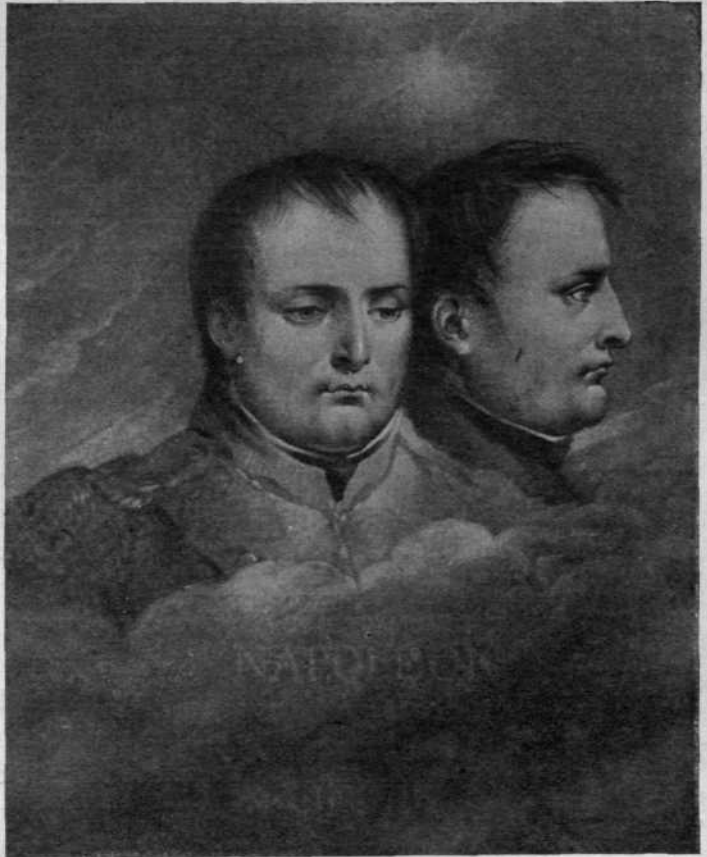
¹⁾ Матеріалы, № 5. Чистовая рукопись «Дневника партизанскихъ дѣйствій»

²⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 120—130.

Слѣдуетъ замѣтить, что взглядъ Давыдова на дѣйствія Чичагова вполне сходится со взглядами современныхъ военныхъ историковъ.

Въ Шверницѣ Денисъ Васильевичъ получилъ повелѣніе догонять французовъ черезъ Ушу на Молодечно, куда онъ и выступилъ въ 4 ч. у. на слѣдующій день, и поздно ночью прибылъ въ Ушу, переправившись у Жуковца по тонкому льду р. Березины. вмѣстѣ съ нимъ выступилъ и флигель-адъютантъ Мишо ²⁾, просившій разрѣшенія пристроиться къ партіи, чтобы догнать Чичагова, къ арміи котораго онъ былъ командированъ. Орудія, „какъ обуза слишкомъ тягостная для усиленныхъ переходовъ“, были оставлены на мѣстѣ.

20-го партія двинулась дальше и ночевала у Борисовскаго мостового укрѣпленія, гдѣ получено было отъ генерала Коновницына извѣщеніе, что непріятель идетъ черезъ Плеще-

НАПОЛЕОНЪ.

Съ весьма рѣдкой англійской гравюры, по рисунку съ натуры Жироде-Триозонъ, въ часовнѣ Императора, 8 марта 1812 года.

²⁾ Александръ Францевичъ Мишо (1771—1841), впоследствии генералъ-адъютантъ и графъ. Послѣ Бородинскаго сраженія онъ былъ посланъ Кутузовымъ къ Императору Александру I съ горестнымъ извѣстіемъ о занятіи Наполеономъ Москвы.

ницу, Илю, Молодечно и Сморгонь на Вильно и преслѣдуется нашею кавалеріею, вслѣдствіе чего Главнокомандующій находилъ необходимымъ направить Давыдова прямо на Ковно, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ мѣстѣ истребить всякаго рода непріятельскіе запасы. Въ этомъ же направленіи приказано было дѣйствовать и партизану Сеславицу, съ которымъ Денису Васильевичу предписывалось держать связь. Предписаніе Коновницына заканчивалось такими словами:

„Его свѣтлость, избирая васъ и капитана Сеславицу на сіе предпріятіе, остается въ полномъ увѣреніи, что возлагаемая на васъ столь важная поручительность будетъ исполнена съ совершеннымъ успѣхомъ“¹⁾.

Однако оба партизана не могли исполнить возложеннаго на нихъ порученія: Давыдовъ, какъ онъ объясняетъ въ своемъ „Дневникѣ“, вслѣдствіе его движенія къ Нижнему Березину, что заставило его отстать отъ непріятеля на 130 верстъ, а Сеславинъ, удаленный отъ Главной квартиры, могъ получить это приказаніе лишь по занятіи Вильны, гдѣ былъ ранецъ.

Пока Давыдовъ шелъ отъ Днѣпра къ Березинѣ, всѣ другіе партизаны слѣдовали за главною непріятельскою арміею, которая, послѣ своей несчастной переправы, 17-го ноября двинулась къ Зембину. Послѣ временной оттепели, морозы около этого времени усилились и вскорѣ достигли 25—30°, что довело бѣдствія несчастныхъ остатковъ арміи Наполеона до невѣроятныхъ ужасовъ. Окончательная гибель ихъ была неминуема—и Наполеону стало ясно, что спасеніе невозможно. 23 ноября вечеромъ онъ прибылъ въ Сморгонь, гдѣ написалъ свой знаменитый 29-й бюллетень, который намъ особенно интересенъ слѣдующими словами:

„Непріятель, видя на дорогахъ слѣды ужаснаго положенія, въ которомъ находилась французская армія, рѣшилъ этимъ воспользоваться. Онъ

¹⁾ Какъ видно, Коновницынъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы Давыдовъ непременно получилъ это предписаніе, которое послалъ ему въ двухъ экземплярахъ, сохранившихся въ его бумагахъ. Оба за однимъ и тѣмъ же № (561), но первый помѣченъ рукою Коновницына «Секретно» и датированъ «19 ноября 1812 г., дер. Уша», а второй—«Дубликатъ» и «22 ноября 1812 г., Бѣлорѣчье» и приписка его же рукою: «поспѣшите доставить пакетъ Сеславицу какъ можно скорѣе». Очевидно, рѣчь идетъ о слѣдующемъ, здѣсь же сохранившемся документѣ, то-жественного содержанія (также съ помѣткою «Дубликатъ») на имя гвардіи капитана Сеславицы, которому настоящий экземпляръ, очевидно, доставленъ не былъ, что доказывается фактомъ нахожденія его въ бумагахъ Давыдова.

Матеріалы, № 10, док. №№ 36, 39 и слѣдующій, безъ № по описи.

окружилъ всѣ колонны казаками, которые захватывали, подобно арабамъ въ степи, отставшіе обозы и повозки. Эта негодная конница, способная только производить шумъ, но неспособная опрокинуть даже одной роты вольтижеровъ, при данныхъ обстоятельствахъ сдѣлалась страшною...”

Своеобразный, но лестный отзывъ Наполеона о казакахъ всецѣло можетъ быть отнесенъ къ партизанскимъ отрядамъ, въ составъ которыхъ въ значительной долѣ входили казаки. Не говоря о другихъ, одинъ только Давыдовъ, представивъ Императору французовъ итоги своей партизанской работы, вполне заслужилъ-бы злобный отзывъ Наполеона по поводу уничтоженія великой арміи при ея бѣдственномъ отступленіи...

Между тѣмъ, предвидя уже близкій конецъ войны и помня „полное увѣреніе“ Кутузова „въ совершенномъ успѣхѣ“, Денисъ Васильевичъ продолжалъ безостановочно и безъ дневокъ идти впередъ, дѣлая въ день, въ зависимости отъ обстоятельствъ, большею частью по 30—35 верстъ. 20-го ноября его партія обошла отрядъ графа Ожаровскаго около Антополя¹⁾, 21-го обогнала кавалерію Уварова въ Логойскѣ, 22-го пришла въ Гайну, 23-го въ Илю и 24-го въ Молодечно, гдѣ догнала хвостъ арміи Чичагова, 25-го свернула на Лебеду²⁾, 26-го прибыла въ Лоскъ, 27-го въ Олышаны, 28-го въ Малыя Солешки³⁾, 29-го въ Парадоминъ и 30-го въ Новыя Троки.

Полковникъ Толь, посылая 22-го числа Давыдову карту Виленской губерніи, между прочимъ писалъ ему: „Attrapez nous Bonaparte et l'affaire est fini...“ Такова была еще надежда на поимку Наполеона, который, какъ сказано выше, на слѣдующій день (23-го) уѣхалъ изъ Сморгони, покинувъ свою армію.

Къ этому времени Вильна была занята нашими войсками.

Въ Новыхъ Трокахъ Давыдовъ получилъ предписаніе ген. Коновницына (отъ 30-го) слѣдовать отъ Новыхъ Трокъ черезъ Олиту и Меречъ къ Гроднѣ, гдѣ остановиться впредь до повелѣнія, рапорты-же обо всемъ происходящемъ посылать адмиралу Чичагову, шедшему чрезъ Н. Троки въ Гезну, генералу Тормасову—къ Новому Свержену и Главнокомандую-

¹⁾ На картѣ Антонополь

²⁾ На картѣ Лебедево.

³⁾ На картѣ М. Солешники.

щему ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Толь писалъ о желаніи свѣтлѣйшаго, чтобы войска наши дружелюбно относились къ австрійцамъ ²⁾.

Совершенно подготовившись къ движенію по указанному направленію, Денисъ Васильевичъ получилъ новое приказаніе—не выводя своей партіи изъ Новыхъ Трокъ, лично явиться Главнокомандующему въ Вильнѣ. Сюда нужно было пройти только около 25 верстъ, но тяжелы были впечатлѣнія этого пути, судя по словамъ партизана, занесеннымъ въ его „Дневникъ“:

„Отъ Новыхъ Трокъ до села Понари мы слѣдовали весьма покойно. У послѣдняго селенія, тамъ гдѣ дорога раздѣляется на двѣ, идущія одна на Новыя Троки, другая на Ковно, груды труповъ человѣческихъ и лошадиныхъ, множество повозокъ, лафетовъ и палубовъ едва давали мнѣ возможность слѣдовать по этому пути; множество раненыхъ непріятелей валялось на снѣгу или, спрятавшись въ повозкахъ, ожидало смерти отъ дѣйствія холода и голода. Путь мой былъ освѣщенъ заревомъ пылавшихъ двухъ корчемъ, въ которыхъ горѣло много несчастныхъ. Сани²⁾ мои ударялись объ головы, руки и ноги замерзшихъ или почти замерзающихъ; это продолжалось во все время движенія нашего отъ Понарей до Вильны. Сердце мое разрывалось отъ стоновъ, воплей разнородныхъ страдальцевъ. То былъ страшный гимнъ избавленія моей родины!..“

1-го декабря состоялось свиданіе Кутузова съ Давыдовымъ, который въ Главной квартирѣ своимъ чернымъ чекменемъ, красными шароварами и черкесскою шапкою явился своеобразнымъ пятномъ среди облитыхъ золотомъ генераловъ, красиво одѣтыхъ офицеровъ и литовскихъ гражданъ, сразу обратившихъ вниманіе на пріѣзжаго партизана ³⁾.

Свѣтлѣйшій сообщилъ ему, что графъ Ожаровскій идетъ на Лиду, австрійцы прикрываютъ Гродно, самому-же Давыдову, чтобы окончательно

¹⁾ Матеріалы, № 10, док. № 41.

²⁾ Давыдовъ въ своемъ «Дневникѣ» (Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 141) ошибочно указываетъ, что онъ получилъ о томъ письмо отъ генералъ-квартирмейстера: подлинное письмо Толи, на французскомъ языкѣ, отъ 30 ноября изъ Вильны, хранится въ бумагахъ партизана (Матер., № 10, док. № 42).

³⁾ Кстати замѣтимъ, что дѣйствія Д. В. Давыдова приобрѣли ему настолько прочную репутацію истиннаго партизана, что даже въ официальныхъ бумагахъ генералъ Коновницынъ называлъ его «Г. подполковникомъ Партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ», снабжая иногда конверты интересными адресами въ родѣ: «Копысь или гдѣ находитесь» (Матер., № 10, док. 27 41, 43 и др.).

изгнать непріятеля изъ предѣловъ Россіи, предписывалось черезъ Олиту ¹⁾ и Меречь двинуться прямо къ Гроднѣ, чтобы занять городъ и очистить его окрестности отъ враговъ, однако предпочитая оружію болѣе дружественные переговоры; на случай, если-бы послѣдніе оказались недостаточными, разрѣшалось прибѣгнуть къ оружію.

Однако Кутузовъ рѣшилъ дожидаться рапорта отъ Ожаровскаго объ его истинныхъ дѣйствіяхъ, и, когда 3-го декабря былъ полученъ этотъ рапортъ съ указаніемъ о занятіи 2-го числа Лиды и о высылкѣ двухъ полковъ въ Бѣлицы, Давыдовъ немедленно поскакалъ въ Новыя Троки, куда прибылъ 4-го числа. Безъ дальнѣйшаго промедленія партія двинулась къ Меречу, гдѣ захватила огромный магазинъ съ съѣстными припасами, и продолжала путь вдоль Нѣмана, выславъ впередъ авангардъ подъ начальствомъ ротмистра Чеченскаго ²⁾.

8 декабря этотъ авангардъ былъ уже подъ Гродною, гдѣ столкнулся съ австрійскими аванпостами и искусно нашелъ поводъ вступить въ переговоры съ генераломъ Фрейлихомъ, занимавшимъ городъ отрядомъ изъ 4 тыс. человекъ конницы и пѣхоты при 30 орудіяхъ. Покорившись доводамъ и угрозамъ Чеченскаго, Фрейлихъ оставилъ городъ со всѣми находившимися въ немъ запасами и отступилъ со своимъ отрядомъ за-границу. Чеченскій занялъ Гродно своими постами и караулами и извѣстилъ Давыдова какъ объ этомъ, такъ и о враждебномъ духѣ гродненскихъ поляковъ, старавшихся наносить возможно больше зла нашимъ войскамъ. Въ то-же время евреи, какъ это ни кажется страннымъ, при всей своей алчности, отказывались служить непріятелю въ качествѣ лазутчиковъ и часто сообщали о немъ весьма важныя свѣдѣнія. Любопытно отмѣтить, что даже въ предписаніи Коновницына Давыдову отъ 12 декабря изъ Вильны было выражено желаніе Кутузова, чтобы Денисъ Васильевичъ употребилъ „всевозможное стараніе посредствомъ жидовъ или другихъ вѣрныхъ людей узнать о дальнѣйшихъ движеніяхъ австрійцевъ и о образѣ ихъ мыслей противу насъ...“

¹⁾ Въ изданіи Сочиненій Давыдова 1860 г. (ч. I, стр. 126) ошибочно напечатано «Слиту»; эта опечатка перешла и въ изданіе 1893 г. (т. II, стр. 142).

²⁾ Ротмистръ Чеченскій—боевой товарищъ Д. В. Давыдова, раздѣлявшій его боевую славу въ 1812 году и въ заграничномъ походѣ 1813—1814 г.г.

Такова была вѣра въ евреевъ! Зато Давыдовъ постарался же и отблагодарить ихъ за преданность русскимъ.

9-го декабря вступивъ въ городъ, у вѣздовъ котораго его ожидалъ весь кагалъ, серьезно выслушалъ онъ рѣчь главнаго еврея и сказалъ ему нѣсколько благосклонныхъ словъ. Въ самый городъ вѣхалъ онъ подъ жидовскимъ балдахиномъ, что вызвало взрывъ восторга въ еврейской толпѣ, которая съ визгами и непрерывнымъ „ура“ провожала его до площади. Поляки совершенно отсутствовали, ибо предполагали напу армию гораздо дальше (въ Смоленскѣ), чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Остановившись на площади и сойдя съ коня, Давыдовъ приказалъ ударить въ барабаны; когда собралась значительная толпа и смолкли барабаны, приказано было прочесть заранее приготовленную бумагу, копии которой, на польскомъ языкѣ, немедленно были распространены по городу.

Образнымъ языкомъ и энергичнымъ тономъ, Давыдовъ прежде всего обращался къ полякамъ, которымъ возвѣстилъ, что Россія побѣдила Наполеона и наши силы 1 декабря вступили въ Вильну, прогнавъ непріателя за Нѣманъ, куда онъ отступилъ въ числѣ только 15 тысячъ чело-вѣкъ при 4 пушкахъ... „Господа поляки!“—вѣщалъ онъ: „облекитесь въ черное платье! Рѣдкій изъ васъ не имѣетъ ближняго, родственника или друга: изъ 80 тысячъ вашихъ войскъ, дерзнувшихъ вступить въ наши предѣлы, лишь пятьсотъ явятся къ вамъ; прочіе же, обезображенные холодомъ, голодомъ, засыпаны снѣгомъ по большой дорогѣ...“

Напомнивъ о томъ, что, жертвуя военною славою отряда, городъ, ради его спасенія, былъ взятъ на основаніи мирнаго договора, Давыдовъ въ своемъ воззваніи предупреждалъ поляковъ, что одинъ ихъ выстрѣлъ накликаетъ бѣдствія на весь городъ, заставитъ невинныхъ пострадать вмѣстѣ съ виновными—и тогда все будетъ обращено въ прахъ и пепель! Не довѣряя, какъ полякамъ, полицеймейстеру и его подчиненнымъ, Денисъ Васильевичъ назначилъ начальникомъ города подполковника Храповицкаго и приказалъ всѣмъ и во всемъ относиться къ еврейскому кагалу. Мало того, кагалный былъ избранъ въ начальники высшей полиціи, съ полною отвѣтственностью за могущіе возникнуть въ городѣ безпорядки и за всѣ тайныя совѣщанія. Въ заключеніе предписывалось жителямъ города, чтобы черезъ два часа все принадлежащее имъ огнестрѣльное оружіе

было снесено на квартиру подполковника Храповицкаго, подъ угрозою разстрѣла ослушниковъ на площади.

Послѣ прочтенія этого воззванія, немедленно были наведены порядки на площади и на улицахъ: уничтоженъ столбъ, воздвигнутый поляками въ честь взятія Москвы, и прозрачныя картины, заготовленныя ими для празднованія того же событія. Эти картины заключали въ себѣ разныя аллегорическія ругательства по адресу Россіи и изъ нихъ самая замѣчательная находилась на балконѣ аптекаря: орелъ французскій и бѣлый орелъ польскій раздирали на части русскаго двуглаваго орла. Давыдовъ велѣлъ позвать къ себѣ аптекаря и приказалъ ему къ 12 декабря (дню рожденія Императора Александра I) написать картину противоположнаго содержанія. Аптекарь попробовалъ было отговариваться, но грозный окрикъ энергичнаго партизана сдѣлалъ свое дѣло: къ дому этого поляка былъ приставленъ караулъ для наблюденія, чтобы во весь день, назначенный для торжества, у него не было огня не только въ домѣ, но даже на кухнѣ, а 13-го вечеромъ, когда нигдѣ не будетъ иллюминаціи, чтобы у него былъ свѣтъ во всѣхъ окнахъ и на балконѣ была бы выставлена вновь приготовленная картина. Все это было исполнено.

Въ такомъ же родѣ были наказаны и другіе жители, поспѣвшіе заготовить тенденціозныя картины. Кромѣ того, ксендзъ, говорившій похвальное слово Наполеону при вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи, долженъ былъ сочинить и въ „россійской“ церкви говорить слово, которымъ проклиналъ Наполеона съ его войскомъ и союзниками и восхвалялъ нашего Государя, Кутузова, русскій народъ и войско....

Такими и другими мѣрами Давыдовъ нагналъ страху не только на населеніе, но и на городскихъ чиновниковъ, которымъ пришлось подобострастно выразить ему чувства покорности и уваженія. По его выраженію, поляки „быстро перешли отъ надменной походки вооруженныхъ рыцарей къ національному ихъ паденію въ ноги, и, вмѣсто владычества надъ Россією, были принуждены исполнять предписанія жидовскаго кагала“.

Вообще нельзя ему отказать въ большой находчивости и остроуміи мѣръ, примѣненныхъ для водворенія порядка въ городѣ и поднятія престижа русскаго имени ¹⁾.

¹⁾ Своему пребыванію въ Гроднѣ онъ посвящаетъ нѣсколько интересныхъ страницъ «Дневника» (Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 144—150).

13 декабря вечеромъ генераль Коновницынъ увѣдомилъ Давыдова, что Кутузовъ весьма обрадованъ извѣстіемъ о взятіи города и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, въ виду движенія Шварценберга къ Бѣлостоку, на необходимость дальнѣйшаго наступленія черезъ Гониондзъ въ герцогство Варшавское, съ цѣлью возможно болѣе угрожать лѣвому флангу Шварценберга и тѣмъ заставить его отойти къ Люблину. О томъ же предписано было и генераль-адъютанту Васильчикову, шедшему на Толочинъ и Бѣлостокъ ¹⁾. Партія Давыдова немедленно выступила по указанному ей направленію, самъ же онъ, вслѣдствіе болѣзни, долженъ былъ на пять дней остаться въ Гроднѣ, куда на другой день прибыли со своими отрядами генералы Корфъ и Милорадовичъ.

Здѣсь, на границѣ Россіи, онъ рѣшился обратиться съ письмомъ къ Кутузову, чтобы напомнить о себѣ по поводу правъ на боевыя награжденія, которыхъ по нѣскольку разъ были удостоены его подчиненные; самъ же онъ, не имѣя ходатая или посредника у Главнокомандующаго, до сихъ поръ оставался безъ награды. Онъ послалъ слѣдующее письмо:

„Ваша свѣтлость! Во все время Отечественной войны я почиталъ грѣхомъ думать о томъ, что не относилось къ истребленію враговъ отечества; нынѣ мы переступили рубежъ дорогого отечества и, желая имѣть какое-нибудь вещественное воспоминаніе о великомъ минувшемъ годѣ, я осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость удостоить меня знаками св. Георгія 4-го класса, къ которому я не разъ былъ представленъ, что впрочемъ, можетъ быть лучше оцѣнено вашею свѣтlostью, удостоивавшею меня не разъ въ теченіе кампаніи знаками своего благоволенія и поздравленіями съ полученіемъ военнаго ордена“.

22 декабря въ с. Соколахъ онъ получилъ письмо отъ Коновницына, извѣщавшаго, что получа письмо Давыдова къ Кутузову, онъ имѣлъ счастье докладывать Государю объ оказанныхъ партизаномъ подвигахъ и трудахъ въ теченіе кампаніи, за которые Высочайше повелѣно его наградить орденами св. Георгія 4-го кл. и св. Владиміра 3-го кл. „Какъ ребенокъ, обрадовался онъ этимъ наградамъ, въ особенности георгіевскому

¹⁾ Матеріалы, № 10, док. № 46.

кресту, къ которому еще въ 1809 году князь Багратионъ представлялъ, но безрезультатно, Давыдова за оказанныя въ Финляндіи отличія ¹⁾.

Кромѣ того, „за отличіе въ сраженіяхъ“ Денисъ Васильевичъ, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, 31 октября былъ произведенъ въ полковники. Своевременно онъ не отмѣтилъ этого въ своемъ „Дневникѣ“; это объясняется тѣмъ, что въ партизанскіе отряды въ теченіе Отечественной войны не посылалось никакихъ приказовъ и распоряженій по арміи, даже извѣщеній о производствахъ. Впрочемъ, и генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, бывший съ нимъ въ постоянныхъ служебныхъ сношеніяхъ, судя по сохранившимся документамъ, вплоть до 20 декабря продолжалъ называть его подполковникомъ ²⁾. Это уже менѣе понятно, т. к. Коновницынъ не могъ не получать приказовъ или не знать о производствѣ Давыдова. Что же касается боевыхъ орденовъ, то по поводу награжденія ими въ формулярномъ спискѣ сказано: „Въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ

Ордена Д. В. Давыдова, вѣлянные въ раму его портрета.

Собственность Д. Н. Давыдовой.

¹⁾ Въ чистовой рукописи «Дневника партизанскихъ дѣйствій», исправленной авторомъ (Матер., № 6), невѣрно указано, что вмѣстѣ съ письмомъ онъ получилъ и «пакетъ съ обѣими (sic) крестами». (Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 153). Какъ свидѣлствуется собственноручнымъ письмомъ Давыдова, въ тотъ же день, 22 декабря, въ Соколахъ онъ извѣщалъ о своей радости генерала И. В. Васильчикова и просилъ отыскать въ его корпусѣ «Георгіевской крестъ съ лентою, ибо я его не имѣю...» Письмо это воспроизведено фототипіей въ т. 37 «Актовъ, издаваемыхъ Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ», Вильна, 1912 г.

Только въ 1821 г. Д. В. получилъ Высочайшія грамоты на эти ордена. Въ грамотѣ на орденъ св. Владиміра, отъ 30 апрѣля 1821 г., указано, что онъ отличилъ себя «продолжительными трудами, большую пользу во время сей кампаніи принесшими»; въ грамотѣ же на орденъ св. Георгія, отъ 31 мая 1821 г.: «получивъ въ командованіе свое партизанскій отрядъ и дѣйствуя съ онымъ противу непріятеля въ продолженіи кампаніи того года, (вы) наносили ему величайшій вредъ» (Матер., № 1, док. №№ 23 и 35).

²⁾ Матер., № 10, док. № 50.

По поводу производства Давыдова въ полковники, его формуляръ гласитъ: «со 2-го сентября по 18 октября, командовалъ партіею наѣздниковъ въ окрестностяхъ Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска; въ теченіе сего времени взялъ въ плѣнъ 3.560 нижнихъ чиновъ, 43 штабъ и оберъ офицеровъ и много транспортовъ, снарядовъ и продовольствія, за что награжденъ чиномъ полковника».

находился... подъ Ляховымъ 28 октября, подъ Смоленскомъ 29, подъ Краснымъ 2 и 4 ноября, подъ Копысомъ 9 ноября, гдѣ разбилъ наголову депо французской арміи, подъ Бѣлыничами 14-го и за отличіе награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса; занялъ отрядомъ своимъ г. Гродно 8 декабря и за отличіе награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени“.

Въ с. Соколахъ онъ долженъ былъ остановиться вслѣдствіе приказанія генераль-адъютанта Васильчикова, а затѣмъ получилъ предписаніе генерала Коновницына, подтвержденное затѣмъ такимъ же предписаніемъ новаго дежурнаго генерала, князя Волконскаго, слѣдовать въ Гониондзъ для соединенія съ корпусами генерала отъ инфантеріи Дохтурова и 2-мъ пѣхотнымъ, гдѣ поступить подъ команду принца Евгенія Бюртембергскаго.

24-го декабря, вслѣдствіе новаго распредѣленія частей нашей арміи, партія Давыдова вошла въ составъ главнаго авангарда арміи, порученнаго генералу Винценгероде. Съ этого дня официально закончились самостоятельныя дѣйствія Дениса Васильевича Давыдова, какъ начальника партизанскаго отряда, во главѣ котораго онъ заслужилъ завидную славу одного изъ наиболѣе выдающихся героев Отечественной войны.

Подведя краткій итогъ его партизанской дѣятельности, по справедливости, отмѣтимъ его слѣдующія несомнѣнныя заслуги:

онъ совершенно правильно оцѣнилъ общую обстановку войны еще до Бородинскаго сраженія и указалъ Кутузову на необходимость партизанскихъ дѣйствій;

былъ ихъ инициаторомъ, притомъ, глубоко вѣря въ свою идею и обладая выдающеюся энергіею и личною храбростію, рѣшилъ начать ея выполненіе даже съ малыми средствами, ему данными (130 человекъ);

блестящими и несомнѣнными успѣхами завоевалъ благоволеніе и довѣріе Кутузова, что вызвало много подражателей, впоследствии оказавшихъ нашей арміи и Отечеству громадныя услуги;

проявилъ истинный талантъ неутомимаго воина-партизана, не знающаго препятствій и предѣловъ своей лихой работѣ; реальные результаты—наилучшее доказательство справедливости этихъ словъ: болѣе 3½ тысячъ захваченныхъ имъ плѣнныхъ, большое число убитыхъ и раненыхъ у противника при частыхъ столкновеніяхъ, отбитыя фуры (числомъ

около 400) съ военными припасами и продовольствіемъ въ ту тяжелую пору, когда во всемъ этомъ непріятель особенно нуждался, перехватываемая у него переписка, наконецъ, моральное воздѣйствіе на врага, терявшаго физическія и духовныя силы,—все это создавало для арміи Наполеона опасную и сильную преграду на такомъ важномъ и жизненномъ пути, какъ Большая Смоленская дорога, по которой происходило главное питаніе непріятельской арміи;

сумѣлъ всюду, гдѣ ему приходилось дѣйствовать, поднимать духъ окрестныхъ поселянъ и помѣщиковъ и привлекать ихъ къ дружной защитѣ родной земли какъ на мѣстахъ, такъ и въ рядахъ его партизанскаго отряда;

заслужилъ чрезвычайное довѣріе, уваженіе и любовь своихъ подчиненныхъ и боевыхъ товарищей, сроднившихся съ нимъ въ тяжелой обстановкѣ войны и дружно работавшихъ со своимъ начальникомъ въ самыя критическія минуты боя;

наконецъ, обнаружилъ своего рода талантъ при столкновеніи съ населеніемъ такого крупнаго центра враждебно настроенной страны, какъ Гродно, умѣя небольшими вооруженными силами смирить поляковъ угрозою русскаго оружія...

Все это выдвигаетъ Давыдова на значительную высоту среди военныхъ современниковъ и, по справедливости, даетъ ему право называться „отцомъ партизанской войны въ 1812 году“.

Ко всему сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что впоследствии Д. В. Давыдовъ привелъ въ порядокъ и издалъ свой интереснѣйшій „Дневникъ поисковъ (партизанскихъ дѣйствій)“, представляющій собою очень цѣнный матеріалъ для характеристики работы партизановъ въ Отечественную войну, а затѣмъ написалъ свой извѣстный „Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій“, не утратившій своего значенія и въ наши дни...

ГЛАВА IV.

ДВАДЦАТЬ пятого декабря 1812 года, въ день Рождества Христова, былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ, которымъ возвѣщалось Россіи о благополучномъ окончаніи Отечественной войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь, вопреки доводамъ Кутузова и общественному мнѣнію, рѣшилъ перенести борьбу за предѣлы Россіи, чтобы довершить гибель Наполеона: началась война за освобожденіе Германіи...

1 января 1813 года наши войска перешли границу. Главная армія, подъ командою Кутузова, направилась черезъ герцогство Варшавское и Силезію къ Дрездену, выдѣливъ передовой корпусъ Винценгероде съ двумя легкими отрядами въ авангардѣ—полковника Давыдова и подполковника Пренделя. Оба они, подъ общей командой генерала Ланского, находились въ полной зависимости отъ Винценгероде, строго воспретившаго имъ сшибки съ непріятелемъ и переходы съ мѣста на мѣсто безъ вѣдома его или другого начальника.

По совершенно справедливому замѣчанію Давыдова, ¹⁾ „намъ надлежало, пользуясь успѣхами нашими, до прибытія Наполеона и свѣжихъ силъ изъ Франціи, наводнить нашими войсками сколь возможно болѣе пространства, никѣмъ почти уже болѣе незащищеннаго. Это представляло двойную выгоду: чрезъ это увеличивался просторъ для дѣйствія въ слу-

*) Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 158.

чаѣ обратнаго появленія Наполеона изъ-за Рейна, и мы могли легко дѣйствовать на воображеніе нерѣшительныхъ людей пышными и частыми обнародованіями о занятіи новыхъ областей, новыхъ столицъ, новыхъ значительныхъ городовъ“...

Увѣренный въ томъ, что желаніемъ захватить столицы и города были охвачены всѣ крупные и мелкіе начальники, Давыдовъ говоритъ, что Блюхеръ, желая лично захватить Дрезденъ, направилъ Винценгероде къ Гоэрсверду, Винценгероде же, имѣя то же намѣреніе, двинулъ Ланского и находившагося подъ его командою Давыдова къ Мейсену. Впрочемъ, тогда онъ еще не понималъ тонкости взаимныхъ отношеній этихъ начальниковъ и не предвидѣлъ, что (по его выраженію) поддѣвъ ихъ обоихъ, сломитъ себѣ голову...

Рѣчь идетъ о занятіи имъ Дрездена—наиболѣе крупномъ фактѣ его боевой дѣятельности въ 1813 году, которому онъ впоследствии посвятилъ особую статью ¹⁾, подробно повѣствующую объ этомъ случаѣ, чрезвычайно характерномъ какъ для автора разсказа, такъ и для многихъ другихъ упоминаемыхъ въ немъ лицъ. На этихъ страницахъ передаемъ лишь въ краткомъ видѣ содержаніе названной статьи.

Партія Давыдова (казаки Попова 13-го и 1-й Бугскій полки, команда гусаръ и сборныхъ казаковъ—550 чел.), пройдя Вислу и Одеръ, слѣдовала на Мускау, Шпрембергъ, Гоэрсверде и 7-го марта вступила въ д. Бернсдорфъ. Въ этотъ день корпусъ Блюхера, командовавшаго союзными войсками въ Силезіи, находился еще тамъ, въ трехъ переходахъ отъ Бунцлау, Винценгероде—на пути къ Герлицу и Ланской вступилъ въ Бауценъ. Саксонскій король еще 12 февраля выѣхалъ изъ своей столицы, передавъ управленіе королевствомъ т. н. Непосредственной Комиссіи. Часть гарнизона выступила изъ города, который вскорѣ былъ занятъ корпусомъ французскаго генерала Ренье, которому предписано было защищать переправы черезъ Эльбу подъ Дрезденомъ и Мейсеномъ. Вслѣдствіе этого, въ старую часть города Дрездена (на лѣвомъ берегу) были привлечены всѣ

¹⁾ «Занятіе Дрездена 1813 года 10 марта». Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 155—183.

Кромѣ того, въ архивѣ Д. В. Давыдова сохранилось собраніе документовъ (числомъ 62), относящихся къ его участію въ заграничномъ походѣ 1813—1814 г.г. Многіе изъ нихъ имѣютъ общій военно-историческій интересъ (Матер. № 30).

суда, госпитали, военные запасы, и эта часть города была приспособлена къ оборонѣ; мостъ подготовленъ къ взрыву, несмотря на сопротивленіе народа. 28 февраля сюда прибылъ маршалъ Даву и, вскорѣ взорвавъ мостъ, уѣхалъ въ Мейсенъ, оставивъ въ городѣ Дюрюта съ 7-мъ корпусомъ и нѣсколькими батальонами и эскадронами саксонцевъ, силою, въ общемъ, болѣе 7.000 человекъ. Войска приготовились къ защитѣ города¹⁾.

Таково было положеніе Дрездена, когда къ нему подошелъ ротмистръ Чеченскій съ своимъ 1-мъ Бугскимъ полкомъ, въ составѣ не болѣе 150 казаковъ, посланный Давыдовымъ для собранія свѣдѣній о самомъ городѣ и для рекогносцировки его окрестностей.

8 марта, слѣдуя къ Дрездену, Денисъ Васильевичъ услышалъ сильный гулъ въ направленіи къ этому городу и отъ мѣстныхъ жителей узналъ, что происходитъ взрывъ дрезденскаго моста французами; онъ догадался, что половина города, лежащая на правомъ берегу Эльбы, оставлена непріателемъ совсѣмъ или занята гарнизономъ, съ которымъ можно справиться. Заманчивая перспектива овладѣть столицею Саксоніи взволновала честолюбиваго партизана. Однако „хоть и закипѣла кровь молодецкая, но чинопослушаніе ухватило меня за воротъ“, рассказываетъ Давыдовъ. Считая долгомъ извѣстить о своемъ намѣреніи Ланского, своего начальника и большого пріятеля, онъ просилъ его разрѣшенія „попытаться“ и черезъ семь часовъ получилъ такой отвѣтъ:

„Я давно уже просилъ позволенія послать васъ попартизанить; но отказъ былъ отвѣтомъ на мою просьбу, полагая, что вы нужны будете здѣсь въ двадцать четыре часа,—а я, полагая эти мѣры слишкомъ робкими, разрѣшаю вамъ попытку на Дрезденъ. Ступайте съ Богомъ. Ланской“.

Заручившись разрѣшеніемъ, Давыдовъ послалъ увѣдомленіе о своемъ намѣреніи флигель-адъютанту Орлову, слѣдовавшему въ сторонѣ со своею партією, прося его поддержки, и выступилъ изъ Кенигсбрюка. Въ это время одинъ за другимъ онъ получилъ два рапорта ротмистра Чеченскаго, сообщавшаго сначала, что былъ сильно обстрѣленъ со своими 50 казаками

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы изъ сочиненія очевидца событій 1813 года: «Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe, par M^r le baron d'Odeleben, l'un des officiers généraux de l'armée. Paris, 1817.

изъ-за палисадовъ города, предъ которымъ ожидаетъ дальнѣйшихъ приказаній, а затѣмъ—о выѣздѣ бургомистра съ просьбою о пощадѣ города. Этотъ неожиданный случай не смутилъ Чеченскаго, который объявилъ, что если жители въ ту же ночь выгонять на ту сторону рѣки французовъ, то городъ не пострадаетъ; въ противномъ случаѣ, никому и ничему пощады не будетъ.

Давыдовъ, пославъ Чеченскому извѣщеніе, что спѣшить, верстахъ въ 3—4 отъ него получилъ новое увѣдомленіе, что комендантъ согласился бы немедленно сдать городъ, если бы у насъ была самая бездѣлица пѣхоты, казакамъ же сдать его не можетъ.

Пришлось пуститься на хитрость: была оставлена на высокомъ мѣстѣ часть казаковъ, которымъ приказано было разложить какъ можно больше костровъ, остальной же отрядъ поспѣшилъ впередъ и занялъ биваками всѣ улицы форштадта, выходы которыхъ были обращены къ городу, хвосты колоннъ были скрыты за строеніями.

Въ это время онъ получилъ отъ Ланскаго письмо, которое поразило его, какъ бомба: несмотря на данное раньше разрѣшеніе, Ланской, вслѣдствіе полученнаго отъ корпуснаго командира приказанія, предписывалъ Давыдову, вмѣсто Дрездена, идти изъ Кенигсбрюка въ Радебургъ; это было вызвано тѣмъ, что корпусъ сходилъ съ Калишскаго пути и корпусный штабъ переносился въ Гоэрсверде для очистки мѣста пруссакамъ...

Это предписаніе жестоко поразило партизана, но, скоро очнувшись отъ перваго впечатлѣнія, онъ все-таки рѣшилъ продолжать разъ начатое предпріятіе, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ, вызванныхъ нѣкоторыми подробностями непріятнаго предписанія ¹⁾.

Собрать продовольствіе для корпуса было гораздо удобнѣе черезъ городскія власти, имѣвшія непосредственное вліяніе на земскую полицію,— слѣдовательно, выгоднѣе взять городъ. Прикрывать движеніе корпуса Винценгероде было удобнѣе при расположеніи отряда на точкѣ соединенія радіусовъ, по которымъ двигались непріятельскіе развѣдывательные разѣзды, т.-е. въ Дрезденѣ. Затѣмъ, по смыслу предписанія Ланскаго было видно, что оно писано въ то время, когда Давыдовъ находился въ Ке-

¹⁾ Текстъ его помѣщенъ въ Собраніи сочиненій, изд. 1893 г., т. II, стр. 166.

В. Жерве. Ден. Вас. Давыдовъ.

нигсбрюкѣ, а не подѣ Дрезденомъ. Къ тому же онъ крѣпко надѣялся на свой пятисотенный отрядъ, поджидаль Орлова и зналъ, что Прендель недалеко. Разложенные на возвышенныхъ мѣстахъ многочисленные огни должны были произвести впечатлѣніе на противника и, во всякомъ случаѣ, ввести его въ заблужденіе относительно дѣйствительныхъ силъ отряда. Наконецъ, были уже начаты переговоры съ городскими властями и объявлены угрозы въ случаѣ медленной сдачи города...

„Какой самый исполнительный фельдфебель“,—разсуждалъ Давыдовъ,— „находясь въ моемъ положеніи, рѣшится на буквальное исполненіе предписанія Ланского и на постыдное отступленіе въ глазахъ и изъ-подъ выстрѣловъ непріятеля!..“

Но, какъ потомъ онъ объяснялъ себѣ, дѣло шло не о сборѣ судовъ, не о запасахъ провіанта, не о прикрытіи его партіею движенія корпуса во время слѣдованія къ Гоэрсверде, а объ отдаленіи его самого и Ланского отъ пути, по которому Винценгероде намѣревался явиться къ Дрездену. Но тогда онъ не постигалъ истиннаго смысла предъявленнаго ему требованія.

На слѣдующій день Давыдовъ, черезъ подполковника Храповицкаго, вступилъ въ переговоры съ генераломъ Дюрютомъ. Однако, несмотря на прибытіе къ нему одного казачьяго полка отъ Орлова и подходъ отряда Пренделя, переговоры затянулись до 9 часовъ вечера, когда уполномоченные обѣхъ сторонъ подписали договоръ, ратификованный Дюрютомъ и Давыдовымъ. Между прочимъ, первый изъ нихъ согласился, чтобы послѣ сдачи Новаго города, французскія войска отдали установленную честь русскимъ, держа на караулъ, при барабанномъ боѣ, однако Дюрютъ просилъ, чтобы статья эта не была помѣщена въ капитуляціи. Давыдовъ согласился, ибо его цѣлью было только показать жителямъ Дрездена униженіе французовъ передъ русскими.

Впослѣдствіи партизану было поставлено въ вину, что договоромъ было установлено прекращеніе военныхъ дѣйствій въ самомъ Новомъ городѣ и на разстояніи одной мили выше и ниже его. Кромѣ того, каждый изъ договаривавшихся обязывался объявить своему противнику о возобновленіи военныхъ дѣйствій въ этомъ районѣ за 48 часовъ до ихъ начала. Однако это условіе было включено въ договоръ исключительно ради выгоды

Давыдова, силы котораго были слишкомъ незначительны, чтобы продолжать дѣйствія противъ Дюрюта, занимавшаго пѣхотою и артиллеріею Старый Дрезденъ; кромѣ того, было принято во вниманіе, что Винценгероде находился въ трехъ переходахъ отъ Дрездена въ Герлицъ, и что при его выступленіи отсюда даже 11 марта утромъ, онъ непременно прибылъ бы къ Дрездену 13 вечеромъ. Въ виду этого, занявъ Новый городъ, Давыдовъ рапортовалъ Ланскому о прекращеніи перемирія 13 вечеромъ, прося его извѣстить о томъ и Винценгероде.

На слѣдующій день, 10 марта, нарядившись въ новыя парадныя одежды, со всѣми орденами и регаліями, Давыдовъ торжественно вступилъ въ Новый городъ Дрезденъ. Къ нему явились гражданскіе чиновники и депутаты города, крайне удивившіеся, когда отъ грубаго, какъ они ожидали, и необразованнаго начальника они услышали французскую рѣчь. Денисъ Васильевичъ напомнилъ имъ о высокой судьбѣ, ожидавшей Германію, если она не измѣнитъ призыву чести, и о благодарности, которою она обязана Императору Александру. Къ полудню было громадное стеченіе народа въ Новомъ городѣ, въ виду предстоявшаго выступленія отсюда французскаго гарнизона, который, по вступленіи сюда партіи Давыдова, отдалъ ей честь... Прекрасная погода довершала красивую картину народнаго восторга, крики ура и радостные возгласы раздавались на улицахъ, сплошь усеянныхъ народомъ.

Разставивъ пикеты вдоль Эльбы, расположивъ свою партію биваками по большой улицѣ, чтобы всегда имѣть своихъ людей подъ рукой, и принявъ почетныхъ чиновниковъ города, Давыдовъ послалъ рапортъ Ланскому, которому доносилъ о занятіи имъ Дрездена и о прекращеніи 11 марта вечеромъ заключеннаго съ Дюрютомъ перемирія, что давало ему 13-го свободу дѣйствовать какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его; при чемъ онъ напоминалъ, что замедленіе въ прибытіи пѣхоты и артиллеріи въ Новый городъ легко можетъ лишить отрядъ пріобрѣтеннаго.

Въ этотъ же день саксонскія войска въ Старомъ Дрезденѣ были замѣнены пришедшими изъ Мейсена баварцами. Денисъ Васильевичъ посѣтилъ кадетскій корпусъ, гдѣ, присутствуя на занятіяхъ, обнаружилъ не только отличное знаніе военной исторіи, но и вполне свободное владѣніе

французскимъ языкомъ, чѣмъ привелъ въ совершенное изумленіе директора корпуса, серьезно принявшаго его за природнаго казака.

Князь Мадатовъ и Орловъ пріѣзжали поздравить его. Прислалъ также поздравительное письмо Ланской, который, однако, упрекалъ его въ заключеніи перемирія безъ разрѣшенія начальниковъ и въ томъ, что не были собраны лодки, плоты и паромы; послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Ланского, склоняло всѣ выгоды перемирія на сторону непріятеля.

Давыдовъ отвѣтилъ ему письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что никогда не былъ извѣщенъ о запрещеніи заключать перемиріе, которое однако въ данномъ случаѣ принесло ему громадную пользу, ибо съ одними казаками стоитъ безопасно передъ пѣхотою и артиллеріею Дюрюта, который, не будь перемирія, могъ бы прогнать его изъ Новаго города. Корпусъ Винценгероде былъ въ трехъ переходахъ отъ Дрездена, куда могъ бы прибыть не ранѣе 13 марта, т.-е. ко времени окончанія перемирія, что развѣвало бы руки корпусному командиру. Что же касается сбора судовъ, то они были привлечены непріателемъ къ своему берегу одновременно съ уничтоженіемъ обоихъ мостовъ черезъ Эльбу...

Не теряя времени, Давыдовъ немедленно предписалъ городскому правленію озаботиться заготовленіемъ провіанта и фуража на 40-тысячную армію, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ времени, и матеріаловъ для постройки плотовъ и паромовъ, чѣмъ имѣлъ въ виду устроить Дюрюта. Дѣйствительно, часть войскъ послѣдняго, а также баварскихъ, уже 12-го начала выступленіе изъ Стараго города, узнавъ о переходѣ черезъ Эльбу передового отряда Орлова и опасаясь дальнѣйшаго наступленія Давыдова.

Казалось, какъ писалъ потомъ Денисъ Васильевичъ, судьба, улыбаясь, призывала его къ овладѣнію послѣднею половиною столицы Саксоніи, но вдругъ 13-го марта, на разсвѣтѣ, нагрянулъ на него Винценгероде, который, вмѣсто движенія на Гоэрсверде, прискакалъ на почтовыхъ изъ Бауцена въ Дрезденъ.

Свиданіе его съ Давыдовымъ „состояло въ одномъ монологѣ, какъ бываетъ и какъ должно быть между начальникомъ и подчиненнымъ...“ Смѣлый партизанъ былъ обвиненъ по тремъ пунктамъ: въ походѣ къ Дрездену, несмотря на указанное другое направленіе, затѣмъ—во вступленіи въ переговоры съ непріателемъ, что было запрещено, и, наконецъ,

въ заключеніи съ нимъ перемирія. Послѣдній поступокъ Винценгероде назвалъ государственнымъ преступленіемъ, достойнымъ примѣрнаго наказанія. Оправданія Давыдова не были приняты строгимъ корпуснымъ командиромъ, который, пообѣщавъ предать его военному суду, приказалъ сдать команду подполковнику Пренделю и отправиться въ Императорскую и главную квартиры.

Съ тяжелымъ чувствомъ разстался любимый начальникъ со своими подчиненными, которые въ теченіе долгаго боевого пути отъ Бородина до Дрездена породнились съ нимъ, заключивъ союзъ кровнаго братства. Искренни были слезы людей, вмѣстѣ дѣлившихъ черствый сухарь на бивакъ и много разъ вмѣстѣ

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Изъ книги Ушакова: «Дѣянія россійскихъ полководцевъ и генераловъ». 1822 г.

кровительство, оказанномъ городу Давыдовымъ, и о совершенной дисциплинѣ, спокойствіи и безопасности, царившихъ во время стоянки русскихъ войскъ, что обязывало депутатовъ засвидѣтельствовать подлинность этихъ обстоятельствъ и присовокупить къ тому увѣреніе въ искренней своей благодарности ¹⁾).

ходившихъ въ бой, презирая ужасы смерти...

Кромѣ искренней скорби своего отряда, большимъ утѣшеніемъ Давыдову было выраженіе чувствъ депутатами сословія Мейссенскаго округа съ депутатами городской Думы Дрездена. Они поднесли скрѣпленный двумя печатями адресъ, въ которомъ засвидѣтельствовали о достойномъ по-

¹⁾ Подлинный адресъ хранится въ бумагахъ Д. В. Давыдова (Матер., № 1, док. № 19).

Въ такомъ, приблизительно, видѣ представляется интересное дѣло Давыдова—занятіе Дрездена—со словъ его самого. Какъ бы то ни было, фактъ этотъ занесенъ въ его формулярный списокъ, въ ту графу, въ которой записаны его многіе боевые подвиги. Тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ привести здѣсь отзывъ объ этомъ событіи участника 58 сраженій во многихъ войнахъ (въ томъ числѣ 1812—1814 г.г.), отличнаго боевого офицера, впослѣдствіи извѣстнаго декабриста, князя С. Г. Волконскаго ¹⁾. Вотъ что онъ говоритъ:

„Нашъ корпусъ продолжалъ движеніе; было приказано командующему легкимъ отдѣльнымъ отрядомъ, полковнику Денису Давыдову идти на Дрезденъ, съ той именно цѣлью, чтобъ по малочисленности отряда не дать вида, что мы имѣли намѣреніе идти на Дрезденъ, а только чтобъ занять французовъ и дать время всему корпусу переправиться черезъ Эльбу въ Мейсенъ и тѣмъ имѣть возможность не дать французскимъ войскамъ, занимавшимъ Дрезденъ, отступить.

„Но Денисъ Давыдовъ, не слѣдуя данной ему инструкціи и имѣя свѣдѣніе, что предмѣстье Дрездена, Нейштадтъ, французы не хотятъ сильно защищать, видя къ тому же случай къ пріобрѣтенію личной для себя славы, не только что безъ всякаго почти боя занялъ Нейштадтъ, но вошелъ въ переговоры съ начальствующимъ въ Дрезденѣ генераломъ Дюрютомъ ²⁾ о заключеніи двухъ-дневнаго перемирія, позволяющаго французамъ безпрепятственно выступить изъ Дрездена и тогда предоставить русскимъ безпрепятственно взойти въ городъ. Винценгероде, взбѣшенный неисполненіемъ Давыдовымъ въ точности даннаго ему приказанія, отказалъ ему въ командованіи ввѣреннымъ ему отрядомъ, хотѣлъ его отдать подъ судъ военный и только по настоятельному моему ходатайству согласился предоставить ему явиться въ главную квартиру и лично оправдаться; но все-же далъ знать начальнику штаба, что ему не нуженъ подчиненный, который считаетъ себя умнѣе его...“

Весьма вѣроятно, что во всей этой исторіи взятія Дрездена често-

¹⁾ Записки Сергія Григорьевича Волконскаго, изд. кн. М. С. Волконскаго. Спб. 1901 г., 227—228.

²⁾ Дюрютъ съ 3 тысячами былъ оставленъ въ Дрезденѣ отступившимъ оттуда Даву.
(Примѣчаніе кн. Волконскаго).

любие Давыдова сыграло не последнюю роль, темъ не менѣе, если даже допустить съ его стороны своевольное намѣреніе взять Дрезденъ, то чѣмъ же объяснить первоначально данное ему Ланскимъ разрѣшеніе, о которомъ сказано выше (стр. 80)? ¹⁾. Не могъ же этотъ начальникъ не знать директивъ и общаго плана своего корпуснаго командира...

Прибывъ въ Калишъ, Д. В. Давыдовъ явился прямо начальнику главнаго штаба обѣихъ союзныхъ армій, князю П. М. Волконскому, который отнесъ привезенные отъ Винценгероде бумаги Кутузову, въ свою очередь, безотлагательно представившему ихъ Государю, съ своимъ напоминаніемъ о предыдущей боевой службѣ партизана.

„Какъ бы то ни было, побѣдителей не судятъ“,—сказалъ Государь и темъ рѣшилъ судьбу Давыдова.

Черезъ нѣсколько дней, по поводу взятія Дрездена было отслужено благодарственное молебствіе, сопровождавшееся пушечными выстрѣлами. Тяжело было высланному изъ передовыхъ частей арміи инициатору этого успѣха слышать побѣдные выстрѣлы, но на другой же день свѣтлѣйшій, приславъ за нимъ, обласкалъ его и приказалъ возвратиться въ корпусъ Винценгероде, гдѣ принять прежнюю партію. Это чрезвычайно обрадовало и удовлетворило его ²⁾.

Возвратясь въ свой корпусъ, стоявшій въ то время въ Лейпцигѣ, Давыдовъ все-таки не получилъ прежней партіи, подъ темъ предлогомъ, что она была разбѣяна по обширному пространству. Правда, Винценгероде обѣщалъ ему другую команду, приглашалъ его подъ свое начало А. И. Чернышевъ (впоследствии военный министръ), но отъ этого предложенія онъ отказался; обѣщаніе же Винценгероде не было исполнено.

Непріятное положеніе Давыдова въ арміи побудило его проситься въ

¹⁾ Къ сожалѣнію, подлинникъ этого разрѣшенія въ бумагахъ Давыдова не сохранился.

²⁾ Въ бумагахъ Д. В. Давыдова (Матер., № 30, док. № 45 в) хранится неоконченный черновикъ его записки къ неизвѣстному генералу, котораго онъ просилъ быть посредникомъ между собою и Кутузовымъ въ передачѣ жалобы на несправедливость къ нему:

«Ваше П.»,—писалъ онъ:—«Не имѣя чести быть съ Вами хорошо знакомымъ совѣстно мнѣ утрудять В.: П. прозбою вручить Его Светлости прилагаемое присемь письмо (черновикъ его не сохранился)—но я слышалъ звуки орудій возвещающихъ (о) занятіи Дрездена, которому я былъ первый виновникъ и которое относятся другимъ или другому, потому решаюсь просить В.: П. довести до сведенія Его Св. чувства русскаго офицера отвлеченнаго можетъ быть лишнею строгостью отъ принадлежащей ему благородной добычѣ. Чѣмъ крайне обяжете...»

Не знаемъ, было ли подано Кутузову это или другое подобное письмо.

отпускъ, что видно изъ отвѣтнаго къ нему письма кн. С. Волконскаго, который 13 апрѣля писалъ, что генераль (Винценгероде?) очень огорченъ предстоящимъ отъѣздомъ такого отличнаго офицера, но соглашается на это въ виду необходимости ему отдохнуть нѣкоторое время. Впрочемъ, повидимому, Давыдовъ не воспользовался отпускомъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣсколько адресованныхъ ему въ теченіе апрѣля бумагъ ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, еще до перемирія (23 мая—24 іюля 1813 г.) онъ вернулся въ свой Ахтырскій полкъ, а затѣмъ графъ Милорадовичъ, въ корпусъ котораго состоялъ этотъ полкъ, назначилъ его командовать отрядомъ изъ 4-хъ сводныхъ эскадроновъ и части Татарскаго уланскаго полка. Выражая Деннеу Васильевичу желаніе Главнокомандующаго имѣть свѣдѣніе о движеніи и направленіи непріятеля, Милорадовичъ писалъ ему: „Извѣстная мнѣ ваша опытность и усердіе къ службѣ оставляетъ меня въ полномъ увѣреніи, что ваше высокоблагородіе употребите всевозможные способы доставлять намъ вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ и по обстоятельствамъ дѣйствовать ему во флангъ и въ тылъ ²⁾“. Судя по формулярному списку, въ теченіе весны 1813 г. Давыдовъ участвовалъ въ сраженіяхъ: подъ Пределемъ 21 Апрѣля, подъ Гартю 22-го, подъ Этсдорфомъ 23-го, подъ Носсеномъ 24-го, подъ Юбигау 25-го, подъ Дрезденомъ 27-го, подъ Бауценомъ 8 и 9 мая, подъ Рейхенбахомъ 10-го, „и во всѣхъ арьергардныхъ дѣлахъ до перемирія“.

Нѣсколько разъ выполнялъ онъ порученія Милорадовича, который представлялъ его къ чину, но безрезультатно.

Послѣ перемирія, уже осенью, онъ получилъ въ командованіе два казачьихъ полка и вступилъ въ составъ отряда австрійскаго полковника Менсдорфа. Несмотря на высокія личныя качества и военныя дарованія этого полковника, а также на его благородное обхожденіе съ Давыдовымъ, послѣдній не могъ не считать себя обиженнымъ и обойденнымъ, тѣмъ болѣе, что представленія о немъ со стороны Менсдорфа у Государя и у фельд-маршала Шварценберга оставались безъ послѣдствій.

Это побудило его обратиться съ письмомъ къ графу Аракчееву, ко-

¹⁾ Матеріалы, № 30, док. №№ 53, 55 и 56.

²⁾ Подлинное предписаніе генерала Милорадовича полковнику Давыдову 2 мая 1813 г., № 465 (Матер. № 30, док. № 57).

тогого онъ просилъ пеходатайствовать „поравненіе въ чинѣ“ съ его сверстниками и жаловался, что не только забыты его заслуги, что младшіе, проводя жизнь въ резервахъ и главныхъ квартирахъ, обошли и обходятъ его, но даже нѣкоторые близкіе къ Его Императорскому Величеству вельможи, которыхъ онъ просилъ возобновить его службу въ памяти Государя, ограничивались отвѣтомъ: „не по моей части“... „Какъ будто доводить истину до царя“, восклицалъ Давыдовъ, „раздѣлено на части?“¹⁾

Повидимому, и это письмо осталось безъ результата, ибо, какъ значится въ его послужномъ спискѣ, за оказанную въ 1813 году храбрость онъ удостоенъ лишь Высочайшаго благоволенія. Между тѣмъ въ томъ же послужномъ спискѣ читаемъ, что онъ, „командуя партіею наѣздниковъ, находился въ сраженіяхъ подъ Рютою 15 августа, подъ Люценомъ 8 сентября, подъ Цейцомъ 10-го, подъ Альтенбургомъ 12-го, вторично подъ онымъ 16-го, подъ Пенигомъ 18-го, подъ Хемницею 23-го, подъ Науембургомъ 28-го, подъ Лейцигомъ 4-го и 6-го октября, подъ Кезеномъ 9-го и во всѣхъ дѣлахъ во время преслѣдованія непріятеля до Рейна.

Въ концѣ 1813 года Давыдовъ получилъ предложеніе графа Платова командовать его авангардомъ, но вслѣдствіе отказа Барклая де Толли Платову, вынужденъ былъ отправиться въ свой Ахтырскій полкъ, находившійся тогда въ арміи фельдмаршала Блюхера, въ корпусѣ генерала Сакена. Изъ главной квартиры, стоявшей во Фрейбургѣ, онъ поѣхалъ вдоль Рейна, чрезъ который переправился „при ужасномъ шествѣи льда“, и встрѣтилъ новый, 1814 годъ въ Вожскихъ горахъ. Въ Нанси онъ догналъ главную квартиру Блюхера, гдѣ узналъ, что назначенъ въ отрядъ кн. А. Ф. Щербатова, который и догналъ въ д. Эрвиль, возлѣ г. Сень-Дизье. Этотъ отрядъ былъ составленъ изъ четырехъ полковъ, по словамъ Давыдова, „одинъ хуже другого“. Подки 4-й Уральскій и Оренбургскій попали подъ его команду²⁾. Тѣмъ не менѣе именно съ ними онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и, послѣ боя при Бріенъ-ле-Шато 14 и 15 января, за сраженіе при Ларотьерѣ 17 января получилъ давно желанный чинъ генераль-маіора. По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія нашей

¹⁾ Письмо Давыдова гр. А. А. Аракчееву. Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 149.

²⁾ «Кампанія за Рейномъ», неизданная рукопись Давыдова (Матеріалы, № 31).

арміи, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ: подъ Шелле 24 января, подъ Монмиралемъ 30-го, подъ Шатотьері 31, подъ Мери 11 февраля, подъ Эстерне 13 и 15 и подъ Краономъ 23-го ¹⁾). Въ послѣднемъ сраженіи выбыли изъ строя всѣ генералы 2-й гусарской дивизіи; Давыдовъ командовалъ сначала этою дивизіею, а затѣмъ бригадою въ составѣ Бѣлорусскаго и Ахтырскаго полковъ. ²⁾ Сраженіями подъ Лаономъ 25 и 26 февраля, подъ Фершампенуазомъ 13 марта и, наконецъ, взятіемъ Парижа закончилась война 1813—1814 г.г. и вмѣстѣ съ нею боевая дѣятельность Давыдова.

Новизна впечатлѣній отъ пребыванія въ Парижѣ, гдѣ онъ никогда раньше не былъ и куда теперь попалъ въ составѣ побѣдоносной арміи, сокрушившей могущество Наполеона, не заглушила естественнаго стремленія Дениса Васильевича отдохнуть отъ многолѣтнихъ боевыхъ трудовъ и невзгодъ походной жизни и скорѣе снова съѣздить въ Россію. Тѣмъ не менѣе, даже въ мечтахъ о близкомъ отпускѣ, онъ тутъ же, въ Парижѣ, пользуясь служебными досугами, началъ вести свои „Военныя записки“, черновикъ которыхъ, съ помѣткою „1814 года. 16 Апрѣля. Г. Париж“, сохранился въ бумагахъ партизана ³⁾.

Получивъ шестимѣсячный отпускъ, 23 мая онъ выѣхалъ изъ Парижа на Мо, Шато-Тьері, Эперне, Реймсъ и Майянсъ ⁴⁾ и пріѣхалъ въ Москву. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда, онъ получилъ отъ управлявшаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова увѣдомленіе, что дѣло о числившемся на покойномъ его отцѣ съ 1798 г., со времени его командованія Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ, взысканіи теперь окончено и что отъ общей суммы взысканія въ размѣрѣ 22.247 р. 19 к., по всеподданнѣйшему ходатайству у Его Императорскаго Величества, Д. В. Давыдовъ, какъ наслѣдникъ имуществъ его отца, освобожденъ, при чемъ снято и запрещеніе съ его имѣнія. Свое ходатайство предъ Государемъ кн. Горчаковъ мотивировалъ усердною службою Давыдова, его мужествомъ и

¹⁾ Формулярный списокъ.

²⁾ Сборникъ біо рафій кавалергардовъ, подъ редакц. С. А. Панчулидзева, т. III, стр. 36.

³⁾ Этотъ черновикъ—переплетенная въ пергаментъ тетрадь листового формата. Въ ней находимъ не напечатанные и частью не оконченные наброски: «Опытъ критической военной исторіи 1812—1814 г.г.», «Кампанія за Рейномъ», замѣтки, отрывки и отдѣльныя мысли—все это частью на русскомъ, частью на французскомъ языкѣ. Здѣсь же, между прочимъ, кажется, не бывшее въ печати стихотвореніе «В. А. Жуковскому» (Матер., № 31).

⁴⁾ Заграничный паспортъ Давыдова (Матер., № 30, док. № 62).

храбростью, которыми онъ отличился въ дѣлахъ съ непріателемъ въ продолженіе всей кампаніи ¹⁾).

Это пріятное извѣстіе должно было порадовать его, и онъ могъ вполне отдаться развлеченіямъ свѣтской жизни. Между прочимъ, живя въ Москвѣ, бывалъ онъ въ подмосковномъ селѣ Кунцевѣ, гдѣ въ то время жилъ директоръ Императорскихъ театровъ, Апол. Александр. Майковъ, умѣвшій весело и шумно пожить въ кругу друзей и многочисленныхъ знакомыхъ. На спектакляхъ, устраивавшихся Майковымъ, въ числѣ представителей лучшаго московскаго общества, бывалъ и Денисъ Васильевичъ, имѣвшій случай здѣсь познакомиться съ танцовщицей, а затѣмъ водевильной и оперной актрисой А. И. Ивановой, замѣчательной красавицей того времени. Она вскружила голову и Давыдову. Ей посвятилъ онъ два стихотворенія, изъ коихъ одно начиналось словами:

О, милый другъ, оставь угадывать другахъ
Предметъ, сомнительный для нихъ,
Тѣхъ пѣсней пламенныхъ, въ которыхъ, восхищенный,
Я прославлялъ любовь, любовью распаленный!..

Другое („Элегія“) начиналось такъ:

Пусть бога-мстителя могучая рука
На темя острыхъ скалъ, надъ бѣчными свѣгами
За ребра прикуетъ чугунными цѣпями
Того, кто изобрѣлъ ревниваго замка
Закрѣпы звучные и тяжкими вратами
За хладными стѣнами
Красавицъ заточилъ въ презрѣнія къ богамъ!..

Можно полагать, что ею же вдохновлено было и третье стихотвореніе:

Возьмите мечъ—я не достоинъ брани!.. ²⁾

Тѣмъ не менѣе впечатлѣнія войны не угасли въ душѣ поэта-партизана, который часто переживалъ лихіе гусарскіе набѣги, доставлявшіе

¹⁾ Увѣдомленіе Управлявшаго военнымъ министерствомъ кн. Горчакова 31 мая 1813 г., № 3.386, изъ Петербурга (Матер., № 1, док. № 17).

²⁾ Последнее стихотвореніе, первоначально напечатанное въ № 5 «Амфіона» за 1815 г., мѣстами нѣсколько разнится своимъ печатнымъ текстомъ (Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 33—35) съ рукописью автора, бывшею въ нашемъ распоряженіи (Матер., № 65).

ему столько неподдѣльнаго удовольствія и создавшіе ему славу. Къ этому періоду его поэтическаго творчества относится еще одна, весьма характерная для Дениса Давыдова „Пѣсня“:

Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарскій,
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!..

Веселое, жизнерадостное настроеніе беззаботнаго гусара неожиданно было прервано весьма непріятнымъ для него обстоятельствомъ: въ концѣ 1814 года въ приказѣ по арміи было объявлено, что онъ получилъ чинъ генерала-маіора „по ошибкѣ“, вслѣдствіе чего онъ снова переименовывается въ полковники... Легко себѣ представить, какъ принялъ эту вѣсть Давыдовъ, еще ранѣе того не разъ обойденный наградами.

За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, затрудняемся сказать, что принялъ онъ тотчасъ по полученіи грустнаго извѣстія. По нѣкоторымъ даннымъ, можно предполагать, что Денисъ Васильевичъ „поспѣшилъ изъ отпуска къ мѣсту своей службы въ Ахтырскій полкъ“¹⁾ и произошло это, вѣроятно, не позже конца 1814 г., т. к. въ это время кончался его 6-ти мѣсячный отпускъ. Судя же по его формулярному списку, „потомъ“ (?) онъ былъ въ отпуску (вторично или продолженъ первый отпускъ?) „по 1 марта 1815 г., въ коемъ находился по 1 декабря того же года“. Это официальное свѣдѣніе противорѣчитъ письмамъ самого Давыдова, который 1 іюня 1815 г. изъ Варшавы писалъ другу своему А. А. Закревскому:²⁾ „я ѣхалъ, скакалъ, спѣшилъ къ своему мѣсту, то есть въ Ахтырскій полкъ, но проѣзжая чрезъ Варшаву, остановленъ Великимъ Княземъ (Константиномъ Павловичемъ), подъ предлогомъ, что онъ имѣетъ повелѣніе останавливать всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ, ѣдущихъ изъ отпусковъ въ армію...“ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ друга выхлопотать „ордеръ“ вытащить его изъ Варшавы³⁾.

¹⁾ Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ ред. С. А. Панчулидзева, т. III, стр. 36.

²⁾ Около этого времени Арсен. Андр. Закревскій (1783+1865) былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Е. И. В.; впоследствии былъ генер.-губернаторомъ въ Финляндіи, министромъ внутр. дѣлъ и, наконецъ, московскимъ генер.-губернаторомъ.

³⁾ Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. 73, 1890 г., стр. 509.

Такимъ образомъ, выходитъ, что, находясь въ отпуску, онъ былъ лишенъ свободы, проживалъ послѣднія деньги въ Варшавѣ, вмѣсто того, чтобы командовать полкомъ въ передовомъ корпусѣ, и возмущался тѣмъ, что ни отъ кого не имѣеть отвѣта, „а кажется многого не прошу“—писалъ онъ Закревскому—„право, не чужой, а свой лобъ хочу подставить и, право, не прошу и не буду просить за это награжденія“...

Однако, усердныя просьбы бѣднаго плѣнника не только къ Закревскому, но и къ другимъ лицамъ—фельдмаршалу Барклаю де Толли, князю П. М. Волконскому, Дибичу и Ермолову остались безъ результата. 1 сентября 1815 г. онъ писалъ Закревскому, что съ горя удалился въ деревню, гдѣ теперь живетъ въ покоѣ и уединенно, занимаясь писаніемъ того, что видѣлъ въ теченіе 1812—1814 годовъ и „уже кончилъ первую часть, т.-е. до занятія Москвы“.¹⁾

Но уже черезъ недѣлю, изъ Варшавы, онъ снова пишетъ своему другу, сожалѣя, что тотъ не можетъ его вытащить „изъ этого проклятаго омутѣ“, и прибавляетъ: „вотъ ровно годъ, что я сверхъ особыхъ притѣсненій, не знаю, что я: полковникъ ли или генералъ? Пора рѣшить меня или уже вовсе вытолкнуть изъ службы“...²⁾ Доведенный до отчаянія такимъ тяжелымъ положеніемъ, Давыдовъ рѣшилъ, наконецъ, написать Государю письмо, которое вмѣстѣ съ своимъ письмомъ послать Закревскому, умоляя его доставить письмо по назначенію и быть ходатаемъ по этому дѣлу. Наконецъ, 21 сентября онъ извѣщалъ друга своего, что хлопочетъ объ отсрочкѣ отпуска, и если просьбы о томъ останутся втуне, то подастъ рапортъ о болѣзни и до тѣхъ поръ будетъ дома, пока не получитъ должнаго, т.-е. чина и ордена св. Георгія 3 кл., къ которымъ, по его словамъ, онъ былъ представленъ.

Письмо, съ которымъ Денисъ Васильевичъ обратился къ Государю, полно было самыхъ горячихъ словъ, вылившихся изъ глубины души человѣка, несправедливо обиженнаго³⁾. „Я смѣлъ думать“, писалъ онъ, „что Ваша воля, объявленная военными властями, непреложна, и не по-

¹⁾ Тамъ же, стр. 511.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Письмо это, на французскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, напечатано въ сочиненіяхъ Д. В. Давыдова, изд. 1893 г., т. III, стр. 229—230.

колебался надѣть на себя знаки моего новаго достоинства; какъ вдругъ, по произволу, котораго я до сихъ поръ не понимаю, я былъ лишенъ почестей, которыми Ваше Величество почтили самаго усерднаго изъ вашихъ солдатъ. Соболаговолите, Государь, только на одну минуту быть моимъ судьбою и удостойте вспомнить, что я вовсе не ходатайствовалъ о награжденіи моихъ слабыхъ заслугъ, но, получивши награду, осмѣливаюсь просить Васъ оставить ее за мною, тѣмъ болѣе, что Ваше Величество могли неоднократно убѣдиться, что во мнѣ живетъ одно достоинство солдата, взаимнѣе выспихъ талантовъ,—безпредѣльная преданность и пламенная любовь къ славѣ Вашего оружія—чувства, которыя никогда не выходили изъ моего сердца и которыя я такъ часто поддерживалъ дѣяніями, если не славными, то всегда достойными“...

Это письмо, переданное Закревскимъ Государю, наконецъ, рѣшило судьбу Давыдова. Дѣло было разобрано и оказалось, что онъ былъ лишенъ чина потому, что его смѣшали съ его двоюроднымъ братомъ, Алекс. Льв. Давыдовымъ, производства котораго не желалъ Государь; въ дѣйствующей арміи находились въ то время шесть Давыдовыхъ, командовавшихъ отдѣльными частями, что еще болѣе способствовало досадному недоразумѣнію. Оно теперь выяснилось—и 21 декабря 1815 года Денисъ Васильевичъ снова былъ произведенъ въ генераль-маіоры¹⁾.

Вмѣстѣ съ производствомъ, онъ былъ назначенъ состоять при начальникѣ 1-й драгунской дивизіи, но, прослуживъ все время въ легкой кавалеріи, жаловался Закревскому, что его назначили въ „это пресмыкающее войско“. Тогда его назначили состоять при начальникѣ 2-й конноегерской дивизіи (14 марта 1816 г.), стоявшей въ Орловской губерніи, недалеко отъ его родового имѣнія Денисовки,²⁾ но природный гусаръ

¹⁾ Его сынъ, Вас. Ден. Давыдовъ, въ статьѣ, посвященной памяти отца («Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, партизанъ и поэтъ». Рус. Стар. 1872 г., т. IV), по этому поводу говоритъ: «Отцу моему дали старшинство со дня сраженія»; однако, формулярнымъ спискомъ это не вполне подтверждается и во всякомъ случаѣ встрѣчаемъ здѣсь противорѣчіе, ибо въ графѣ объ участіи въ сраженіяхъ сказано: «(находился въ сраженіяхъ) при Ларотьерѣ (17 января 1814 г.), и за отличіе награжденъ чиномъ генераль-маіора», въ графѣ же о производствѣ въ чины сказано: «За отличіе въ сраженіи при Ларотьерѣ генераль-маіоромъ 1815 г. Декабря 21»...

²⁾ По словамъ его родного внука, Дениса Вадим. Давыдова, Денисовка была единственнымъ родовымъ имѣніемъ партизана (въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловск. губ.), съ 124 душами крестьянъ, занесенныхъ въ его формулярный списокъ. Въ настоящее время Денисовка принадлежитъ Денису Вадимовичу Давыдову.

отказался отъ этой бригады, въ виду того, что съ принятіемъ ея пришлось бы сбрить усы, которые въ то время носила только легкая кавалерія; онъ ни за что не желалъ разстаться съ „красой природы, чернобурой, въ завиткахъ“¹⁾.

Объ этомъ обстоятельстве узнать даже Государь, и Давыдовъ, вѣроятно, при содѣйствіи того-же Закревскаго, въ маѣ 1816 г. назначенъ былъ состоять при начальникѣ 2-й гусарской дивизіи, а въ ноябрѣ того-же года получилъ 1-ю бригаду этой дивизіи. Впрочемъ, и въ послѣдней должности оставался онъ недолго: въ февралѣ (19-го) 1818 г. его назначили начальникомъ штаба 7-го пѣхотнаго корпуса, а черезъ годъ (22 февр. 1819 г.)—начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса.

Этотъ періодъ службы Дениса Васильевича, преимущественно на югѣ Россіи, въ Кременчугѣ, съ частыми поѣздками въ Кіевъ, Москву и въ другія мѣста, совпалъ съ развитіемъ его военно-литературной и поэтической дѣятельности.

Какъ сказано выше, еще въ 1814 г. въ Парижѣ началъ онъ писать свои записки, впоследствии вылившіяся въ нѣсколько военныхъ сочиненій, изъ коихъ „Дневникъ партизанскихъ дѣйствій“, первоначально названный имъ „Дневникомъ поисковъ“, является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ его трудовъ. Чрезвычайно живо и легко написанный, „Дневникъ“ этотъ даетъ научный матеріалъ для изучающаго исторію войны 1812 года и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное чтеніе даже для не-специалиста по военно-историческимъ вопросамъ. Цѣнность этого труда увеличивается большимъ собраніемъ относящихся къ нему подлинныхъ документовъ, частью напечатанныхъ въ изданіи сочиненій Д. В. Давыдова 1860 г., частью вовсе не ставшихъ еще достояніемъ печати. Кстати замѣтимъ, что многіе изъ числа изданныхъ документовъ напечатаны съ пропусками, измѣненіями, ошибками, а французскіе подлинники—мѣстами въ слишкомъ «вольномъ» переводѣ, о чемъ мы вскользь упомянули выше²⁾.

¹⁾ Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 513—514.

²⁾ Нѣсколько рѣзкихъ сужденій по адресу Д. В. Давыдова, какъ партизана, по поводу его «Дневника», впоследствии высказалъ К. А. Бискупскій въ письмахъ 5 мая и 14 іюня 1849 г. къ нѣкому Андрею Александровичу (фамилія неизвѣстна), напечатанныхъ въ т. 7 «Шукинскаго Сборника», стр. 311—313 и 340. Воздавъ должное всѣмъ достоинствамъ труда

Не ограничиваясь воспоминаніями о своей личной дѣятельности, достаточно охарактеризованной также выше цитированной нами его статьею „Взятіе Дрездена“, Денисъ Васильевичъ, какъ человѣкъ широкаго военнаго взгляда, отлично понимавшій и страстно любившій военное дѣло, къ тому же владѣвшій бойкимъ и живымъ слогомъ, задался намѣреніемъ написать также нѣсколько общихъ сочиненій объ Отечественной войнѣ и заграничномъ походѣ 1813—1814 г.г., въ которыхъ принялъ весьма замѣтное участіе. Въ результатѣ явились его очерки: „Взглядъ на отдѣльныя дѣйствія Генераль-Адъютанта Чернышова во время кампаній 1812, 1813 и 1814 годовъ“¹⁾, отрывки сочиненій о дѣйствіяхъ нашихъ въ 1812 и 1813 годахъ, начатый очеркъ «Кампанія за Рейномъ» и разныя мелочи, оставленныя авторомъ безъ обработки. Нѣкоторые изъ своихъ трудовъ онъ давалъ читать Н. М. Карамзину, какъ это видно изъ письма его А. А. Закревскому въ сентябрѣ 1815 г.²⁾, своему близкому другу, В. А. Жуковскому, а также другимъ лицамъ.

Однако, слѣдуетъ признаться, что не одними этими военными сочиненіями въ періодъ 1816—1818 г.г. былъ занятъ Денисъ Васильевичъ. 32—33-хъ лѣтній поэтъ гусарь, искренній поклонникъ прекраснаго пола, бывая въ Кіевѣ, познакомился съ дочерью генераль-лейтенанта Елизаветой Антоновной Злотницкой, полькой по происхожденію, и влюбился въ нее настолько серьезно, что сдѣлалъ ей предложеніе. Подъ вліяніемъ восторженныхъ чувствъ къ ней, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній. („Отвѣтъ на вызовъ написать стихи“, „О ты, смущенная присутствіемъ моимъ“, „Нѣтъ, полно пробѣгать съ улыбкою любви“, и другія).

Давыдова, Бискупскій не согласился, однако, поставить его, какъ партизана, рядомъ съ Сеславинимъ и Фигнеромъ, которымъ, по его мнѣнію, только и принадлежить названіе русскихъ партизановъ, и на славу которыхъ Ден. Вас., будто бы, покусился въ своемъ «Дневникѣ». Нѣсколько не умаляя выдающихся личныхъ качествъ этихъ дѣйствительно замѣчательныхъ партизановъ, которыхъ высоко ставилъ и самъ Давыдовъ, замѣтимъ, что увлеченіе ими, въ ущербъ послѣднему, выразилось въ слишкомъ преувеличенныхъ похвалахъ Бискупскаго, который прямо писалъ: «не будь Сеславина и Фигнера... не бывать бы намъ въ Парижѣ, не бывать бы Ватерло... послѣдствія обладанія южною Россіею непріателемъ вышли бы совсѣмъ другія для нынѣшнихъ дней Европы, для народовъ и для самихъ царей»...

Ясно, что для уменія значенія Давыдова-партизана, Бискупскому пришлось перейти далеко за предѣлы спокойнаго и безпристрастнаго сужденія.

¹⁾ Начисто переписанная рукопись, формата писчей бумаги, съ широкими полями, около 130 страницъ (Матер., № 22). Не была напечатана.

²⁾ Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 512.

Друзья Дениса Васильевича, съ Закревскимъ во главѣ, знавшіе объ его затруднительномъ матеріальномъ положеніи и о намѣреніи жениться, довели о томъ до свѣдѣнія Государя, который велѣлъ назначить ему ежегодную аренду въ 6 тыс. рублей.

Тѣмъ не менѣе воспѣтая Давыдовымъ Злотницкая не отвѣтила ему столь же глубокими чувствами и предпочла ему князя Петра Алексѣевича Голицына, за котораго впоследствии (въ 1820 г.) вышла замужъ. Разрывъ произошелъ въ 1817 году. Поэтъ ярко, хотя, можетъ быть, и не вполне искренно, выразилъ охватившее его по этому поводу настроеніе въ стихотвореніи, заканчивающемся такими саркастическими строками:

Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ѣмъ, спокойно пью
И посреди собратъ ратной
Вновь славу и вино пою.
Чѣмъ чахнуть отъ любви унылой,
Ахъ, что здоровѣй можетъ быть,
Какъ подписать отставку милой
Или отставку получить!

Полагая, что аренда назначена лишь въ виду предстоявшей свадьбы, Давыдовъ, послѣ размолвки съ невѣстою, считалъ необходимымъ донести о томъ Государю, но аренда все же была оставлена за нимъ ¹⁾.

Занятія его серьезными военно-историческими сочиненіями, служебныя перемѣны и довольно частыя поѣздки съ юга Россіи въ Кіевъ, Москву и Петербургъ нисколько не заглушали его поэтическаго творчества. Напротивъ, его глубокія душевныя переживанія часто, несмотря на неблагоприятную внѣшнюю обстановку, какъ бы еще болѣе вдохновляли его къ поэтическому творчеству. Для Давыдова поэзія

¹⁾ Въ бумагахъ Д. В. Давыдова сохранился черновикъ его письма Императору Александру I (число не обозначено), которому онъ писалъ о разрывѣ съ невѣстою, благодарилъ за оказанныя милости и отказывался отъ права воспользоваться великодушнымъ даромъ Государя (Матер., № 1, док. № 22).

Тамъ же имѣется копія Высочайшаго рескрипта министру финансовъ 12 декабря 1816 г. о пожалованіи генераль-маіору Давыдову 4-му Подольской губерніи Балтскаго повѣта изъ Побережскаго имѣнія вакантнаго фольварка Коритнянскаго, содержащаго въ себѣ селенія Коритну, Пасать и Гольму, на 12 лѣтъ, съ платежомъ въ казну квартовыхъ денегъ по 1.456 р. 22½ к. въ годъ (Матер., № 1, док. № 21).

была естественнымъ отголоскомъ его жизни. Только собственная жизнь, не подмѣненная даже художественностью, давала смыслъ и содержаніе его несложнымъ напѣвамъ ¹⁾. Словомъ, онъ былъ поэтомъ чистой воды, пѣвцомъ непосредственного чувства, одареннымъ святымъ огнемъ поэзіи, безкорыстнымъ ея жрецомъ. Неудивительно поэтому, что всѣ лучшіе представители нашей литературы того времени и многіе выразители культурнаго развитія Россіи считали Давыдова своимъ, близкимъ по духу человекомъ. Карамзинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, Баратынскій, Языковъ, А. Тургеневъ, гр. О. Толстой и другіе представители нашего интеллигентнаго общества были съ нимъ въ дружескихъ или близкихъ отношеніяхъ.

Что же касается оригинальности его поэтическаго таланта, то она была такъ рельефна, что уже въ этотъ періодъ его творчества (1816—1818 гг.) онъ имѣлъ большое значеніе даже въ поэтической юности Пушкина, который съ лицейскихъ лѣтъ до конца жизни чрезвычайно любилъ и уважалъ „Дениса храбреца“. Однажды, на вопросъ одного современника, какимъ путемъ удалось ему уберечься въ своихъ первыхъ опытахъ отъ подражанія Жуковскому и Батюшкову, Пушкинъ отвѣчалъ: „Я этимъ обязанъ Денису Давыдову. Онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ“. Пушкинъ говаривалъ нерѣдко, что въ молодости онъ „старался подражать Давыдову въ крученіи стиха и усвоилъ его манеру навсегда“ ²⁾.

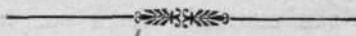
Тѣсному сближенію Дениса Васильевича съ наиболѣе видными представителями нашей литературы много способствовало его участіе въ извѣстномъ литературномъ кружкѣ, носившемъ курьезное названіе „Арзамасъ“. Кружокъ этотъ возникъ въ Петербургѣ вскорѣ послѣ Отечественной войны и послѣдовавшихъ за нею военныхъ событій и направилъ свою дѣятельность противъ старой литературной школы, во главѣ съ знаменитымъ Шишковымъ, и противъ представителей педантства, сторонниковъ рутины, пытавшихся наложить оковы на „крылатое“ слово и стѣснить его опредѣленными рамками. Духъ веселаго задора и шутливой сатиры былъ отличительною чертою молодого общества, руководимаго Н. М. Ка-

¹⁾ Борисъ Садовской. Русская Камена. Статьи. Москва. 1910 г., стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 21.

рамзинымъ, и какъ нельзя болѣе пришелся по душѣ Давыдову, противнику всего шаблоннаго, стѣсняемаго рамками условности, всего жизненно-свободнаго. Здѣсь, въ числѣ „ихъ превосходительствъ геніевъ Арзамаса“, какъ шутливо величали себя члены кружка, онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ и, получивъ, подобно другимъ арзамасцамъ, свое прозвище „Армянинъ“, сохранилъ до конца самую тѣсную связь съ обществомъ, оставившимъ замѣтный слѣдъ въ исторіи развитія нашей литературы ¹⁾.

На ряду съ этимъ, онъ былъ почтенъ вниманіемъ Общества любителей россійской словесности, учрежденнаго при Московскомъ университетѣ: 26 марта 1816 г., оно избрало „генералъ-маіора и кавалера Дениса Васильевича Давыдова“ своимъ дѣйствительнымъ членомъ, уваживъ его „отличное усердіе... къ усовершенствованію Россійскаго языка и труды, подъятыя имъ для пользы отечественной Словесности“ ²⁾. Въ „Трудахъ“ этого Общества, издававшихся съ 1812 по 1828 г., онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ другими лучшими поэтами того времени.

¹⁾ Въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки сохранилась одна изъ рѣчей Давыдова, произнесенная имъ въ «Арзамасѣ» (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 236—238).

²⁾ Подлинный дипломъ Общества, въ художественной виньеткѣ, съ печатью и за подписями его председателя ст. сов. Ант. Прокоповича-Антонскаго и секретаря ordin. профессора Мих. Каченовскаго, хранится въ бумагахъ Д. В. Давыдова (Матер., № 1, док. № 56).

ГЛАВА V.

ТЫСЯЧА восьмсотъ восемнадцатый годъ внесъ крупную перемѣну въ жизнь Давыдова: онъ женился на дочери генераль-маіора Софїи Николаевнѣ Чирковой. Ея мать, рожденная Татищева, долго не соглашалась на этотъ бракъ: удалыя замашки молодого генерала (ему было въ то время около 34 лѣтъ), сохранившаго все особенности гусарской натуры, пѣвца любви, вина и женщинъ, вызывали съ ея стороны серьезныя опасенія. Но эти опасенія были разсѣяны увѣщаніями князя Алекс. Григ. Щербатова, коротко знавшаго Дениса Васильевича и обрисовавшаго его матери въ истинномъ свѣтѣ¹⁾. Состоявшійся бракъ въ значительной степени привлекъ интересы Давыдова къ Москвѣ, гдѣ проживали родные его жены, принесшей въ приданое довольно большое состояніе. Однако, несмотря на новые интересы, выдвинутые семейною жизнью, онъ въ своихъ произведеніяхъ, появившихся въ эти годы, остался тѣмъ же выразителемъ „гусарской“ поэзіи, характернымъ образчикомъ которой можетъ служить одно изъ наиболѣе его извѣстныхъ стихотвореній (1819 г.)—„Пѣсня стараго гусара“:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

¹⁾ Русск Стар., 1872 г., т. IV, стр. 629.

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вокругъ огня
Съ красносизыми носами...

Въ слѣдующихъ строкахъ нарисовавъ яркими чертами хорошо знакомую ему картину гусарскаго пира, онъ съ грустью восклицаетъ:

А теперь что вижу? Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ,
Вальсируютъ на паркетѣ!
Говорятъ, умнѣй они...
Но что слышимъ отъ любови?
«Жо мпнн, да Жо мпнн!»
А объ водкѣ ни полслова ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе коренной гусарь, воспѣвавшій своихъ сѣдыхъ собутельниковъ, въ эту пору все больше отдавался серьезнымъ военнымъ сочиненіямъ, основаніе которымъ положили его «Военныя записки», начатыя въ 1814 г. въ Парижѣ. Въ одномъ изъ писемъ другу своему П. Д. Киселеву ²⁾, 7 августа 1819 г., онъ, между прочимъ, писалъ:

„Ко мнѣ прислали на тысячу рублей книгъ. Я теперь весь зарытъ въ нихъ и предпринялъ курсъ фортификаціи въ Бусмарѣ, государственное хозяйство въ Сеѣ и *politique constitutionnelle* въ Benjamin Constant и Bentham, коихъ у меня полныя сочиненія. Времени много передъ руками; давай учиться тѣмъ свободнѣе, что мѣсто начальника штаба совершенно пустое...“ ³⁾.

Вообще штабная служба вовсе не удовлетворяла его. Около этого же

¹⁾ Баронъ Генрихъ Жомини (1779+1869 г.), генераль-адъютантъ, извѣстный военный ученый и писатель, авторъ «*Traité des grandes opérations*» и другихъ специальныхъ сочиненій. Въ 1813 году принятый на русскую службу Императоромъ Александромъ I, былъ совѣтникомъ Государя и приближеннымъ къ нему лицомъ въ теченіе войны этого года и въ послѣдующее время. На основаніи его проекта, было составлено Положеніе о нашей военной (нынѣ Императорской) академіи, открытой въ 1832 году.

²⁾ Генераль-адъютантъ графъ Павелъ Дмитр. Киселевъ (1788+1872), въ то время былъ начальникомъ штаба 2-й арміи; впослѣдствіи выдѣлился, какъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ дѣятелей въ царствованіи Николая I и Александра II; былъ главнымъ начальникомъ Молдавіи и Валахій, а затѣмъ министромъ государственныхъ имуществъ; много содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ.

³⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 232.

времени (20 сент. 1819 г.), изъ Кременчуга онъ писалъ, между прочимъ, другому своему другу, А. А. Закревскому:

„...Скажи по совѣсти, что я въ существѣ службы моей? Не правитель ли канцеляріи корпуснаго командира?... Какія же бумаги проходятъ чрезъ мои руки? Стоятъ ли онѣ взгляда умнаго человѣка? Требуютъ ли онѣ хоть минуты размышленія? Между тѣмъ я 19 годъ на службѣ и ни минуты не имѣлъ своей! Гдѣ я убилъ и убиваю послѣдніе дни лучшей части жизни моей? Въ непросвѣщенныхъ провинціяхъ, въ степяхъ, въ городкахъ и деревняхъ; еще коли бы я тѣмъ приносилъ пользу отечеству: но какая польза ему, что я подписываю: *„къ свѣдѣнію, справится тамъ-то и предписать и донести о томъ-то?“* Въ сто разъ глупѣе меня человѣкъ не то ли сдѣлаетъ?..“ ¹⁾

Не удивительно, что при такомъ взглядѣ на свою службу, Д. В. Давыдовъ не только не находилъ удовлетворенія въ ней, но и часто уѣзжалъ изъ «непросвѣщенныхъ провинцій и степей» въ просвѣщенные столицы, преимущественно въ Москву, гдѣ находилъ удовлетвореніе своимъ умственнымъ и духовнымъ интересамъ. Какъ значитъ въ его формулярѣ, 12 ноября 1818 г. онъ отправился въ отпускъ на два мѣсяца, но показывался въ отпуску до 1 іюня 1819 г.; 22 декабря того же 1819 года, онъ снова уѣзжаетъ на два мѣсяца и опять показывается въ отпуску до 17 марта 1820 года...

Въ этотъ періодъ жизни Денисъ Васильевичъ не только не удовлетворялся своимъ личнымъ служебнымъ положеніемъ, но и установившимися въ то время въ нашей арміи общими порядками и взглядами. Въ «Воспоминаніяхъ о Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ», впервые напечатанныхъ въ „Запискахъ Д. В. Давыдова“ въ Лондонѣ въ 1863 г. ²⁾, авторъ, характеризуя Цесаревича, какъ военнаго человѣка, попутно рисуетъ картину быта русской арміи послѣ ея славныхъ побѣдъ въ Отечественную войну и побѣдоноснаго шествія до Парижа:

„Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ приемовъ, коими щеголяютъ всѣ

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 519.

²⁾ Записки Дениса Васильевича Давыдова, въ Россіи цензурою непропущенныя. *Memoires inédits de Denis Davydow.* London. Bruxelles. 1863. Изд. кн. Петра Долгорукова, стр. 11—12.

наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служатъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя, незаконныя матеріальныя выгоды, которыя правительство повидимому поощряетъ... И подлинно, относительно равенія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! Каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремесловой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ...“

Таково же было мнѣніе и будущаго фельдмаршала, генерала И. О. Паскевича ¹⁾.

Гусарская пирушка.

Изъ «Сочиненій Дениса Давыдова», 1840 года.

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе, т. I, стр. 103—104.

Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ, нисколько не отрицая полезной стороны военныхъ уставовъ, Давыдовъ возставалъ лишь противъ стѣсненія инициативы частныхъ начальниковъ и противъ оковъ, налагавшихся на даровитыя личности, которыя лишались возможности выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности. Гибельное развитіе подобной системы, шедшей въ разрѣзъ истиннымъ требованіямъ вѣка, по его мнѣнію, грозило Россіи лишеніемъ полезныхъ и способныхъ слугъ.

Богатый боевой опытъ, вынесенный изъ партизанскихъ дѣйствій во время послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ, побудилъ его изложить свой „Опытъ о партизанахъ“¹⁾. Труду этому авторъ вполне справедливо придавалъ серьезное значеніе, тѣмъ болѣе, что до него изслѣдованный имъ вопросъ вовсе не былъ затронутъ въ нашей военной литературѣ. Онъ работалъ надъ „Партизанами“ въ 1816—1818 гг. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, авторъ посылалъ свой „Опытъ о партизанахъ“ на судъ болѣе близкихъ ему лицъ, мнѣніемъ которыхъ особенно дорожилъ²⁾. Благопріятные отзывы всѣхъ читавшихъ это сочиненіе побудили автора представить свой трудъ Государю черезъ военнаго историка Д. П. Бутурлина и князя П. М. Волконскаго. Однако желаніе Давыдова очень долго оставалось не исполненнымъ. Въ началѣ мая 1819 г., онъ писалъ А. А. Закревскому: „Мнѣ Бутурлинъ писалъ, что онъ уже давно отдалъ „Опытъ о партизанахъ“ мой князю П. М. Волконскому и что не имѣетъ о немъ ни слуху, ни духу. Я вторично писалъ и просилъ князя поднести его Государю, но не имѣю отвѣта. Пожалуйста постарайся объ этомъ и увѣдомь, какъ онъ будетъ принять Царемъ“³⁾. Послѣ этого прошло болѣе года—и „Партизаны“ все-таки не были представлены по назначенію...

Такое отношеніе къ Давыдову, какъ военному человѣку съ извѣстнымъ служебнымъ положеніемъ и какъ автору, конечно, было крайне непріятно для его самолюбія, которому къ тому же былъ нанесенъ силь-

¹⁾ Таково было первоначальное названіе его труда, изданнаго въ 1821, а затѣмъ въ 1822 году, подъ названіемъ «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій». Въ изданіи 1860 г. къ этому названію прибавлено: «для русскихъ войскъ».

²⁾ На обложкѣ одного изъ рукописныхъ экземпляровъ «Опыта о партизанахъ», исправленнаго Д. В. Давыдовымъ, имѣется слѣдующая приписка его рукою, неизвѣстно къ кому обращенная: «Поправь эту тетрадь по той которая поправлена Жуковскимъ красными чернилами и отдай послѣднюю мнѣ, а эту оставь у себя—если тебѣ все равно. Д. Давыдовъ» (Матер., № 12).

³⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 515.

ный ударъ письмомъ барона К. Ф. Толя: 29 мая 1819 г. онъ писалъ, что Государь соизволилъ поручить ему (Толю) „сочиненіе правилъ о службѣ на передовыхъ постахъ и вообще во всѣхъ малыхъ отрядахъ“, и по этому поводу просилъ Давыдова, какъ знающаго и опытнаго „по сей части“, снабдить его однимъ экземпляромъ сочиненія партизана, которое не мало облегчитъ его трудъ и поможетъ съ лучшею пользою исполнить возложенное на него Высочайшее порученіе...

Денисъ Васильевичъ очень деликатно отвѣтилъ обѣщаніемъ прислать экземпляръ и не безъ ироніи прибавилъ: „Правда, я написалъ нѣчто объ отрядахъ, гдѣ отстранивъ все то, чему учатся опытомъ, а не на бумагахъ, первый изложилъ стратегическія правила партіямъ и согласилъ дѣйствіе ихъ съ дѣйствіями главной арміи,—вотъ мысль, которую не хотѣлось мнѣ видѣть въ чужомъ сочиненіи“ и потому... просилъ всѣ заимствованныя у него мѣста отмѣчать: *изъ сочиненія партизана Ден. са Давыдова...*

О письмѣ Толя и отвѣтѣ ему Давыдовъ писалъ Закревскому (17 іюня 1819 г.) и послалъ копію своего отвѣта, о которомъ выразился: „Тутъ помазано по губамъ, съ маленькимъ щелчкомъ по носу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ своего друга постараться *исторгнуть* изъ рукъ Волконскаго „Партизановъ“, если послѣдній никакъ не захочетъ подать самъ Государю это сочиненіе ¹⁾. Но дѣло все-таки не подвинулось впередъ.

Въ концѣ 1819 года, какъ сказано выше, Денисъ Васильевичъ былъ уволенъ въ отпускъ на два мѣсяца, а затѣмъ, посоветовавшись съ Закревскимъ, 17 марта 1820 г. взялъ заграничный отпускъ до излѣченія болѣзни, съ состояніемъ по кавалеріи ²⁾. Дождавшись свободы, онъ радовался ей отъ всей души. „Наконецъ, я свободенъ“,—писалъ онъ Закревскому:—„учебный шагъ, ружейные приемы, стойка, размѣръ пуговицъ изгоняются изъ головы моей! Шварцы, Мартыновы, Гурки и Нейдгарты,

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 517—518.

²⁾ Впрочемъ, за границу онъ не ѣздилъ: письма его Закревскому съ 23 марта по 6 іюня 1820 г., какъ видно по отмѣткамъ, писаны изъ Москвы, а 15 ноября того же года онъ писалъ ему-же: «Боюсь, чтобы не разсердился на меня за то, что отпросясь въ отпускъ для излеченія болѣзни за границу, я живу въ Россіи, или объ этомъ не вѣдаютъ». (Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 520—528).

торжествуйте, я не срамлю ваше сословіе! ¹⁾ Слава Богу, я свободенъ! Едва не задохся; теперь я на чистомъ воздухѣ!“

Однако, даже въ эти минуты упоенія свободою онъ былъ полонъ желанія служить серьезно: „...я только въ куклы играть не хочу и не хочу быть куклою, но отъ дѣла я не только не прочь, а изъ кожи готовъ лѣзть. Какъ ты думаешь, трудно мнѣ будетъ войти, или легко войду въ *дѣйствующіе*, когда двинутся впередъ?..“ ²⁾.

Получивъ отъ пріятелей прочитанныя ими и снабженныя замѣчаніями рукописи „Опыта о партизанахъ“, Давыдовъ „совершенно перекроилъ“ его и къ концу 1820 г., несмотря на прежнія неудачи, рѣшилъ поднести его Государю, „чтобы пресѣчь совершенно путь сочиненію Толя“ ³⁾. Нельзя не признать такое желаніе вполне естественнымъ и справедливымъ,—и авторъ энергично принялся за его осуществленіе. Лѣтомъ 1821 г. вышло изъ печати первое изданіе „Опыта“ ⁴⁾, нѣсколько экземпляровъ котораго Давыдовъ снова послалъ на просмотръ своимъ ближайшимъ пріятелямъ и въ томъ числѣ Закревскому, который, однако, отговорилъ автора въ настоящемъ видѣ поднести книгу Государю и пустить ее въ общее обращеніе. Давыдовъ, впрочемъ, и самъ сознался, что „занесся во многихъ мѣстахъ“, и обѣщалъ быть осторожнѣе ⁵⁾. Дѣйствительно, воспользовавшись замѣчаніями лицъ, читавшихъ книгу въ первомъ изданіи, онъ въ слѣдующемъ же, 1822 году выпустилъ ее второе, исправленное изданіе.

¹⁾ Полковникъ Григ. Ефим. Шварцъ командовалъ въ 1820 г. Л.-гв. Семеновскимъ полкомъ. Педантъ по службѣ, узко понимавшій ея требованія, лишенный служебнаго такта формалистъ, онъ проявлялъ въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ неумѣстную строгость и даже жестокость, что вызвало противъ него возмущеніе нижнихъ чиновъ въ ночь на 17 октября 1820 г. Былъ приговоренъ къ смертной казни, но въ виду ранѣ оказанныхъ боевыхъ отличій, былъ лишь отставленъ отъ службы, на которую вскорѣ былъ опять принятъ.

Генералъ-маіоръ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, ген. отъ инф.) Пав. Петр. Мартыновъ (1728+1838 г.) въ 1820 г. командовалъ Л.-гв. Измайловскимъ полкомъ. Его служебныя требованія простирались до того, что однажды (въ 1820-мъ году), вслѣдствіе неудовольствія полкомъ командира бригады, Великаго Князя Николая Павловича, онъ заставилъ всѣхъ офицеровъ полка, даже полковниковъ, маршировать при нижнихъ чинахъ. Случай этотъ едва не былъ причиною выхода Мартынова въ отставку, однако впослѣдствіи онъ былъ комендантомъ Петербурга (Переписка кн. П. М. Волконскаго и И. В. Васильчикова. Русск. Арх. 1875 г. и Русск. Стар. 1871 г.).

Гурко (вѣроятно, Леонтія Осиповича, флигель-адъютанта Императора Александра I) и Алек-ра Иван. Нейдгардта (1784+1845), впослѣдствіи генер.-адъютанта и командира Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Давыдовъ, повидимому, также причислялъ къ числу генераловъ-формалистовъ.

²⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., стр. 520—521.

³⁾ Тамъ же, стр. 522.

⁴⁾ Опытъ теорій партизанскаго дѣйствія. Сочиненіе Дениса Давыдова. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1821 г.

⁵⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 530.

Тѣмъ не менѣе есть основаніе полагать, что Денисъ Васильевичъ измѣнилъ взглядъ на свое первое изданіе „Опыта“ или произошли какія-то особыя обстоятельства, заставившія его возобновить ходатайство о поднесеніи этого изданія „Опыта“ Государю: въ его бумагахъ сохранилось подлинное извѣщеніе Начальника Главнаго Штаба Е. И. В. князя Волконскаго, отъ 9 января 1822 г. о томъ, что Государь Императоръ благодарить его за присланный имъ Его Величеству экземпляръ сочиненія его о Партизанской войнѣ¹⁾.

Въ архивѣ Д. В. Давыдова сохранился чрезвычайно интересный отзывъ объ его „Опытѣ“ Г. Бурцова, который на 24 страницахъ большого почтового формата даетъ обстоятельный разборъ этого труда²⁾. Онъ высказываетъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ своихъ возраженія, дѣлаетъ дополненія, но, въ общемъ, въ восторженныхъ выраженіяхъ отдаетъ должное этому труду.

„Русская военная литература“,—писалъ онъ,—„какъ извѣстно Вамъ, богата только фронтовыми уставами и прибавленіями къ онымъ; слѣдственно, приходится питать наставленія по ремеслу нашему въ сочиненіяхъ чужеземныхъ. Я покорялся сему закону, хотя съ великимъ негодованіемъ: читалъ много и утвердительно могу сказать, что ничего близкаго, похожаго даже на ваше произведеніе, не знаю“...

Въ заключительныхъ строкахъ своего разбора онъ писалъ: „Но я показалъ вамъ точку, съ которой смотрю на *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія*. Это подарокъ Русской Арміи; дань Европейскому воинству; твореніе равно славное и для языка и для народа Русскаго. Это въ другомъ родѣ: *Опытъ теоріи о налогахъ* Тургенева³⁾, конемъ не похвалится

¹⁾ Матер., № 1, док. № 25.

Имѣя въ виду, что это извѣщеніе помѣчено 9 января 1822 г. и что цензурное разрѣшеніе 2-го изданія помѣчено лишь 5 іюня того же года, слѣдуетъ съ увѣренностью сказать, что Государю было поднесено именно первое изданіе „Опыта теоріи партизанскаго дѣйствія“, 1821 г.

²⁾ Письмо 5 октября 1821 г., изъ Тульчина.

Иванъ Григ. Бурцовъ (†1829 г.), начавъ службу въ 1812 г. прапорщикомъ арміи, въ 1813 г. переведенъ въ Свиту Е. Вел. по квартирмейстерск. части, а въ 1814 г. въ гвардейскій генеральн. штабъ. Впослѣдствіи командовалъ полками Уфимскимъ пѣх. (съ 1824 г.), Мингрельскимъ (съ 1827 г.) и Херсонскимъ грен. (1829 г.). Въ 1829 г. смертельно раненъ у д. Хартъ, на Кавказѣ, въ сраженіи противъ турокъ. 23 сент. 1829 г. Д. В. Давыдовъ писалъ о немъ За-кровскому: „Это былъ необыкновенныхъ дарованій и учености офицеръ“... (Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 558).

³⁾ Ник. Иван. Тургеневъ (1789—1871), извѣстный публицистъ, ярый противникъ крѣпостнаго права, доказывавшій необходимость его отмены въ особой запискѣ, поданной Императору Александру I въ 1819 г. Дѣятельный участникъ „Союза Благонствія“.

ни одна чужестранная литература. Тому воздавать будутъ хвалы политики, доколѣ не обрушатся столпы государственныхъ зданій,—этому будутъ возносить благодарность войны, пока люди не перестанутъ точить штыки и отпускать сабли для гибели нарушителей покоя!

„Вотъ, Милостивый Государь, мнѣніе о твореніи вашемъ соотечественника, въ коемъ бьется сердце для славы, для блага Россіи!..“¹⁾

Объ этой книгѣ П. Д. Киселевъ писалъ А. А. Закревскому: „Если увидишь Дениса (Давыдова), то скажи, что... прочелъ полезнѣйшую его книгу и буду отвѣчать съ доставленіемъ обширнѣйшей рецензіи“²⁾.

Пушкинъ также былъ въ числѣ тѣхъ, кто съ истиннымъ удовольствіемъ читалъ „Опытъ“, появленіе котораго привѣтствовалъ стихами:

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наѣздки читалъ,
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога.....

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горевалъ о томъ, что Давыдовъ, „видно, сталъ въ угоду міра благоразумный человѣкъ“ и

...могъ унизиться до прозы
Вѣнчаннй музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ
И тѣни Бурцова угрозы? ³⁾

И дѣйствительно, одновременно съ подготовкою къ печати „Опыта теоріи партизанскихъ дѣйствій“, Давыдовъ подбиралъ матеріалы для разныхъ статей военно-историческаго содержанія, главнымъ образомъ, о вой-

¹⁾ Не вдаваясь, съ своей стороны, въ разборъ «Опыта теоріи партизанскаго дѣйствія», замѣтимъ только, что несмотря на истекшія болѣе 80 лѣтъ со времени его выхода въ свѣтъ и на значительное измѣненіе съ тѣхъ поръ техническихъ условій войны, все же цѣнныя, добытыя боевымъ опытомъ указанія талантливаго партизана во многомъ могутъ находить примѣненіе и теперь. Въ специальномъ изслѣдованіи В. Н. Клембовскаго «Партизанскія дѣйствія», изданномъ въ 1894 г., не разъ встрѣчаемъ руководящія ссылки на труды Давыдова («Опытъ» и «Дневникъ»), что ясно говоритъ о солидныхъ достоинствахъ сочиненія, авторъ котораго въ свое время, однако, съ большимъ трудомъ удостоился представить его Государю.

²⁾ Сб. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 78, стр. 79.

³⁾ Библиотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. Пушкинъ, т. II, стр. 67.

Въ этомъ стихотвореніи упоминается Бурцовъ, другъ юности и прежній собутыльникъ Давыдова.

нахъ, въ которыхъ участвовалъ, и о лицахъ, которыхъ зналъ по совмѣстной боевой службѣ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 1820 г. онъ выражалъ желаніе „хотя слегка написать“ о кн. Баграціонѣ и о гр. Н. М. Каменскомъ, „которые упадаютъ въ забвеніи отъ лѣтъ нашей, или лучше сказать отъ равнодушія нашего ко всему великому...“

Досуга было у него много, и этимъ досугомъ онъ свободно пользовался для занятій не только серьезною прозою, но и сельскимъ хозяйствомъ. Лѣтомъ 1820 г. купилъ онъ с. Пріютово, въ 70 верстахъ отъ Москвы, „въ мѣстахъ прелестныхъ, съ домомъ, садомъ и со всѣми принадлежностями“. Тамъ рѣшилъ онъ уклонить свою буйную головушку и зажить вполне по-деревенски. Дѣйствительно, какъ писалъ онъ Закревскому въ 1821 г., жизнь его текла такъ: „встаю рано, пишу, роюсь въ огородѣ, скачу по полямъ за зайцами, покоенъ и счастливъ, болѣе нежели ожидалъ когда-нибудь быть столько счастливымъ! Къ этому всему запретилъ даже и газеты присылать сюда; изрѣдка, очень изрѣдка прорываются письма друзей, которые пишутъ болѣе о чувствахъ, нежели о новостяхъ, иногда слышу, что въ нѣсколько верстахъ отъ меня проѣзжаютъ генералъ-адъютанты, ѣдущіе въ Коломну или Рязань... и я благодарю Бога, что въ мирное время Онъ избавилъ меня отъ занятій, которыхъ я не люблю и не понимаю—и спасъ отъ неудовольствій, которыя бы заслужилъ, какъ и другіе, взявшись не за свое дѣло!“¹⁾

Повидимому, Денисъ Васильевичъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ узко-формальныя требованія службы стали душить его; стремленіе же къ болѣе глубокимъ умственнымъ интересамъ и новая семейная обстановка женатаго человѣка внесли свои черты, рѣзко измѣнившія духовный обликъ лихого гусара-партизана. А. Ф. Воейковъ²⁾, одинъ изъ близкихъ друзей Давыдова, отлично охарактеризовалъ его въ стихотвореніи, начинающемся такими словами:

Давыдовъ, витязь и пѣвецъ
Вина, любви и славы!
Я слышу, что твой совѣтъ

¹⁾ Письмо А. А. Закревскому 12 іюня 1821 г. Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 528.

²⁾ Воейковъ, Алекс-ръ Фед. (1773—1839), извѣстный военный литераторъ и ученый, редакторъ «Русскаго Инвалида» (1821—1839 гг.).

Перемѣнились нравы:
Что ты шампанскаго не пьешь,
А пьешь простую воду,
И что на розовую цѣпь
Ты промѣнялъ свободу,
Что нынѣ рѣже скачешь въ клобъ,
Въ шумливыя бесѣды,
И скромные въ семьѣ своей
Тебѣ милѣй обѣды.
Не завиваешь ты уса,
Конь праздный въ стойлѣ тужить,
И сабельная полоса
За зеркало не служить... ¹⁾.

Но, какъ ни заманчивы были прелести патриархальной деревенской жизни, какъ ни былъ счастливъ Давыдовъ въ своей семьѣ, вынужденное бездѣйствіе не могло не тяготить его. Воспользовавшись пребываніемъ на Кавказѣ его двоюроднаго брата, Алексѣя Петровича Ермолова, съ 1816 г. бывшаго командиромъ Отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, Денисъ Васильевичъ обратился къ нему съ просьбою о переводѣ на Кавказскую пограничную линію. Цѣня его военныя дарованія и энергію, Ермоловъ съ удовольствіемъ началъ хлопотать о замѣнѣ Давыдовымъ начальника пограничной линіи, вялаго и нерѣшительнаго генерала Сталя. Однако, эти хлопоты, даже при содѣйствіи Закревскаго и, отчасти, П. М. Волконскаго, не увѣнчались успѣхомъ: Ермолову было отказано. Очевидно, несмотря на нѣкоторыя личныя связи, у Дениса Васильевича были сильныя недоброжелатели и завистники, которые мѣшали исполненію его самаго искренняго желанія: „въ мирное время избѣгнуть гусинаго шага, а въ военное покоя и бездѣйствія“ ²⁾.

¹⁾ Матер., № 66. «Собраніе стиховъ и прозы мнѣ и обо мнѣ писанныхъ» (собственноручно переписанное Д. В. Давыдовымъ).— Сочиненія, изд. 1860 г., ч. 3, стр. 198—200.

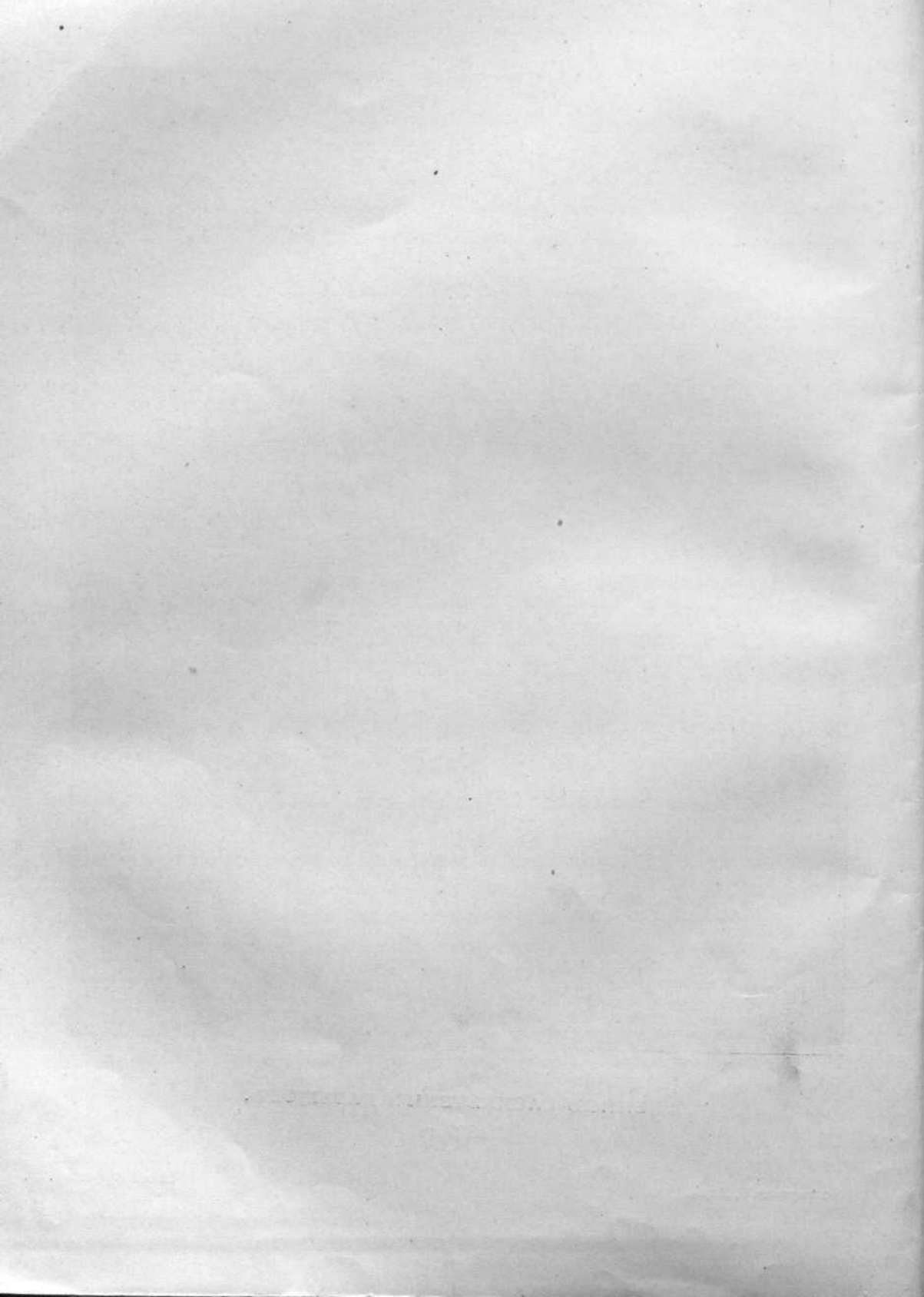
²⁾ Въ 1822 г. дежурный генералъ Главнаго Штаба Е. И. В. извѣстилъ Давыдова, что, съ Высочайшаго соизволенія, предложено художнику Дау написать его портретъ для помѣщенія въ Военной галлерей Зимняго дворца, вмѣстѣ съ портретами другихъ героев Отечественной войны. О томъ же писалъ ему и Дау (извѣстный въ то время англійскій портретистъ, по волѣ Государя специально вызванный для этого въ Россію въ 1819 году). Ему Денисъ Васильевичъ отвѣтилъ, что серьезная болѣзнь лишаетъ его возможности не только прибыть въ Петербургъ, но и совершить менѣе длинное путешествіе, въ виду чего просить разрѣшенія прислать свой наиболѣе схожій портретъ, который геніемъ Дау будетъ исполненъ какъ бы съ оригинала.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.
1822 г.

Съ портрета Г. Дау.

Зимній дворецъ.

Ермоловъ былъ очень огорченъ неудачею, по поводу которой 15 декабря 1822 г. писалъ А. А. Закревскому: „Получилъ отъ Дениса (Давыдова) увѣдомленіе, что вновь еще по просьбѣ моей отказано его сюда назначеніе. Конечно, уже не стану говорить о немъ впередъ, но это не заставитъ меня не примѣчать, что съ нимъ поступаютъ весьма несправедливо. Впечатлѣніе, сдѣланное имъ въ его молодости, не должно простирается и на тотъ возрастъ его, который ощутительнымъ весьма образомъ дѣлаетъ его человѣкомъ полезнымъ. Такимъ образомъ можно лишать службы людей весьма годныхъ и это будетъ или капризъ, или предубѣжденіе. Признаюсь, что это мнѣ досадно, а князь Волконскій даже и не отвѣчаетъ на письмо...“¹⁾.

Самолюбіе Давыдова было задѣто окончательно—и онъ рѣшилъ бросить службу: 14 ноября 1823 года состоялся Высочайшій приказъ объ его отставкѣ²⁾.

Однако и съ выходомъ въ отставку, ему не пришлось бездѣйствовать, такъ какъ онъ отдался хлопотамъ по устройству собственныхъ дѣлъ: купилъ домъ въ Москвѣ, въ Знаменскомъ переулкѣ, въ которомъ жилъ съ семьею по зимамъ, лѣтніе же мѣсяцы проводить сначала въ своемъ подмосковномъ селѣ Пріютовѣ, а потомъ въ с. Мышенкомѣ, которое купилъ въ 1822 г., послѣ продажи перваго за 118 тысячъ³⁾. Отсюда онъ ѣздилъ осматривать взятое за женою въ Симбирской губерніи (Сызранск. у.) имѣніе—Верхнюю Мазу, въ которомъ впоследствии долго жилъ въ послѣдніе годы жизни. Кромѣ того, у него еще было имѣніе въ Бугульминскомъ уѣздѣ Оренбургской губ., въ которомъ было 402 души крестьянъ и винокуренный заводъ⁴⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Давыдовъ просилъ прислать ему размѣры предполагаемаго портрета и эскизъ желаемой позы. Къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній о томъ, былъ ли находящійся нынѣ въ Зимнемъ дворцѣ портретъ партизана исполненъ Дау съ натуры или съ присланнаго ему изображенія, усовершенствованнаго въ копіи знаменитымъ художникомъ. (Матер.: № 1, док. № 24 и № 68, док. № 5).

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 404.

²⁾ Формулярн. списокъ.

По этому поводу Ермоловъ 30 мая 1824 г. писалъ Закревскому: «Денисъ (Давыдовъ) долженъ былъ надѣть фракъ, жаль только, что онъ и охоту служить имѣлъ и способенъ, но что-же оставалось ему дѣлать?» Тамъ же, стр. 432.

³⁾ Тамъ же, стр. 533.

⁴⁾ Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ ред. С. А. Панчулидзева, т. III, стр. 40. Формулярный списокъ Д. В. Давыдова.

Все-же, несмотря на многочисленныя новыя заботы, которыя принесла семейная жизнь, хлопоты съ имѣніями и военно-литературныя занятія, Давыдовъ успѣвалъ внимательно слѣдить и за теченіемъ общественной жизни, которая у насъ въ этотъ періодъ, какъ извѣстно, пріобрѣла совершенно особое направленіе.

Отечественная война вызвала необыкновенный подъемъ духа и замѣчательное пробужденіе общественнаго сознанія. Пребываніе нашей арміи за границей расширило кругозоръ русскихъ людей: они ознакомились съ европейскими порядками, стали ближе къ теченію европейской мысли и почувствовали влеченіе къ политическимъ сужденіямъ. Невольно напрашивались сравненія отечественныхъ порядковъ съ положеніемъ общественнаго строя за границую. Пробудился неудержимый порывъ къ критикѣ, усвоенныя прежде рамки русской жизни становились тѣсными, традиціонныя порядки—устарѣвшими...

Цензура суровыми карами давила выраженіе общественной мысли, вводились военныя поселенія, расцвѣтало крѣпостное право, въ арміи сухой формализмъ извращалъ истинный смыслъ и значеніе военной службы, заставляя бѣжать отъ нея наиболѣе способныхъ и полезныхъ работниковъ. Императоръ Александръ I, въ ту пору уже усталый мученикъ, разочаровавшійся въ прежнихъ политическихъ идеалахъ, сдѣлался поборникомъ стремленій, не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣми мыслями, представителемъ которыхъ онъ являлся въ лучшіе годы своей жизни...

Этотъ переломъ во внутренней жизни Россіи вызвалъ образованіе тайныхъ обществъ, начало которымъ положили масонскія ложи ¹⁾.

Д. В. Давыдовъ, несомнѣнно, отражалъ въ себѣ возрѣнія и чувства лучшей части современнаго ему русскаго общества; но, глубоко честный, прямой по натурѣ и откровенный въ сужденіяхъ, онъ не могъ хотя бы временно измѣнить своимъ строгимъ житейскимъ принципамъ и примкнуть къ какому-либо тайному обществу. По этому поводу онъ горячо выразился въ письмѣ къ Закревскому 13 ноября 1822 г:

¹⁾ Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, т. IV, стр. 215—216.

My dear sister & son-in-law
G. J. Seymour

18202

Ваше

„На-дняхъ получилъ я изъ инспекторскаго департамента форму подписки, что я отказываюсь отъ *братій массоновъ*. А такъ какъ я не былъ, не есть и не буду ни въ массонскихъ, ни въ какихъ другихъ тайныхъ обществахъ и въ томъ могу подписаться кровью, то эта форма для меня неприлична. Прошу прислать другую, или не написать ли мнѣ просто рапортъ? Я о семъ отъ тебя жду разрѣшенія...“ ¹⁾).

Давыдовъ не только зналъ о существованіи тайнаго „Союза благоденствія“, но былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ членовъ этого политическаго союза, какъ, напримѣръ, съ М. О. Орловымъ, А. И. Якубовичемъ, А. А. Бестужевымъ и др., примкнувшими впоследствии къ декабристамъ; его же двоюродный братъ, Василій Львовичъ Давыдовъ, принадлежалъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ членовъ революціоннаго общества, за что Верховнымъ уголовнымъ судомъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной затѣмъ вѣчною ссылкой въ каторжные работы въ Сибирь...

Еще въ 1819 г. Денисъ Васильевичъ въ одномъ изъ писемъ П. Д. Киселеву писалъ по поводу слуховъ о броженіи въ русскомъ обществѣ и арміи: „Двадцать лѣтъ идя одной дорогой, я могу служить проводникомъ по ней, тогда какъ по другой я слѣпецъ, которому нужно будетъ схватиться за поясъ другого, чтобы идти безопасно...“ ²⁾).

Когда же Вас. Льв. Давыдовъ предложилъ ему вступить въ ихъ общество, онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и сказалъ: „Бунтъ, такъ бунтъ русскій; тотъ хоть погуляетъ, да бросить, а нѣмецкій—гулять не гуляетъ, только мучить всѣхъ. Я тебѣ прямо говорю, что пойду его усмирять...“

Столь твердое убѣжденіе заставило друзей Дениса Давыдова оставить его въ покоѣ и даже скрывать свои замыслы, чтобы напрасно не подвергать его ответственности. Этимъ и объясняется, почему событіе 14 декабря 1825 года нисколько не отразилось на его дальнѣйшей службѣ въ наступившее новое царствованіе.

¹⁾ Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., т. 73, стр. 535.

²⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 233.

В. Жерва. Ден. Вас. Давыдовъ.

ГЛАВА VI.

ВСТУПЛЕНИЕ на престолъ Императора Николая I возбудило въ Давыдовѣ прежнее стремленіе къ военной службѣ. „Царь у насъ молодой и молодецъ“,—писалъ онъ А. А. Закревскому:—„авось ли будетъ какая-нибудь *войнишка* и мы поработаемъ вѣрой и правдой...“ Эта мысль заставила его вновь проситься на службу. Кстати освободилось мѣсто начальника штаба гренадерскаго корпуса, о которомъ онъ и просилъ Закревскаго и И. В. Васильчикова хлопотать для него, но, по возможности, безъ перевода въ квартирмейстерскую часть (какъ тогда обыкновенно дѣлалось), чтобы непременно сохранить *усы*, лишиться которыхъ, при служебныхъ переводахъ, онъ ни за что не соглашался и раньше... Не получая до конца марта 1826 г. отвѣта, Давыдовъ просилъ Закревскаго выхлопотать ему мѣсто командующаго 2-ю конно-егерскою дивизіею или хотя бы причислить его къ кавалеріи, чтобы оглядѣться и найти другое мѣсто. Надѣясь, что грянетъ война, онъ напоминалъ, что въ такомъ случаѣ понадобятся люди закаленные въ огнѣ, „а я, слава Богу, закаливался не годъ, а 8 лѣтъ сряду, и кузнецомъ былъ Наполеонъ“...

23 марта 1826 г. состоялся Высочайшій приказъ объ опредѣленіи его на службу, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи.

Въ виду того, что Давыдову не удалось получить ни одного изъ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ хлопоталъ, онъ использовалъ лѣтніе мѣсяцы для устройства своихъ дѣлъ, а затѣмъ пріѣхалъ въ Москву, куда въ концѣ

іюля прибыль молодой Императоръ Николай Павловичъ, съ Дворомъ: въ августъ (22-го) была назначена коронація. Денисъ Васильевичъ желалъ представиться Государю, который въ первыхъ числахъ августа и принялъ его въ своемъ дворцѣ весьма милостиво.

На другой же день генераль Бутурлинъ, а затѣмъ Дибичъ передали ему желаніе Государя послать его въ Грузію, гдѣ въ то время происходили военныя дѣйствія, и спросилъ, согласится ли онъ на такое предложеніе. Не долго думая, онъ принялъ это предложеніе, совпадавшее съ его искреннимъ желаніемъ снова побывать на войнѣ, и лишь защемило сердце при мысли о предстоявшей разлукѣ съ любимою женою, да къ тому же беременною, съ которою онъ въ теченіе восьми лѣтъ ни разу не разставался. Впослѣдствіи онъ признавался себѣ: „все терзало душу мою, и нужна была вся сила разума и всегда увлекавшее меня славолюбіе, чтобы преодолѣть желаніе мое остаться въ кругу семейства...“ ¹⁾.

12 августа Денисъ Васильевичъ представился Государю, который снова оказалъ ему вниманіе и, милостиво обнявъ, пожелалъ ему счастья и успѣховъ. Черезъ три дня, обливаясь горячими слезами и въ то же время проклиная свое честолюбіе, Давыдовъ выѣхалъ изъ Москвы и черезъ Елецъ и Воронежъ прибылъ во Владикавказъ, откуда 30-го августа отправился въ дальнѣйшій путь съ А. С. Грибоѣдовымъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о 1826 годѣ онъ далъ не особенно благопріятный отзывъ о знаменитомъ писателѣ, какъ человѣкѣ, „душевныя свойства котораго не соотвѣтствовали его блистательнымъ умственнымъ способностямъ“; въ особенности ставилъ онъ въ упрекъ Грибоѣдову недостатокъ признательности къ Ермолову, много способствовавшему устройству его блестящей, но столь трагически закончившейся карьеры.

Въ теченіе десятилѣтней боевой и военно-административной дѣятельности на Кавказѣ Ермоловъ достигъ замѣчательныхъ результатовъ, но осенью 1826 г. положеніе нашихъ дѣлъ на персидской границѣ приняло печальный оборотъ, вслѣдствіе вторженія значительныхъ силъ персовъ въ русскіе предѣлы. Ермоловъ могъ противопоставить имъ только 10 ты-

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 186.

сячь, изъ коихъ 3 тысячи, направленные противъ сардаря Эриванскаго и его брата Гассанъ-хана, отдалъ подъ начальство генераль-маіора Давыдова. Первое столкновеніе произошло 20 сентября на эриванской границѣ подъ Амамлами; на слѣдующій день, подъ Мирагами, Денисъ Васильевичъ разбилъ 4-хъ тысячный отрядъ Гассанъ-хана и 23 сентября вступилъ въ предѣлы Персіи близъ урочища Судагендъ ¹⁾. За оказанное отличіе ему было объявлено Высочайшее благоволеніе.

Послѣ этой экспедиціи онъ занимался строеніемъ крѣпости Джелаль-оглу, которую закончилъ около декабря.

Однако боевая работа на Кавказѣ не далась ему легко. Наканунѣ самаго выступленія противъ Гассанъ-хана, онъ заболѣлъ мѣстной лихорадкой и, боясь слечь въ постель, усиленно лѣчился хиною, которую „на конѣ и на бивакахъ ѣлъ какъ хлѣбъ“. Къ болѣзненному состоянію вскорѣ присоединилось и угнетенное душевное состояніе, вызванное несправедливымъ отношеніемъ къ нему начальства: его обходили при слѣдующихъ назначеніяхъ и, главное, лишали, „команды и непріятеля“, что въ особенности оскорбляло его самолюбіе ²⁾.

Вынужденное бездѣйствіе побудило Давыдова обратиться къ Дибичу съ просьбою отбыть въ Россію, чтобы лѣчиться отъ жестокаго ревматизма въ лѣвой ногѣ, которымъ онъ въ то время страдалъ уже пятнадцать лѣтъ ³⁾. Болѣе откровенно писалъ онъ впослѣдствіи (10 августа 1827 г.) А. А. Закревскому ⁴⁾ о томъ, какъ несправедливо поступили съ нимъ по возвращеніи на Кавказъ изъ отпуска, въ которомъ онъ пробылъ съ 25 ноября 1826 г. по 1 апрѣля 1827 г. Не оправившись отъ болѣзни, онъ поспѣшилъ вернуться изъ Москвы въ Грузію, и здѣсь ему было предложено только состоять при Главной квартирѣ, тогда какъ отдѣльный 6-ти тысячный отрядъ былъ порученъ другому генералу (Панкратьеву), не только не имѣвшему за собою боевого прошлаго, но бывшаго тремя годами моложе его по службѣ... „Я увидѣлъ, что меня не хотятъ“, — писалъ онъ

¹⁾ Формул. списокъ.

²⁾ Въ письмѣ къ В. О. Адлербергу (1792+1884 г., впослѣдствіи генераль-адъютанту и министру Двора) онъ объясняетъ это своимъ родствомъ и близостью съ А. П. Ермоловымъ, который, послѣ прибытія въ концѣ 1827 г. Паскевича на Кавказъ, долженъ былъ вскорѣ покинуть свое мѣсто, а затѣмъ и службу (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 162).

³⁾ Матеріалы, № 68.

⁴⁾ Сборн. Импер. Русск. Ист. Общ., т. 73, стр. 549.

другу своему:—„что меня хотятъ спровадить, и просился прочь, это приняли съ восхищеніемъ, отъ немѣня ко мнѣ довѣренности... Я уѣхалъ, но несправедливость сія такъ потрясла всю нравственную систему мою, что я занемогъ и серьезно...“¹⁾).

Совмѣстная служба съ Паскевичемъ пришлась Деннеу Васильевичу совершенно не по душѣ, къ тому же здоровье его все еще не было восстановлено, и потому онъ въ маѣ выѣхалъ изъ Грузіи на Кавказскія минеральныя воды. Здѣсь онъ пользовался Нарзаномъ и своими занимательными разсказами и неподдѣльнымъ остроуміемъ собиралъ и привлекалъ къ себѣ все мѣстное общество²⁾. Однако лѣченіе хотя избавило его отъ убійственной одышки и угрожавшей ему водянки, все же не противъ непріятеля, а относительно къ пріятелямъ...“ Къ всему этому разстроились и его хозяйственныя дѣла, являлись новыя заботы—о дѣ-

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.
Съ портрета Г. Дзу. Зимн. дворецъ.

принесло недостаточно пользы; служба на Кавказѣ въ новыхъ условіяхъ также не обѣщала ему ничего заманчиваго, и онъ рѣшилъ уѣхать оттуда окончательно. „Не повезло! Что дѣлать?“ писалъ онъ въ послѣдствіи по этому поводу А. А. Закревскому³⁾: „я къ этому привыкъ, всѣ 14 кампаній мною прослуженныхъ основаны на неудачахъ,“

¹⁾ Очень интересныя «Воспоминанія о 1826 годѣ» Д. В. оставилъ въ видѣ не оконченной рукописи, впервые напечатанной въ альманахѣ «Русская Бесѣда», 1841 г., т. II (Сочиненія, 1893 г., т. II, стр. 184—199). Нельзя не пожалѣть, что авторъ не закончилъ этихъ «Воспоминаній». Кромѣ нихъ, въ его бумагахъ сохранились также слѣдующія рукописи, касающіяся его участія въ Персидской войнѣ: «Журналъ исходящій по отряду ген.-маіора и кавалера Давыдова, 1826 годъ»—главнымъ образомъ, предписанія подвѣдомственнымъ ему начальникамъ (№ 33), тетрадь приказовъ по его отряду, 1826 г. (№ 34), рапорты ему же, 1826 г., и тутъ же неоконченная рукопись «Споры о границъ русскихъ комисаровъ съ персидскимъ въ августѣ 1823 г.» (№ 35), «Журналъ Персидской войны, 1826 г.», «Военный журналъ Главнаго дѣйствующаго корпуса въ апрѣлѣ по 17 октября 1827 г.» и «Журналъ нападенія персіанъ на мѣст. Сальяны въ июль 1827 г.» (№ 36). Многіе изъ этихъ документовъ представляютъ собою несомнѣнный военно-историческій интересъ. Въ частности, для 20-й артиллерійской бригады должна быть особенно интересна черновая рукопись (безъ подписи): «Краткій обзоръ похода, совершеннаго горною № 4 батареею 20-й полевой арт. бригады съ 1834 г. по 1849 годъ» (№ 37).

²⁾ Сборн. біограф. кавалергардовъ, подъ ред. С. Панчулидзева, т. III, стр. 41.

³⁾ 10 ноября 1827 г. (Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 551).

тахъ, которыхъ къ тому времени у него было пятеро: надо было возвращаться въ Москву ¹⁾.

Получивъ разрѣшеніе оставить армію, Давыдовъ вернулся къ семьѣ, въ которой находилъ отраду и отдыхъ послѣ служебныхъ неудачъ и среди хозяйственныхъ заботъ вслѣдствіе совершеннаго разстройства его дѣлъ во время пребыванія на Кавказѣ; поэтому весьма кстати было продленіе ему ежегодной аренды въ 1500 руб. еще на 12 лѣтъ.

Въ 1827 году здоровье Дениса Васильевича сильно пошатнулось, а въ октябрѣ этого года онъ былъ настолько опасно боленъ „воспаленіемъ въ кишкахъ отъ взволнованія желчи, что уже готовъ былъ на переселеніе изъ здѣшняго міра въ другой, Богу извѣстно лучший или худшій“ ²⁾. По отзыву А. П. Ермолова, въ слѣдующемъ году, Давыдовъ хотя и оживлялъ бесѣды своего тѣснаго родственнаго кружка, но часто болѣлъ и бывалъ уже не такъ веселъ, какъ прежде ³⁾. Москву онъ посѣщалъ лишь изрѣдка, для свиданія съ докторами, и проводилъ почти все время сначала въ подмосковномъ селѣ Мышецкомъ, а затѣмъ въ Верхней Мазѣ (Сызранск. у., Симбирск. губ.). Здѣсь отдавался онъ сельскому хозяйству, любимой охотѣ, наслажденіямъ природою, наконецъ, воспитанію дѣтей, которыя уже начинали подрастать. Въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ поэтъ съ грустью сознавался, что теперь онъ уже—полусолдатъ:

Нѣтъ, братцы, нѣтъ! Полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ
Да щи, да чарка съ запеканкой!... ⁴⁾

Зато въ „Гусарской исповѣди“ вдругъ снова оживляется былой гусарь, хотя и съ просьбою. но „рабъ молодой привычки“ къ разгуль-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что, служа на Кавказѣ, Д. В. находилъ время и возможность сотрудничать въ «Московскомъ Вѣстникѣ» М. П. Погодина, которому присылалъ свои статьи. Погодинъ познакомился съ нимъ въ концѣ 1822 г., въ домѣ Всеволожскихъ, и питалъ къ нему лучшія чувства, воздавая должное его яркому таланту и живой энергичной натурѣ.

(«Жизнь и труды М. П. Погодина», Николая Барсукова, кн. I—IV и VI. СПб., изд. 1888—1892 гг.).

²⁾ Письмо Закревскому 10 нояб. 1827 г. (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 73, стр. 551).

³⁾ Письмо Ермолова Закревскому 10 март. 1828 г. (Тамъ же, стр. 458).

⁴⁾ «Полусолдатъ» (Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 53).

ному шуму пировъ, къ спору и смѣху, къ цыганской пѣснѣ и къ гусарской семьѣ, „гдѣ хлопають еще шампанскаго оттычки...“¹⁾. Но проходить еще годъ-другой—и въ красивомъ элегическомъ стихотвореніи „Бородинское поле“²⁾ поэтъ съ грустью вспоминаетъ „день вѣковѣчной славы, и шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу“...

Мой мечъ изъ рукъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...

И ринуть его въ бой онъ молить великаго Багратіона, Раевского, Ермолова, готовый летѣть за ними и скрыться въ дыму перуновъ...

Но гдѣ вы?... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склоняюсь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника или друга...

„Невольный пахарь“ въ эти годы сельскаго уединенія долженъ былъ переживать не мало горестныхъ минутъ сознанія, что жизнь его складывается не въ тѣ, по его понятіямъ, идеальныя, исключительно военныя, вѣрнѣе—боевыя формы, которыя только и удовлетворяли его. Приходилось мѣряться съ создавшейся обстановкой, искать удовлетворенія среди близкихъ ему лицъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ чтеніи, къ которому онъ всегда чувствовалъ влеченіе. Какъ мы видѣли выше, еще въ 1819 г. онъ приобрѣлъ себѣ на тысячу рублей книгъ; теперь же, когда этому благоприятствовало и свободное время и постепенно приводившіяся въ порядокъ средства, можно было приобретать еще больше книгъ и журналовъ, чтобы внимательно слѣдить за всѣми явленіями общественной жизни.

Въ эти годы сталъ онъ усиленно пополнять свою библіотеку, сохранившуюся въ В. Мазѣ до сихъ поръ. Судя по каталогу, она содержитъ теперь около 1540 названій. Денисъ Васильевичъ собралъ почти весь ея французскій историческій отдѣлъ, а также отдѣлъ военныхъ наукъ. Къ сожалѣнію, въ имѣющемся нынѣ каталогѣ, которымъ мы пользовались, не

¹⁾ «Гусарская исповѣдь», 1826—1827 г.г. (Тамъ же, стр. 55).

²⁾ Стихотворенія 1829 г. (Тамъ же, стр. 58).

значатся ни время приобрѣтенія книгъ, ни годы ихъ изданія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, очевидно, выписывавшихся ихъ первымъ владѣльцемъ. Такъ, напримѣръ, сохранились: „Сынъ Отечества“, изд. Н. Греча, за 1823, 1825—1828 и 1832 гг., журналъ „Литературные Листки“, изд. О. Булгарина, 1824 г., „Московский Вѣстникъ“, изд. М. Погодина, 1829 г., нѣсколько книгъ журн. „Атеней“, 1829 г., и „Телескопа“, 1833 г., и др. ¹⁾

Въ 1830 году страшная холера посѣтила Россію—и этого было достаточно для Давыдова, чтобы бросить свое гнѣздо и приняться за новую работу. Отличительною его чертою, по замѣчанію Н. П. Барсукова, было то, что „гдѣ только являлась опасность Отечеству, то онъ неукоснительно туда являлся. Испытавши годину 1812, онъ явился участникомъ и годину 1830 г.“...²⁾ Дѣйствительно, онъ предложилъ свои услуги въ качествѣ надзирателя одного изъ санитарныхъ участковъ (20-го), на которые была разбита Москва и ея окрестности³⁾. Съ присущею ему энергіею и оригинальностью Денисъ Васильевичъ внесъ такъ много новаго въ дѣло управленія этимъ учрежденіемъ, что московскій генераль-губернаторъ князь Дм. Вл. Голицынъ предложилъ всѣмъ взять его за образецъ.

Для ознакомленія съ образцовымъ холернымъ участкомъ, въ числѣ другихъ, къ Давыдову пріѣхалъ де-Сангленъ, бывший при Императорѣ Александрѣ I начальникомъ военной полиціи и не пользовавшійся популярностью среди военныхъ. Давыдовъ раздѣлялъ общія чувства къ нему, тѣмъ не менѣе принялъ его очень радушно и, послѣ осмотра участка, предложилъ прочесть недавно написанную имъ статью „Замѣчанія на

¹⁾ Судя по каталогу бібліотеки, нынѣ принадлежащей внуку Д. В., Ник. Ник. Давыдову, она дѣлится на 8 отдѣловъ, съ 9 под-отдѣлами. Изъ 1540 названій книгъ во французскомъ историческомъ отдѣлѣ 237, во франц. военномъ—43, русскихъ историческаго и духовнаго содержанія—62, и пр.

²⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, Ник. Барсукова, кн. III, СПб. 1890 г., стр. 209.

³⁾ Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ ред. С. Панчулидзева, т. III, стр. 41.

По этому поводу Н. П. Барсуковъ (кн. III, стр. 209) приводитъ ошибочныя свѣдѣнія о томъ, что Д. В. Давыдовъ былъ надзирателемъ «надъ двадцатью участками въ Московскомъ уѣздѣ», хотя и ссылается на «Холерныя Вѣдомости» Погодина. Это вполнѣ опровергается письмомъ Давыдова къ доктору Маркусу, которому 21 октября 1830 г. Д. В. писалъ, что съ 14-го сего мѣсяца вступилъ въ должность надзирателя 20-го участка, который разсѣкается Петербургскою дорогою и потому болѣе другихъ подверженъ опасности (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 178).

некрологию Н. Н. Раевского“¹⁾. Де-Сангленъ сдѣлалъ автору нѣсколько замѣчаній относительно, яко бы, неумѣстныхъ его либеральныхъ идей; Давыдовъ же изъ разговоровъ гостя, все время переходившихъ на политическія темы, убѣдился, что передъ нимъ шпионъ. Это привело его въ полное негодованіе и заставило обратиться къ своему старому пріятелю, начальнику Московскаго жандармскаго округа, генераль-лейтенанту Вол-

Домъ въ Верхней Мазѣ, въ которомъ жилъ Д. В. Давыдовъ. (Видъ того времени).
Съ фотографіи 1885 г., принадлежащей Н. Н. Давыдову.

кову, съ просьбою выяснить, дѣйствовалъ ли де-Сангленъ по порученію правительства или по собственному почину. Между Волковымъ, княземъ Д. В. Голицыномъ и шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ завязалась переписка, выяснившая, что де-Сангленъ не имѣлъ никакого порученія. Хотя Бенкендорфъ предложилъ Голицыну принять мѣры къ тому, чтобы де-Сангленъ впредь „не смѣлъ тревожить московскихъ жителей та-

¹⁾ Впервые издана была при «Русскомъ Инвалидѣ» 1829 г., а затѣмъ, отдѣльно брошюрою, въ 1832 и 1841 гг.

ковыми посѣщеніями“, тѣмъ не менѣе бывшему начальнику военной полиціи удалось получить аудіенцію у Государя и убѣдить его въ своей правотѣ. Это было не трудно сдѣлать, т.-к., послѣ столкновенія съ Паскевичемъ, Давыдовъ вообще не пользовался при Дворѣ особенно лестной репутаціей и вынужденъ былъ даже вторичнымъ письмомъ къ Волкову отказаться отъ всякаго удовлетворенія ¹⁾).

Не успѣла еще миновать холера, какъ новая невзгода, ее смѣнившая, привлекла къ себѣ вниманіе Дениса Васильевича: вспыхнула Польская война. Недолго размышляя, онъ рѣшилъ принять въ ней участіе и съ просьбою о томъ обратился къ военному министру, графу А. И. Чернышову, котораго зналъ еще со времени Отечественной войны. „Хорошо зная себя“,—писалъ онъ графу:—„я увѣренъ, что полезнѣе буду въ командованіи летучимъ отрядомъ, по чину моему составленнымъ, чѣмъ въ рядахъ, безъ собственныхъ вдохновеній и съ окованнымъ духомъ предпріятій“ ²⁾).

Чернышовъ исполнилъ эту просьбу. Выѣхавъ изъ Москвы около 15 января 1831 г., Давыдовъ направился на Калугу, Смоленскъ, Минскъ, Брестъ-Литовскъ и Сѣдлецъ и 12 марта уже былъ въ м. Шеницы, въ Главной квартирѣ, гдѣ фельдмаршалъ гр. Дибичъ, Толь и другіе приняли его очень хорошо. Черезъ три дня онъ получилъ назначеніе командовать отдѣльнымъ отрядомъ (бывшимъ полковника Анрепа), составленнымъ изъ Финляндскаго драгунскаго и трехъ казачьихъ полковъ: Катасонова № 3, Платова № 9 и Кирѣева № 4 и входившихъ въ составъ корпуса гр. Крейца. Задачею этого летучаго отряда было слѣдить за корпусомъ Дверницкаго, находившагося подъ Замостьемъ, оберегать Крейца отъ внезапнаго нападенія мятежниковъ и препятствовать возбужденію волненія въ краю между Вислою и Бугомъ ³⁾

Въ обширной статьѣ „Воспоминанія о Польской войнѣ 1831 года“ ⁴⁾ Д. В. Давыдовъ въ послѣдствіи далъ очень интересное описаніе этой войны, въ которой ему въ послѣдній разъ пришлось потрудиться на боевомъ поприщѣ.

¹⁾ Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ ред. С. Панчулидзева, т. III, стр. 42.

²⁾ Письмо графу А. И. Чернышову 1 января 1831 г. (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 178).

³⁾ Предписаніе Главнокомандующаго фельдмаршала гр. Дибича генераль-маіору Давыдову 15 марта 1831 г., № 1141, въ м. Шеницы (Тамъ же, стр. 283—284).

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 200—328.

Впервые статья эта была напечатана въ 1863 году, въ заграничномъ изданіи „Записокъ Дениса Васильевича Давыдова“¹⁾, а затѣмъ, въ болѣе полномъ видѣ, въ т. VI „Русской Старины“, 1872 г., съ дополнительными свѣдѣніями сына автора, Василія Денисовича. Съ нѣкоторыми дальнѣйшими дополненіями, сдѣланными по списку, принадлежавшему князю И. О. Паскевичу, „Воспоминанія о Польской войнѣ 1831 года“ были напечатаны въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова“, изд. 1893 г., т. II.

Эта обстоятельная статья начинается краткимъ историческимъ очеркомъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи въ 1815 году и очень мѣткой характеристикой послѣ-наполеоновской эпохи положенія Европы, съ точки зрѣнія военнаго человѣка. Обрисовавъ благопріятныя условія для подготовки возстанія поляками, Давыдовъ даетъ описаніе этого возстанія, при чемъ откровенно осуждаетъ нѣкоторыя дѣйствія Цесаревича Константина Павловича, попутно характеризуя его, какъ представителя формализма и внѣшнихъ, показныхъ требованій, предъявлявшихся къ военной службѣ.

Описаніе военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ Польшѣ, — въ сущности, почти сплошная критика Дибича, о которомъ онъ приводитъ цѣлый рядъ крайне рѣзкихъ сужденій. вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ онъ попутно много вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній о войскахъ и лицахъ, съ которыми ему пришлось дѣйствовать²⁾.

21 марта Денисъ Васильевичъ прибылъ въ Люблинъ, гдѣ явился графу Витту, и 23-го въ Красноставъ, къ своему отряду. Появленіе въ арміи извѣстнаго партизана Отечественной войны, по его словамъ, было встрѣчено въ арміи съ восторгомъ³⁾.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ боевой работы и еще въ пути, 19 марта, съ тревогою въ душѣ писалъ женѣ: „кажется, скоро все кончится; боюсь даже, что мнѣ не удастся подраться — я почти въ этомъ увѣ-

¹⁾ Глава третья, «О польскихъ событіяхъ 1830 года».

²⁾ Кромѣ только что названныхъ «Воспоминаній», очень цѣннымъ матеріаломъ для описанія участія Давыдова въ этой войнѣ и самой войны служатъ его письма къ женѣ 1831 г., до сихъ поръ не бывшія въ печати и лишь отчасти послужившія ему матеріаломъ для «Воспоминаній о Польской войнѣ 1831 года» (Матер., № 69).

³⁾ Нѣкоторыя впечатлѣнія о прибытіи въ дѣйствующую армію онъ сообщилъ женѣ въ письмѣ отъ 1 апрѣля, изъ Высокаго (Матер., № 69, док. № 11).

ренъ“...¹⁾. 31-го марта, изъ Высокаго, онъ снова пишетъ ей же: „Я теперь, другъ мой сердечный, съ отрядомъ моимъ совершенно свободенъ въ дѣйствіи, ищу случая подраться, но врядъ ли найду оный—чортъ знаетъ куда дѣвались поляки, которые были въ той сторонѣ, гдѣ теперь я! Это меня бѣситъ и съ ума сводитъ“...²⁾.

Однако искреннее стремленіе въ бой, судя по письмамъ Давыдова къ женѣ, у него часто смѣнялось столь же искреннимъ стремленіемъ скорѣе вернуться къ ней и къ семьѣ, которую онъ горячо любилъ. Продолжительный походъ безъ увѣренности въ скорой встрѣчѣ съ непріателемъ часто наводилъ на него тоску и даже вызывалъ желаніе конца военнымъ дѣйствіямъ. „Дай Богъ скорѣе конецъ!“—писалъ онъ женѣ 1 апрѣля изъ Высокаго:—„дай Богъ скорѣе быть въ Мышецкомъ или въ Мазѣ возлѣ тебя, моего единственнаго друга! Повторяю какъ тебѣ, такъ и здѣсь всѣмъ, что это моя послѣдняя кампанія—даю тебѣ въ томъ честное слово. Пора на покой: 15-я кампанія не 15-й вальсъ или котильонъ! Пора! пора на печку!..“³⁾.

Въ томъ же письмѣ писалъ онъ о себѣ: „Моя обязанность наблюдать за генераломъ Дверницкимъ, который съ своимъ корпусомъ у крѣп. Замостье, и не пропускать его къ Вислѣ. Я теперь для сего занимаю дистанцію отъ Красностава до Высокаго (верстъ 60)⁴⁾ и дѣлаю на него поиски. Этотъ Дверницкій большой молодецъ: въ теченіе этой кампаніи онъ разбилъ славнаго нашего Гейсмара и взялъ у него 8 пушекъ, потомъ теперешняго моего корпуснаго командира генер. Крейца и взялъ у него 5 пушекъ, потомъ ген. Кавера, у котораго взялъ еще 3 пушки—у меня онъ ни одной не возьметъ, потому что ни одной нѣтъ. Мы хотѣли дать 4, но я отъ нихъ отказался; если Богъ дастъ у него взять, то я не прочь, а съ своими таскаться опасно“...

Однако „таскаться“ Давыдову долго не пришлось: черезъ нѣсколько дней ему удалось отличиться на Волыни.

Отрѣзавъ Дверницкому сообщеніе съ Замостью и вообще съ Царствомъ Польскимъ, 6 апрѣля онъ прибылъ въ Крыловъ и захватилъ тамъ

¹⁾ Тамъ же, док. № 8.

²⁾ Тамъ же, док. № 10.

³⁾ Тамъ же, док. № 11.

⁴⁾ Черезъ Горжковъ, Жолкѣвку и Туробинь (Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г., т. I, стр. 173).

нѣсколько офицеровъ Дверницкаго, студентовъ изъ Лемберга и прокламаціи къ нашимъ войскамъ, составленныя отъ имени Ермолова, который пользовался высокой популярностью какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и въ арміи. Между тѣмъ во Владимірѣ и его окрестностяхъ вспыхнуло возстаніе, возбужденное молодымъ, богатымъ и пылкимъ гр. Стецкимъ. Собравъ банду въ 130 человекъ и вооруживъ ее на собственные средства, этотъ полякъ направился къ Владиміру и, усилившись попутно новыми инсургентами, 6-го же занялъ городъ. Съ приближеніемъ отряда Давыдова, Стецкій бѣжалъ, и защиту города взяла на себя его жена, очень энергичная женщина. Въ тотъ же день Владиміръ былъ взятъ приступомъ ¹⁾.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.
Съ литографіи 1830-хъ годовъ.

По словамъ Давыдова, бой живо кипѣлъ. „Старъ и младъ, шляхта и духовенство, военные и мѣщане, все стрѣляло изъ оконъ, изъ-за заборовъ и оградъ, и подобно лазамъ или лезгинамъ, не просило пощады. Бой продолжался непрерывно въ продолженіи четырехъ часовъ; съ моей стороны были спѣшны 3-й дивизионъ Финляндскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Кологривова, большая часть полка Катасонова, всѣ же прочіе были на конѣ“ ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 189.

²⁾ Въ бумагахъ Д. В. Давыдова (Матер., №№ 43 и 45) есть рапортъ командира Финляндскаго драг. полка полковника Дмитріева (9 апр. 1831 г., № 498) объ отличіяхъ, оказанныхъ офицерами и нижними чинами (о каждомъ отдѣльно) этого полка при взятіи Владиміра. Такіе же рапорты—командировъ Казачьихъ полковъ Кирѣева и Платова.

Въ числѣ плѣнныхъ оказался одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ инсургентовъ, работавшій со Стецкимъ,—полякъ Чернолускій, бывшій депутатъ дворянскаго собранія Волынской губерніи, кавалеръ ордена св. Владиміра 4 степ. По приговору военного суда, учрежденнаго по приказанію Давыдова, Чернолускій былъ разстрѣлянъ и затѣмъ трупъ его повѣшенъ на площади г. Владиміра, съ надписью: „Измѣнникъ клятвы своему Государю“¹⁾.

Какъ средоточіе одного изъ главныхъ мятежническихъ ополченій Волынской губерніи, Владиміръ былъ весьма важнымъ пунктомъ, и потому занятіе его очень много способствовало прекращенію волненій на Волыни. „Я поставилъ здѣсь все верхъ дномъ“, писалъ Давыдовъ, „и отбилъ навсегда охоту бунтовать“.

За взятіе Владиміра Денисъ Васильевичъ былъ представленъ къ ордену св. Георгія 3 степ., о чемъ сообщали ему изъ главной квартиры. Эта вѣсть очень обрадовала его, т. к. онъ мечталъ объ этой высокой боевой наградѣ еще до столкновенія съ поляками, а послѣ того въ письмахъ къ женѣ нѣсколько разъ писалъ объ ожиданіи имъ завѣтнаго ордена. Однако мечтѣ его не удалось осуществиться: ему дали „то чего не^ожелалъ—ленту анненскую, а то, чего желалъ, Георгія 3-го, то ускользнуло“ отъ него²⁾...

Соединясь съ ген.-маіоромъ графомъ А. П. Толстымъ, начальникомъ авангарда корпуса гр. Крейца, Давыдовъ, послѣ взятія Владиміра, преслѣдовалъ и загналъ въ крѣп. Замостье корпусъ начальника штаба польской арміи генер. Хржановскаго, шедшаго на выручку разбитаго Дверницкаго. Но вскорѣ Крейцъ (вѣрнѣе, его начальникъ штаба—Деллингсгаузенъ) отнялъ у него Финляндскій драгунскій полкъ, а затѣмъ еще два казачьихъ. Оставшись съ однимъ только полкомъ Кирѣева, силою чело-вѣкъ въ 300, Давыдовъ вынужденъ былъ просить начальника штаба арміи, графа Толя, дать ему какое-либо иное назначеніе³⁾. Крейца замѣнилъ старый пріятель Дениса Васильевича, ген.-адъют. Ф. В. Риди-

¹⁾ Среди бумагъ Давыдова сохранилось подлинное военно-судное дѣло надъ бунтовщикомъ Чернолускимъ, начатое 17 апрѣля и оконченное 18 апрѣля 1831 года (Матер., № 55).

²⁾ Письмо къ женѣ, 8 сент. 1831 г. (Матер., № 69, док. № 45).

³⁾ Письмо графу Толю, 18 мая 1831 г. (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 179—181).

геръ¹⁾, который назначилъ его, до своего прибытія, начальникомъ всѣхъ войскъ въ Люблинскомъ воеводствѣ, а также поручилъ ему наблюденіе за Вислою отъ Пулавъ до Австрійской границы у Завихвоста и въ районѣ Замостья—вдоль по р. Вепржу²⁾.

Имѣя въ виду прежде всего атаковать ближайшіе отряды поляковъ (корпуса Ромарино и Янковскаго) и развлечь ихъ вниманіе демонстраціями, Ридигеръ, между прочимъ, приказалъ Давыдову, къ тому времени переправившемуся черезъ Вепржъ, съ отрядомъ въ 2400 чел. (4 б-на егерской бригады 10-й пѣх. дивизіи, 5 эскадр. 2-й конно-егерской дивизіи и 4 орудія), выступить въ ночь на 7 іюня къ Будзиску (Лысобоки). Поляки въ то же утро сами начали движеніе. Въ 4 час. утра подойдя къ Будзискому лѣсу, при выходѣ изъ него, Денисъ Васильевичъ наткнулся на значительно болѣе сильный польскій отрядъ Турно и вступилъ съ нимъ въ бой, продолжавшійся въ теченіе трехъ часовъ. Особенно жарка была схватка нашихъ егерей съ польскими. Ридигеръ, слѣдуя за Давыдовымъ, услышалъ канонаду и, чтобы помочь своему авангарду, повернулъ влѣво противъ непріятельскихъ войскъ, оставшихся у Будзиска въ резервѣ, чѣмъ заставилъ поколебаться и главныя силы, сражавшіяся съ авангардомъ Давыдова и наконецъ опрокинутыя послѣднимъ³⁾.

Ридигеръ былъ очень доволенъ достигнутымъ успѣхомъ, предъ всѣмъ корпусомъ благодарилъ начальника своего авангарда, велѣлъ подать шампанское и тутъ же выпилъ за одержанную побѣду⁴⁾. За отличіе въ этомъ сраженіи Давыдовъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты⁵⁾.

Послѣ преслѣдованія непріятельскаго корпуса, бѣжавшаго изъ Краснастава, онъ сначала находился въ Люблинѣ, а затѣмъ, съ 25 іюня до первыхъ чиселъ іюля—въ Краснаставѣ, откуда снова долженъ былъ наблю-

¹⁾ Графъ Фед. Вас. Ридигеръ (1783-1856), боевой генераль, награжденный за отличія въ бояхъ подъ Полоцкомъ въ 1812 г. орденомъ св. Георгія 4 ст. и подъ Лейпцигомъ въ 1813 г.—орденомъ св. Георгія 3 ст. Въ 1831 г. командовалъ 4-мъ резервн. кавалерійскимъ корпусомъ. Въ 1847 г. возведенъ въ графское достоинство. Предъ его авангардомъ армія Гѣргенъ сложила оружіе во время Венгерской войны 1849 г. Впослѣдствіи (1855 г.) назначенъ главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а затѣмъ представителемъ комиссіи для улучшеній по военной части.

²⁾ Письмо къ женѣ, 23 мая 1831 г. (Матер., № 69, док. № 21).

³⁾ Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г., т. I, стр. 307—308.

⁴⁾ Письмо Давыдова къ женѣ, 7 іюня 1831 г. (Матер., № 69, док. № 24).

⁵⁾ 6 октября 1831 года (Формулярн. списокъ).

дать за Замостьемъ. Въ смыслѣ боевыхъ дѣйствій, судя по его письмамъ къ женѣ, это было спокойнымъ временемъ для него, и только 5 іюля изъ Красностава онъ сообщилъ женѣ, что будетъ долго занять довольно важнымъ слѣдствіемъ (въ Люблинѣ), которое возьметъ у него „и много часовъ въ днѣ и много дней въ мѣсяцѣ“¹⁾. Въ чемъ состояло это слѣдствіе—изъ дальнѣйшей переписки не видно. Въ общемъ, и тогда онъ съ своимъ отрядомъ оставался „въ совершенномъ бездѣйствіи и спокойствіи, какъ будто въ серединѣ самой Россіи“²⁾. Положеніе дѣлъ представлялось ему въ такомъ видѣ, что война должна кончиться очень скоро. Впрочемъ, въ такомъ тонѣ успокоенія жены онъ писалъ ей почти все время, иногда подкрѣпляя свои обѣщанія конца войны даже „честнымъ словомъ“...

Когда, съ прибытіемъ подкрѣпленій, силы Ридигера значительно увеличились, во второй половинѣ іюля ему представилась возможность черезъ Вислу вторгнуться въ воеводство Сандомірское. Давыдову съ бригадою конныхъ егерей и казачьимъ полкомъ поручено было при этомъ наблюдать Вислу до устья Вепржа и дѣлать демонстраціи переправы у Пулавъ. Преслѣдуя Хржановскаго отъ Люблина до Голомба, онъ производилъ эти демонстраціи 14, 17 и 25 іюля³⁾. Почти весь августъ, командуя то отдѣльнымъ отрядомъ (3 полка пѣхоты, 15 орудій и нѣсколько эскадроновъ), то всею кавалеріею Ридигера, находился въ безпрестанныхъ маршахъ за Вислою, отъ Радома до Конска, преслѣдуя корпусъ Рожицкаго. 28 августа этотъ польскій генераль, съ большими силами, подошелъ съ цѣлью штурмовать охранявшееся Давыдовымъ мостовое укрѣпленіе при Подгуржи на берегу Вислы, но былъ отбитъ сильнымъ огнемъ. „За отличное мужество и распорядительность“, оказанныя въ этомъ и предыдущихъ дѣлахъ, Денисъ Васильевичъ 21 мая 1832 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2 степ. и за всю Польскую кампанію—знакомъ отличія „За военное достоинство“ (*Virtuti militari*) 2-й стѣпени.

¹⁾ Матер., № 69, док. №№ 30 и 31.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ «Воспоминаніяхъ о Польской войнѣ 1831 года» (Сочиненія, изд. 1893 г., т. II, стр. 324) сказано неврѣно, что одна изъ демонстрацій происходила 19 іюля: въ письмѣ къ женѣ отъ 19 іюля 1831 г. (Матер., № 69, док. № 33) Д. В. Давыдовъ, упоминая объ этомъ дѣлѣ, пишетъ, «что оно было 17-го (т.-е. на др. гой день какъ мнѣ стукнуло 47 лѣтъ)». Демонстрація на Вислѣ 25 іюля происходила подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, вырвавшимъ довольно большое число раненыхъ и убитыхъ въ отрядѣ Давыдова, описавшаго этотъ боевой эпизодъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (стр. 324—325).

Сраженіе 28 августа было послѣднимъ въ жизни Давыдова, добровольно принявшаго участіе въ этой войнѣ. Отъ возвратившихся изъ плѣна нашихъ офицеровъ онъ слышалъ рассказы о томъ, какъ поляки грозили взять и повѣсить „партизана Давыдко“, чтобы отомстить ему за нанесенныя имъ пораженія. И въ прокламаціяхъ, и въ польскихъ газетахъ и въ устныхъ разсказахъ они старались распространять о немъ всякія небылицы: что у него „отстрѣлили“ ногу, что онъ убитъ, его отрядъ разбитъ, всѣхъ онъ вѣшаетъ, вездѣ грабитъ и пр.

Когда окончилась Польская война, Денисъ Васильевичъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидавшій свиданія съ женою и дѣтьми, во второй половинѣ октября, наконецъ, могъ выѣхать изъ Люблина въ Москву. Здѣсь засталъ онъ всѣхъ здоровыми и счастливыми и съ радостью снова отдался утѣхамъ семейной жизни. „У насъ балы слѣдуютъ за балами“,—писалъ онъ 13 ноября 1831 г. А. А. Закревскому ¹⁾:—„концерты и всѣ шумныя удовольствія не прерываются. Я гляжу на нихъ издали, ибо мой домашній спектакль, жена и дѣти, отвлекаютъ меня совершенно отъ публичныхъ спектаклей“...

Императоръ Николай Павловичъ, посѣтившій въ концѣ осени Москву, удостоилъ пріемомъ Дениса Васильевича и оказалъ ему милостивое вниманіе.

Давыдовъ всѣмъ былъ доволенъ и счастливъ,—только мысль о все еще не полученномъ Георгіи 3 степени, на который онъ до конца года продолжалъ надѣяться, не покидала его. „Ты уже знаешь“,—откровенно писалъ онъ другу своему Закревскому,—„что я получилъ Анненскую ленту и чинъ, а, сверхъ того, представленъ къ Владиміру 2-й степени; къ несчастью, все-таки Георгія 3-го нѣтъ какъ нѣтъ!—крестъ, за который бы я отдалъ и двѣ звѣзды и руку или ногу и къ которому я былъ представленъ, но покойный фельдмаршалъ перемѣнилъ и вмѣсто онаго представилъ къ лентѣ. Впрочемъ, всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“...

¹⁾ Сборн. Импер. Русск. Ист. Общ., т. 73, стр. 562.

В. Жерве. Ден. Вас. Давыдовъ.

ГЛАВА VII.

Съ окончаніемъ Польской войны, завершилась и дѣйствительная военная служба Дениса Васильевича Давыдова. Правда, онъ не вышелъ въ отставку, но, продолжая состоять по кавалеріи, носилъ лишь военный мундиръ. Вся его дѣятельность, всѣ его интересы и заботы съ этихъ поръ окончательно сосредоточиваются на семьѣ, на домашнихъ дѣлахъ, на военно-историческихъ трудахъ, и, лишь отчасти, сравнительно рѣдко, отдается онъ поэтическому творчеству. Чтеніе, дѣятельная переписка съ друзьями и охота, которую онъ страстно любилъ до конца жизни,—вотъ что, въ видѣ отдыха, наполняло его досуги тихой деревенской жизни въ своей Мазѣ. Отсюда только изрѣдка выѣзжалъ онъ въ Москву, Петербургъ, Симбирскъ, Владиміръ и Пензу по дѣламъ или навѣстить знакомыхъ.

Еще во время пребыванія на театрѣ войны съ Польшею задумалъ онъ описать эту войну и тамъ же началъ собирать нѣкоторые матеріалы для своей будущей работы ¹⁾.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, онъ обратился къ состоявшему для особыхъ порученій при графѣ И. О. Гиттѣ майору Сіянову съ просьбою собирать газету (название не указано), съ начала революціи въ Варшавѣ, и портреты знаменитыхъ мятежниковъ. Повидимому, эта просьба была исполнена лишь отчасти, ибо, какъ отвѣчалъ Д. В. Давыдову Сіяновъ, всѣ вообще газеты и портреты были конфискованы и купить ихъ ни за какія деньги было нельзя. Съ помощью какого-то владѣльца типографіи, къ 1 декабря 1831 г. Сіянову все-таки удалось достать газету за шесть мѣсяцевъ, и онъ обѣщалъ ее купить и за остальное полугодіе за 12 червонцевъ (Матер., № 56).

Главнымъ матеріаломъ для задуманнаго труда Давыдова, кромѣ его писемъ къ женѣ за 1831 годъ, живо рисующихъ тогдашнее положеніе Польши, а также самого автора писемъ, какъ человѣка, семьянина и христіанина, послужила обширная официальная переписка, сохранившаяся до сихъ поръ въ его архивѣ: здѣсь имѣются рапорты ему разныхъ чиновъ, приказы, распоряженія, предписанія и пр. ему отъ генер.-адъют. Ридигера, барона Крейца, изъ главнаго штаба дѣйствующей арміи и разныхъ лицъ; реляціи, диспозиціи, журналы его входящихъ и исходящихъ бумагъ, его приказы по отряду и другіе официальные документы, характеризующіе обстановку, въ которой дѣйствовалъ Денисъ Васильевичъ во время Польской войны. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ, имѣя общій военно-историческій интересъ, заслуживаютъ быть напечатанными въ качествѣ матеріала для описанія Польской войны ¹⁾.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Д. В. Давыдовымъ были написаны упомянутыя выше „Воспоминанія о Польской войнѣ 1831 года“. Напечатаніе ихъ въ „Русской Старинѣ“ 1872 г. (№№ 7 и 10) вызвало возраженіе К. В. Чевкина ²⁾, напечатанное въ томъ же журналѣ въ 1884 г. (№ 1). Тѣсно связанный личными отношеніями съ Дибичемъ и Паскевичемъ, Чевкинъ называетъ „Воспоминанія“ Давыдова памфлетомъ, исполненнымъ самохвальства, неправды и желчи, вредящимъ его доброй славѣ. Противъ подобнаго отзыва въ томъ же журналѣ („Рус. Стар.“, 1884 г., кн. 7, стр. 129) возсталъ И. Н. Божеряновъ, совѣтующій относиться съ крайнею осторожностью къ характеристикѣ Чевкина, питавшаго сыновнія чувства къ памяти Дибича ³⁾.

¹⁾ Въ описи архива Д. В. Давыдова всѣ эти матеріалы значатся подъ №№ 39—56. Среди нихъ вниманія полковыхъ историковъ заслуживаютъ №№ 43 и 45, въ которыхъ находятся подлинныя донесенія состоявшихъ въ отрядѣ ген. Давыдова командировъ полковъ: Финляндскаго драгунскаго и казачьихъ Донскаго № 4 и подполковника Платова 2-го. Кромѣ нихъ, есть также объемистое рукописное «Описаніе похода Россійскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ридигера противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 г.», неизвѣстнаго автора, въ двухъ частяхъ. Къ нему же приложены особое описаніе нѣсколькихъ сраженій и атласъ прекрасно вычерченныхъ отъ руки и иллюминированныхъ плановъ этихъ сраженій.

²⁾ Конст. Влад. Чевкинъ (1803—1875 г.), генер.-адъют., много лѣтъ своей службы, въ модныхъ чинахъ, состоялъ при фельдм. Дибичѣ, который оказывалъ ему большое покровительство и затѣмъ при фельдм. Паскевичѣ. Благодаря способностямъ и большому трудолюбію, выдвинулся высоко въ царствованіе Императора Александра II и былъ министромъ путей сообщенія.

³⁾ Недоброжелательное чувство Давыдова къ Дибичу можно, отчасти, объяснить влияніемъ, которое послѣдній оказалъ на судьбу Ермолова: Алексѣй Петровичъ долженъ былъ покинуть Кавказъ послѣ пріѣзда туда, по Высочайшему повелѣнію, Дибича въ 1827 г. Ермоловъ же, въ свою очередь, былъ особенно любимъ и почитаемъ Давыдовымъ.

Во всякомъ случаѣ, названныя „Воспоминанія“ Давыдова составляютъ одно изъ самыхъ живыхъ повѣствованій о Польской войнѣ, и хотя они едва ли имѣютъ серьезную научную цѣнность, все же являются полезнымъ историческимъ матеріаломъ при изученіи этой войны.

Къ этому же времени относится первое изданіе его стихотвореній, которыя, въ видѣ небольшой книжки, подъ заглавіемъ „Стихотворенія Дениса Давыдова“, вышли въ Москвѣ въ 1832 году. Всего напечатано было 39 стихотвореній (въ изд. сочиненій 1893 г.—ихъ 82). Судя по отмѣткамъ, въ послѣдній періодъ жизни автора къ нимъ прибавилось еще около 25 стихотвореній, изъ коихъ нѣсколько были посвящены дочери пензенскаго помѣщика Евгеніи Дмитріевнѣ Золотаревой, плѣнившей сердце уже не молодого годами, но юнаго чувствами поэта ¹⁾.

По словамъ одного изъ его біографовъ, „молодая дѣвушка, выдающаяся ума и образованія, красавица, понравилась поэту и онъ вспыхнулъ тѣмъ жаромъ, которымъ горятъ только въ его лѣта, забывая, что онъ женатъ и что у него шестеро дѣтей“. Между ними завязалась переписка, сначала робкая, боязливая, въ особенности со стороны Е. Д. Золотаревой, но потомъ она развивалась все сильнѣе. Вещественнымъ слѣдомъ этой переписки были 57 французскихъ писемъ Дениса Васильевича, перешедшихъ въ послѣдствіи во владѣніе сына Евгеніи Дмитріевны, Анатолія Васильевича Мацнева, умершаго лѣтъ десять тому назадъ, въ Орлѣ. Судя по этимъ письмамъ, Давыдовъ питалъ дѣйствительно серьезную любовь къ дѣвушкѣ, замужество которой съ В. Мацневымъ и прекратило переписку, что сильно огорчило ея пламеннаго обожателя. „Все кончено для меня“,—писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ:—„нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго! мнѣ осталось только прошлое и все оно заключается въ этихъ письмахъ, которыя я вамъ писалъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ счастья“...

Какъ бы то ни было, это повышенное настроеніе чувствъ поэта въ теченіе 1832—1834 г.г. вдохновляло не разъ его музу: теперь его творчество достигло полнаго развитія и красоты въ такихъ звучныхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ предмету поклоненія, какъ, на примѣръ, слѣдующее:

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. I, стр. 77.

Я васъ люблю такъ, какъ любить васъ должно:
Наперекоръ судьбы и сплетней городскихъ,
Наперекоръ, быть можетъ, васъ самихъ,
Томящихъ жизнь мою жестоко и безбожно.
Я васъ люблю не оттого, что вы
Прекрасный всѣхъ, что станъ вашъ нѣгой дышетъ,
Уста роскошествуютъ и взоръ Востокомъ пышетъ,
Что вы—поэзія отъ ногъ до головы!
Я васъ люблю безъ страха, опасенія
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,—
Я могъ бы васъ любить глухимъ, лишеннымъ зрѣнія...
Я васъ люблю затѣмъ, что это—вы!..

Въ другомъ стихотвореніи онъ изливаетъ чувства своей измученной души; оно кончается такими словами:

А я?.. Я жалуюсь безжалостной судьбѣ,
Я плачу, какъ дитя, прикинувъ къ изголовью,
Мечусь по ложу сна, измученный любовью,
И мыслю о тебѣ... и объ одной тебѣ!

Въ третьемъ стихотвореніи („О, кто, скажи ты мнѣ, кто ты, владычица моей мечты?“) поэтъ характеризуетъ свои чувства слѣдующими яркими строками:

Ты смяла на главѣ вѣнокъ мой боевой,
Ты изъ души моей изгнала жажду славы
И грезы гордыя, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбилъ войну,—
Я въ мысляхъ, я въ душѣ храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Какъ свѣтъ для зрѣнія, какъ воздухъ для дыханья... ¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ автобіографическое значеніе этихъ и другихъ позднѣйшихъ стихотвореній Давыдова, замѣтимъ, что среди нихъ были и

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Д. В. Давыдова къ Е. Д. Золотаревой и ихъ перепискѣ помѣщены въ статьѣ А. А. Осипова «Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. 1784—1839 гг.», помѣщенной въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1890 г. Посвященные Золотаревой стихотворенія влюбленнаго поэта напечатаны въ его Сочиненіяхъ, изд. 1893 г., т. I, но сравнивая ихъ съ оригиналами, писанными рукою автора и имъ самимъ исправленными, видимъ, мѣстами, разницу въ редакціяхъ печатной и рукописной (Матер., № 65).

сатирическія, чрезвычайно мѣткія и подчасъ злыя. Его „Современная пѣсня“ (1836 г.)—яркое отраженіе части московскаго общества тридцатыхъ годовъ, полное жизненнаго интереса и въ наше время, въ чемъ не трудно убѣдиться хотя бы по слѣдующимъ строкамъ:

Всякій маменькинъ сыночекъ,
Всякій обирала,
Модныхъ бредней дурачокъ,
Корчитъ либерала.

Деспотизма супостатъ,
Равенства ораторъ,
Вздулся, слѣпъ и бородатъ,
Гордый регистраторъ.

Томы Тьера и Рабо
Онъ на память знаетъ
И, какъ ярый Мирабо,
Вольность прославляетъ.

А глядишь: нашъ Мирабо
Старога Гаврило
За измятое жабо

Хлещетъ въ усь, да въ рыло.

А глядишь: нашъ Лафаетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей...

Разнообразіемъ литературнаго таланта Давыдова объясняется то, что впослѣдствіи появленіе cadaго новаго изданія его сочиненій вызывало всегда сочувственные и даже восторженные отзывы критики.

Такъ, напримѣръ, Бѣлинскій почиталъ „приличнымъ и справедливымъ“ періодъ нашей литературы съ 1820 по 1833 годъ назвать „пушкинскимъ“ и къ числу представителей этого литературнаго періода причислить Давыдова. Даже по поводу его „гусарскихъ“ произведеній знаменитый критикъ писалъ: „Все, что у другихъ такъ пошло, приторно, безвкусно, оскорбительно для чувства, словомъ,—всѣ эти лагерныя замашки, казарменное удалство,—все это у Давыдова получаетъ значеніе, преисполняется жизнью, облагораживается формою“. О такихъ же стихотвореніяхъ, какъ „Душенька“, „Рѣчка“, „О пощади“, „Въ былыя времена“, „Вальсъ“, —

Бѣлинскій замѣчаетъ: „Страсть есть преобладающее чувство въ пѣсняхъ любви Давыдова; но какъ благородна эта страсть, какой поэзіи и граціи исполнена она въ этихъ гармоническихъ стихахъ. Боже мой, какіе граціозно-пластическіе образы!“¹⁾

По поводу изданія его сочиненій 1840 г.²⁾, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ того же года (т. XIII) появился обстоятельный и вполнѣ сочувственный критическій разборъ, въ которомъ нельзя не отмѣтить слѣдующія строки:

„Давыдовъ, какъ поэтъ, рѣшительно принадлежитъ къ самымъ яркимъ свѣтиламъ второй величины на небосклонѣ русской поэзіи и имѣетъ гораздо больше правъ на славу и удивленіе, нежели многіе, которые больше его пользуются тѣмъ и другимъ у большинства читаю-

Прудъ въ Верхней Мазѣ, вырытый при жизни Д. В. Давыдова, и ветлы, имъ посаженныя.

Съ фотографіи 1885 г., принадлежащей Н. Н. Давыдову.

щаго люда. Талантъ Давыдова не великій, но замѣчательный, самобытный и яркій, которымъ и не столь бѣдная литература, какъ наша, должна была бы дорожить и гордиться. Для военныхъ людей стихотворенія Давыдова должны имѣть особенную цѣну: въ этихъ вольныхъ и разгульных вдохновеніяхъ они увидятъ поэзію своего быта, причину любить его, доро-

¹⁾ Борисъ Садовской. Русская Камена. Москва. 1910 г., стр. 37—39.

²⁾ Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Дениса Давыдова. Второе изданіе, исправленное и дополненное. СІБ. 1840 г. Три части.

жить и гордиться имъ“... „Какъ прозаикъ, Давыдовъ имѣетъ полное право стоять на ряду съ лучшими прозаиками русской литературы“...

Новое изданіе его Сочиненій въ 1860 г. (было еще изданіе 1848 г., А. Смирдина) вызвало въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1860 г., т. XXVI) библиографическую замѣтку Мих. Лонгинова, поздравлявшаго читателей съ выходомъ въ свѣтъ этого изданія сочиненій Давыдова, „которыхъ давно уже не было въ книжной продажѣ“. Послѣ восторженныхъ отзывовъ объ его поэзіи, критикъ пишетъ: „Проза Давыдова такъ увлекательна, что почти нельзя анализировать, въ чемъ состоитъ эта необычайная прелесть его разсказа. Мы перечитали недавно, черезъ двадцать лѣтъ, *Занятіе Дрездена* и не могли оторваться отъ книги. Что за мѣткость, бойкость, вмѣстѣ съ тѣмъ плавность и живописность языка!.. Вы будто не читаете, а слушаете умный, милый разсказъ очевидца“...

Послѣдніе годы жизни Д. В. Давыдова полны своеобразнаго интереса. Только неожиданно вспыхнувшее чувство „пѣвца вина, любви и славы“ къ Е. Д. Золотаревой временно нѣсколько нарушило его душевное равновѣсіе; вообще же въ этотъ предѣльный періодъ, заканчивая уже пятый десятокъ лѣтъ жизни, онъ постепенно отдается созерцательному, спокойному настроенію, пишетъ военно-историческія статьи авто-біографическаго характера, много читаетъ, переписывается съ друзьями, литераторами, издателями, прихварываетъ такъ, какъ это не случалось съ нимъ раньше, и иногда хмурится при мысли о надвигающейся старости... Съ 1832 года сталъ онъ страдать астмою, и эта болѣзнь, видимо, серьезно тревожила его. Въ концѣ 1833 г. онъ былъ настолько боленъ, что писалъ М. А. Максимовичу: „Причина, почему я такъ долго не отвѣчалъ вамъ, была болѣзнь моя, болѣзнь жестокая, которая едва не утащила меня на свиданіе съ предками...“¹⁾.

Денисъ Васильевичъ вѣрилъ гомеопатіи, лѣчился ея средствами, копался съ любовью въ гомеопатическихъ книгахъ, а все-таки годы понемногу брали свое. Въ одномъ изъ писемъ В. А. Жуковскому (14 апрѣля 1836 г.) онъ писалъ: „...если вздумаете старѣть, то, чуръ, вмѣстѣ. Охъ, тяжелое

¹⁾ Письмо къ М. А. Максимовичу (1804-1873), извѣстному писателю, филологу и историку, 30 декабря 1833 г. (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 189).

это дѣло! Какъ я ни храбрюсь, а все-таки чувствую, что не тотъ уже, что былъ! Прошедшую войну въ Польшѣ сталъ уже укрываться отъ непогоды; дай уже шалашъ, тогда какъ прежде весь шалашъ состоялъ въ чаркѣ водки; сталъ кряхтѣть на сѣдлѣ при усиленномъ переходѣ, чего я никогда не дѣлалъ и не понималъ, какъ можно это дѣлать“... ¹⁾.

Однако, на основаніи этихъ выдержекъ и другихъ писемъ къ друзьямъ, отнюдь нельзя дѣлать заключенія, что, бросивъ военную службу, Давыдовъ сразу состарился. Правда, здоровье его замѣтно измѣнилось къ худшему, но обстановка его деревенской жизни значительно способствовала сохраненію силъ и поддержанію бодрости духа. Напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ графу Ѳ. И. Толстому въ 1834 или 1835 году онъ такъ описывалъ свою жизнь: ²⁾.

„Я здѣсь (т.-е. въ селѣ Мазѣ) какъ сыръ въ маслѣ“... „Посуди: жена и полдюжины дѣтей, сосѣди весьма отдаленные, занятія литературныя, охота псовая и ястребиная—другого завтрака нѣтъ, другого жаркова нѣтъ, какъ дупеля облитые жиромъ и до того, что я ихъ ужъ и мариную, и сушу, и чортъ знаетъ, что съ ними дѣлаю! Потомъ свѣжіе осетры и стерляди, потомъ ужасныя величиной и жиромъ перепелки, которыхъ самъ травлю ястребами и до двадцати въ одинъ часъ на каждого ястреба. Такъ какъ ты не псовый и не ястребиный охотникъ, то нечего тебѣ и говорить объ охотѣ за звѣремъ и птицею—и потому у меня есть и другая охота, отъ которой ты, вѣрно, не отказался бы—гоньба за разбойниками. Здѣсь ихъ довольно и такъ нахальны, что не довольствуются разбоями на дорогахъ, а штурмуютъ господскіе дома. Я по старой партизанской привычкѣ и за ними гоняюсь, хотя они, всѣхъ грабя, всякую мою собственность и мужиковъ моихъ собственность шадятъ, по пословицѣ: *corsaires attaquant corsaires ne font pas leurs affaires*. Недавно я мимо ихъ проѣхалъ, какъ они говорили пастухамъ, во ста шагахъ, искавши ихъ, но они спрятались и я не могъ ихъ увидѣть въ лѣсу и въ ужасныхъ оврагахъ; а то была бы схватка, которая напомнила бы мнѣ старинное партизанское удалство мое!..“

¹⁾ Тамъ же, стр. 218.

²⁾ Графъ Ѳед. Иван. Толстой, «американецъ» (1784-1846), умный и даровитый приверженецъ литературнаго кружка, къ которому принадлежалъ Давыдовъ.

Къ счастливой порѣ своего партизанства Денисъ Васильевичъ вообще часто обращался мыслями, внимательно читалъ и пріобрѣталъ все, что появлялось въ печати о борьбѣ Россіи съ Наполеономъ, къ военному гению котораго относился съ глубочайшимъ уваженіемъ. Еще въ 1807 году, въ дни Тильзитскаго свиданія, онъ имѣлъ случай много разъ близко видѣть великаго Императора, за которымъ, по собственному сознанію, слѣдилъ какъ влюбленный человѣкъ. Тогда еще онъ былъ подавленъ необыкновеннымъ впечатлѣніемъ „отъ этого дѣлателя и раздѣлывателя королей“. Послѣ того судьба привела его сражаться противъ Наполеона въ достопамятные 1812—1814 годы, и потому гордый властитель Европы сталъ для Давыдова на всю жизнь особенно интересенъ.

И вотъ теперь, въ тиши деревенскаго уединенія, онъ могъ отдаться своимъ военно-историческимъ трудамъ, такъ или иначе касавшимся Наполеона. Въ „Разборѣ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона“, онъ, воздавая должное „исполину мысли“, критикуетъ утвержденія послѣдняго о томъ, что „ни одинъ больной, ни одинъ отстранившійся, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ не были взяты въ теченіе этой кампаніи отъ Майнца до Москвы“. Эти и другія подобныя имъ утвержденія Наполеона, клонившіяся къ тому, чтобы умалить значеніе дѣйствій нашихъ партизановъ, Давыдовъ опровергаетъ послѣдовательно и убѣдительно, пользуясь для того такими матеріалами, какъ бюллетени самого Наполеона, журналъ „Moniteur“ (единственный въ то время офиціальныи органъ французскаго правительства), письма маршала Бертье, отбитыя у непріятеля бумаги и т. п. ¹⁾.

Въ заключительныхъ словахъ этой интересной статьи авторъ напоминаетъ о своемъ удивленіи и восторгахъ, возбужденныхъ подвигами Наполеона, и объ уваженіи къ его войскамъ. „Солдаты, я и съ оружіемъ въ рукахъ“, восклицаетъ Давыдовъ, „отдавалъ справедливость первому солдату въковъ и міра“, а потому не ненависть, а любовь къ истинѣ волила перомъ его, когда онъ опровергалъ затронутую имъ часть записокъ Наполеона.

Въ другой статьѣ „Морозъ ли истребилъ французскую армію въ

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon.

1812 году?¹⁾ Денисъ Давыдовъ горячо возмущается тѣмъ, что „всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушное усиліе испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи и о подобномъ же усиліи Русскаго народа нисколько не упоминаютъ, и въ добавокъ поглощаютъ ихъ разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, неожиданнаго и наступившаго въ необыкновенный срокъ года. Двадцать два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать два года производится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія“...

Авторъ напоминаетъ, что въ „Опытѣ пар-

Домъ въ Верхней Мазѣ, въ которомъ жилъ Д. В. Давыдовъ, въ нынѣшнемъ видѣ (Три окна вправо отъ подъѣзда—бывшій кабинетъ Д. В.). Съ фотографіи, принадлежащей Н. Н. Давыдову.

тизанскаго дѣйствія“ онъ еще раньше изложилъ свое мнѣніе о причинахъ гибели французской арміи и потому въ настоящей статьѣ приводилъ лишь мнѣнія иностранныхъ писателей, „охлажденное временемъ и слѣдственно нѣсколько уже очищенное“ отъ пристрастія, проявленнаго ими въ отношеніи къ подвигамъ французской арміи. Сославшись на мнѣнія такихъ военныхъ и историческихъ авторитетовъ, какъ Наполеонъ, Жюмینی, Кохъ,

¹⁾ Статя эта, посвященная К. О. Толю, впервые напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1835 г.

Гурго, Шамбре, Вальтеръ-Скоттъ и др., авторъ приходитъ къ выводу, что во время двадцати-шестидневнаго отступленія французской арміи отъ Москвы до Березины, стужа, хотя и не чрезвычайная (отъ 12 до 17 градусовъ), продолжалась не болѣе трехъ сутокъ—по словамъ Шамбре, Жюмини и Наполеона, или пяти сутокъ—по словамъ Гурго. Гибель же непріятеля слѣдуетъ объяснить причинами чисто стратегическаго характера, которыя авторъ и приводитъ въ заключительныхъ словахъ своей статьи.

Къ числу статей военно-историческаго характера послѣдняго періода жизни Давыдова можно отнести его письмо къ извѣстному англійскому писателю Вальтеръ-Скотту по поводу написанной имъ книги, переведенной на французскій языкъ: „Vie de Napoléon Buonaparte“. Получивъ отъ этого знаменитаго писателя его портретъ съ автографомъ, Денисъ Васильевичъ, зная его страсть къ рѣдкому оружію, возвратясь съ Персидской войны, послалъ ему курдскую пику, черкесскіе кинжалы и лукъ съ колчаномъ и стрѣлами. Завязавшаяся между ними переписка закончилась послѣднимъ письмомъ Давыдова, которое онъ въ 1832 г. не успѣлъ послать по назначенію за смертью Вальтеръ-Скотта, желавшаго имѣть замѣчанія Давыдова о войнѣ 1812 года, описанной въ „Исторіи жизни Наполеона“. Со свойственною ему откровенностью и прямою, Давыдовъ изложилъ свои замѣчанія въ отвѣтномъ письмѣ, которое рѣшилъ напечатать въ виду того, что написанная Вальтеръ-Скоттомъ книга о Наполеонѣ была переведена на рускій языкъ и потребовала возраженій ¹⁾. Послѣднихъ довольно много—болѣе тридцати, крупныхъ и мелкихъ, всѣ они проникнуты глубокимъ чувствомъ любви и уваженія къ русской арміи и ея начальникамъ, которыхъ онъ освобождаетъ отъ упрековъ, мѣстами возводимыхъ Вальтеръ-Скоттомъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще одну, къ сожалѣнію, неоконченную статью Дениса Васильевича: „Мысли при извѣстїи о неудачномъ предпрїятїи на Константину французскихъ войскъ“. Въ этой статьѣ, начатой въ 1836 году, находимъ много интересныхъ и поучительныхъ, даже для нашего времени, мыслей, характеризующихъ, между прочимъ, отношеніе

¹⁾ Статья эта была впервые напечатана уже послѣ смерти автора, въ «Отечественныхъ запискахъ» 1840 г.

русскаго народа къ своей боевой славѣ и къ подвигамъ своихъ вождей, его незлобивость и готовность превозносить своихъ враговъ, а также возмущеніе автора по поводу, по его мнѣнію, неблагодарныхъ французовъ, изъ коихъ никто „не возсталъ и не вооружился для защиты генія (Наполеона), создавшаго все изъ развалинъ, успокоившаго страну послѣ кровавыхъ смуть и возвысившаго Францію на верхъ славы и могущества“...

Свои военно-историческія произведенія Давыдовъ помѣщалъ въ „Библіотекъ для Чтенія“ Сенковского, съ которымъ, однако, много воевалъ изъ-за цензурныхъ измѣненій, значительно вредившихъ блестящему слогу автора, что, конечно, крайне огорчало и возмущало его. Напримѣръ въ письмѣ къ А. И. Михайловскому-Данилевскому въ 1835 году онъ писалъ: ¹⁾).

„Вы пишете, что вамъ нравится мое воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи. Это мое любимое дитя. Жаль, что г. Сенковский, или не знаю кто, опакостилъ лучшія розы цвѣтника моего. Я объ этомъ писалъ и еще пишу Смирдину, пусть исправляетъ мои грамматическія ошибки: не зная грамматики, не только не буду въ претензіи за исправленіе этихъ ошибокъ, но еще благодарень буду. Но измѣнять слогъ мой, хотя онъ и не превосходенъ, я не соглашаюсь“... „что ни дай этимъ самозванцамъ литераторамъ—все они на свой ладъ переверотятъ“...

Между тѣмъ даже Пушкинъ, по поводу цензурнаго усердія Сенковского въ одномъ изъ писемъ къ Давыдову, замѣтилъ: „Сенковскому учить тебя русскому языку все равно, что евнуху учить Потемкина“.

Отношенія великаго поэта къ Давыдову значительно окрѣпли и сблизились съ тѣхъ поръ, какъ Давыдовъ началъ печататься въ „Современникъ“ Пушкина, основавшаго его въ 1836 году. Сохранились нѣсколько писемъ Давыдова къ Пушкину по поводу сотрудничества въ его журналѣ. Къ сожалѣнію, эти письма помѣщены въ изданіи сочиненій Д. В. Давыдова 1893 года въ крайне искаженномъ видѣ, въ чемъ мы могли убѣдиться, сравнивъ черновики съ ихъ печатными воспроизведеніями. Видно, что близость личныхъ отношеній между друзьями и преклоненіе

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 207—208.

Давыдова предъ литературнымъ и умственнымъ авторитетомъ Пушкина отдавали его добровольно во власть послѣдняго. Напримѣръ, въ письмѣ отъ 2-го марта 1836 года Давыдовъ писалъ ему: „Теперь слово о журналѣ: Смирдинъ мнѣ давалъ по триста рублей за печатный листъ, съ тѣмъ, что статьи помѣщаемыя имъ въ „Библіотекъ для Чтенія“ я имѣлъ право печатать въ особой книжкѣ. Хочешь такъ? Или какъ тебѣ угодно? Я съ тобой на все согласенъ, только увѣдомъ ¹⁾“. Въ другомъ письмѣ, 6-го апрѣля 1836 года, онъ пишетъ другу своему: „Если будутъ споры на какія-нибудь слова или даже цѣлые періоды, я уполномочиваю тебя вымарывать, измѣнять во всей статьѣ (вѣроятно, „Занятіе Дрездена“), что твоей душѣ угодно. Въ случаѣ же, что всю статью основать на таможенѣ просвѣщенія, я примусь за работу и приплю тебѣ другую“ ²⁾.

✓ Вообще взаимныя отношенія Пушкина и Давыдова могли бы дать содержаніе не одной любопытной страницѣ нашего литературнаго прошлаго. Давыдовъ преклонялся предъ гениемъ русскаго народнаго поэта, Пушкинъ же, въ свою очередь, восторгался блестящимъ талантомъ поэта-партизана съ самыхъ юныхъ лѣтъ до конца своихъ дней. Ихъ взаимному сближенію, между прочимъ, способствовала семья Раевскихъ, которая, какъ извѣстно, была близка Пушкину и состояла въ родствѣ съ Давыдовымъ: дядя Дениса Васильевича, Левъ Денисовичъ Давыдовъ, какъ сказано выше, былъ женатъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Самойловой, бывшей въ первомъ бракѣ за Раевскимъ, отцомъ Николая Николаевича Раевского, извѣстнаго героя 1812 года.

Пушкина и Давыдова, помимо литературныхъ интересовъ, связывали также общія воспоминанія о пребываніи въ Каменкѣ (Кіевской губерніи), имѣнии Александра Львовича Давыдова, къ женѣ котораго, Аглаѣ Антоновнѣ, оба они были неравнодушны и оба же посвящали ей свои восторженные стихотворенія.

Посылая Д. В. Давыдову свою „Исторію Пугачевского бунта“, Пушкинъ приложилъ посвященное другу своему стихотвореніе, прекрасно характеризующее какъ ихъ взаимныя отношенія, такъ и восторги поэта предъ партизаномъ. Вотъ это стихотвореніе:

¹⁾ Матер., № 68.

²⁾ Тамъ же

Тебѣ—пѣвцу, тебѣ—герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ въ огнѣ
Скакать на бѣшенномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный,
Ты—мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

Любопытна запись Пушкина въ своемъ „Дневникѣ“ подъ 22 декабря 1834 г.: „А все виноватъ Глинка. Послѣ его ухарскаго псалма, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ Дениса Давыдова, цензоръ подумалъ, что онъ пустился во всѣ тяжкія“. Это—новый лестный отзывъ великаго поэта о своеобразномъ слогѣ Давыдова.

Чрезвычайно жаль, что въ архивѣ послѣдняго, по крайней мѣрѣ среди бумагъ, которыя были нами разсмотрѣны, не сохранилось писемъ къ нему Пушкина; вообще же извѣстны лишь два черновыхъ наброска (1836 г.), касающихся дѣловыхъ переговоровъ о рукописяхъ для „Современника“.

Изъ другихъ поэтовъ того времени Денисъ Васильевичъ былъ болѣе близокъ съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, Языковымъ, Баратынскимъ, кн. Одоевскимъ, Воейковымъ, гр. Хвостовымъ, Бестужевымъ и др. Изъ нихъ Жуковскій посвятилъ ему стихотвореніе („Мой другъ, усатый воинъ...“ 1835 г.), написанное при возвращеніи рукописи Давыдову и присылкѣ ему журнала „Для немногихъ“.

Оно кончается слѣдующими строками:

Терпѣньемъ ополчись
Для чтенія рюмъ убогихъ
Въ журналѣ для немногихъ!
Въ немъ много пустоты!
Но, другъ, суди не строго:

Вѣдь изъ *немногихъ* ты
Таковъ, какихъ *немного!*
Спи, ѣшь и объѣжай
Ты коней быstroногихъ
Какъ хочешь—только знай,
Что я, другъ, какъ *немногихъ*
Люблю тебя;—прощай!

Въ извѣстной пѣснѣ В. А. Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ Денису Васильевичу посвящены слѣдующія строки:

Давыдовъ пламенный боецъ;
Онъ вихремъ въ бой кровавый—
Онъ въ мирѣ счастливый цѣвецъ
Вина, любви и славы.

Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ изъ Петербурга, 20 января 1836 г., Давыдовъ упоминаетъ о вечерѣ, проведенномъ у Вяземскаго, у котораго встрѣтилъ Пушкина и Жуковскаго, нарочно для него туда прѣхавшихъ.

Любопытны стихотворенія, посвященные княземъ Вяземскимъ Давыдову: „Давыдовъ, баловень счастливый“... (1815 г.), „Давыдовъ! гдѣ ты? что ты? съ роду такихъ проказъ я не видалъ!“ (1816 г.), „Старому гусару“ („Ай да служба!—ай да дядя...“ 1832 г.)¹⁾.

Большую сердечностью отличались его отношенія къ поэту Н. М. Языкову, которому, между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ онъ признался даже въ томъ, что никто болѣе этого поэта не имѣетъ дара волновать его душу и „владычествовать надъ нею своевольно деспотически“. „Бы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный отецъ и командиръ“, писалъ Денисъ Васильевичъ: „одинъ стихъ вашъ—и я въ огнѣ боевъ, весело и безотчетно. Въ обѣихъ послѣднихъ войнахъ стихи Ваши (Пѣснь короля Регнера, подаренная мнѣ въ Персїи М. Киселевымъ) возились мною за пазухой, какъ волшебная ладонка, имѣющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду къ битвамъ и славѣ“²⁾.

¹⁾ Матер., № 66.

²⁾ Письмо къ Н. М. Языкову, 23 апрѣля 1833 г. (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 183).

Господинъ Лейбъ-Гвардіи Штабсъ-Ротмистру
Давыдовъ.

Въ воздаіе отличной храбрости и мужества,
оказанныхъ вами въ сраженіи противъ француз-
скихъ войскъ 24 Января, гдѣ вы посланы были
съ приказаніемъ подъ картечными выстрѣлами,
убита подъ вами лошадь и захвачены вы были
въ плѣнъ, но отбиты козакami, Имену васъ Ка-
валеромъ Ордена святаго равноапостола
Князя Владимира четвертой степени, чего знакъ
у сего къ вамъ доставляю, Повелѣваю возложить
на себя и носить установленный порядокъ
въ петлицѣ съ бантомъ, увѣренъ буду, что вы
послушаете вамъ поощреніемъ къ вашему про-
долженію ревностной службы вашей. Требуя
вамъ благосклонный.

Александръ

Бартемиѣемъ
26го апреля 1807.

Письма Давыдова къ Николаю Михайловичу и его брату Александру Михайловичу Языковымъ представляютъ большою интересъ для біографіи Давыдова въ послѣдній періодъ его жизни. Н. М. Языковъ посвятилъ другу своему два прочувствованныхъ стихотворенія, рисующихъ Давыдова, какъ благороднаго воина, прославившаго имя свое во многихъ войнахъ. Первое изъ нихъ начинается такъ:

Славы звучной и
прекрасной
Два вѣнка ты заслужилъ!
Знать, Суворовъ
не напрасно
Грудь твою перекрестилъ...

Другое стихотвореніе поэтъ написалъ Давыдову и послалъ ему вмѣстѣ со своими стихотвореніями. Начинается оно слѣдующими строками:

В. Жерве. Ден. Вас. Давыдовъ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Съ автографіи Бахмана.

Изъ собранія П. П. Потоцкаго.

Давнымъ давно люблю я страстно
Созданья вольныя твои,
Пѣвецъ лихой и сладкогласный
Меча, фіала и любви... ¹⁾.

Е. А. Баратынскій такъ начиналъ одно изъ посвященныхъ Давыдову стихотвореній:

Пока съ восторгомъ я внимаю
Повѣствованью славныхъ дѣлъ,
Ношу любовь къ родному краю
И къ пѣснямъ музъ не охладѣлъ,
Покуда Русскій я душою,—
Забуду-ль о счастливомъ дѣѣ,
Когда пріятельской рукою
Пожаль Давыдовъ руку мнѣ... ²⁾.

Весьма вѣроятно, что сношенія Давыдова съ поэтами даже на склонѣ его дней вдохновляли его на поэтическое творчество; вмѣстѣ съ тѣмъ, посылая свои произведенія друзьямъ-поэтамъ, онъ просилъ ихъ мнѣній и поправокъ и, видимо, пользовался въ этомъ отношеніи указаніями Баратынскаго, Пушкина и Вяземскаго, какъ писалъ о томъ Языкову, который, въ одномъ изъ своихъ посланій къ Давыдову, такъ оцѣнилъ его блестящій стихъ:

Не умреть твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій,
И разгульно-удалой.

Чтобы не возвращаться болѣе къ стихотвореніямъ, посвященнымъ Денису Васильевичу при его жизни, приведемъ здѣсь еще одни стихи, какъ обозначилъ ихъ въ своей тетради Давыдовъ: „Стихи поданные мнѣ маскированной особою въ маскарадѣ Благороднаго собранія, 1 января 1837 года“. Стихотвореніе это еще не было въ печати:

¹⁾ Матер.. № 66.

²⁾ Тамъ же.

Хвала тебѣ, любовникъ брани,
Житѣя разгульнаго пѣвецъ!
Крестомъ Суворовскія длани
На славу созданный боецъ!

Хвала тебѣ!—въ пылу сраженій
Ты грудь и руку закалилъ;
Раздольнымъ звукомъ пѣснопѣннѣй
Ты поле битвы огласилъ!

Хвала тебѣ!—чело Балкана
Топталъ ты смѣлою стопой;
Хребетъ лдяного великана
Стоваль, ломился подъ тобой.

Хвала тебѣ!—прохладной влагой
Араксъ наѣздника поилъ,
Но онъ воинственной отваги
Въ груди твоей не остудилъ!

Хвала тебѣ!—за Русь святую,
За волю родины твоей—
Рубился ты напропалую
При блескъ сѣверныхъ лучей!

Хвала тебѣ!—при кликахъ славы
Ты въ гости къ лиху прискакалъ
И на развалинахъ Варшавы
Ты свѣжій лавръ себѣ сорвалъ!..

Хвала тебѣ, любовникъ брани,
Житѣя разгульнаго пѣвецъ!
Кумиръ застольныхъ восклицаній,
Нашъ черноусый удалецъ! ¹⁾

Весьма интересный и цѣнный матеріалъ для біографіи Давыдова въ послѣдніе годы его жизни представляютъ собою его письма къ женѣ и сыновьямъ за 1836—1838 года ²⁾. Переписка съ женою была вызвана его поѣздкою въ Москву и Петербургъ въ началѣ 1836 г., что было необходимо въ виду хлопотъ о помѣщеніи въ учебныя заведенія Петер-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Матер., № 70.

бурга старшихъ сыновей его, Василя и Николая. Большинство изъ этихъ писемъ совсѣмъ не были въ печати; поэтому напечатаніе ихъ представляется весьма желательнымъ и даже необходимымъ, т. к. они даютъ не мало подробностей, рисующихъ жизнь и общество того времени, а также многихъ выдающихся лицъ, съ которыми Денису Васильевичу пришлось имѣть дѣло или только встрѣчаться. Въ одномъ изъ писемъ (27 января 1836 г.) онъ упоминаетъ, что обѣдалъ у Вяземскаго en famille, а вечеромъ былъ у Пушкина, „dont la femme est vraiment d'une beauté extraordinaire“. Въ томъ же письмѣ, очень длинномъ, въ видѣ дневника, онъ упоминаетъ, что проводилъ вечеръ у Жуковскаго, у котораго собираются каждую субботу его пріятели и литераторы; у него Давыдовъ встрѣтилъ Крылова, Плетнева, Пушкина, Вяземскаго, Теплякова и множество другихъ. Въ то время Жуковскій жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Этотъ вечеръ, по словамъ Д. В. Давыдова, былъ его триумфомъ: „вообрази“, писалъ онъ женѣ: „что изъ 25 умныхъ людей я одинъ господствовалъ, всѣ меня слушали et je tenais le dé de la conversation pendant toute la soirée“. На слѣдующій день, 26 января утромъ, онъ представлялся Императору, который былъ очень милостивъ къ нему, а затѣмъ Наслѣднику. Описывая впечатлѣнія этого дня, онъ сообщалъ женѣ, что послѣ представленія Высочайшимъ Особамъ, онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ прошелъ весь Эрмитажъ, смотрѣлъ картинную галерею, а также работу живописца Чернецова (въ письмѣ Д. В. ошибочно названнаго Чернецкимъ), который, по приказанію Государя, въ то время писалъ двѣ картины парадовъ на Марсовомъ полѣ. Художникъ просилъ разрѣшенія на одной изъ его картинъ изобразить и фигуру стараго партизана и потому, какъ писалъ Давыдовъ, пока онъ сидѣлъ у Жуковскаго и слушалъ Гоголя, читавшаго свою безподобную и чудесную комедію „Ревизоръ“, Чернецовъ нарисовалъ его портретъ во весь ростъ.

Имѣя въ виду опредѣлить старшаго сына, Василя, въ Институтъ Путей Сообщенія и второго сына, Николая, въ Училище Правовѣднія, Денисъ Васильевичъ возобновилъ старыя связи съ К. Ф. Толемъ, который былъ въ то время Главноуправляющимъ путями сообщеній и имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи этотъ Институтъ. Заботливый отецъ наводилъ самыя подробныя справки о занятіяхъ и порядкахъ въ обоихъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ и, подъ впечатлѣніемъ чрезвычайно внимательнаго къ нему

отношенія графа Толя, писалъ подробныя и довольно восторженныя письма женѣ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ¹⁾.

Приѣхавъ изъ Петербурга въ Москву около 1 февраля, онъ писалъ женѣ: „Словомъ скажу тебѣ—я счастливъ, что побывалъ въ Петербургѣ. Могу сказать, что не даромъ съѣздилъ и именно въ этотъ-то годъ и надлежало мнѣ быть тамъ. Зато надо было видѣть мою дѣятельность! Минуты не имѣлъ покоя всѣ 9 дней, которые я тамъ пробылъ; разумѣется, отъ 8 часовъ

утра до 5 пополудни каждого дня тамъ обѣдалъ, ѣздилъ въ театръ, а потомъ на вечеръ; но и въ театрѣ и на вечерахъ не забывалъ о своемъ предметѣ. Такъ, досталъ я расписание денного времени на ученія и всей недѣли, а, сверхъ того, правила принятые въ Топо-

Видъ на церковь села Верхняя Маза.
Съ фотографіи, принадлежащей Н. Н. Давыдову.

графическомъ училищѣ, какъ снимать планы и рисовать мѣстоположенія. Это мнѣ доставилъ генераль-лейтенантъ Шубертъ, старинный мой сослуживецъ и начальникъ топографовъ и генераль-квартирмейстеръ Главнаго Штаба²⁾.

¹⁾ Тогда же друзья совѣтовали ему записать и слѣдующихъ сыновей, Дениса и Ахилла, въ Институтъ Путей Сообщенія, «какъ мѣсто далеко превосходящее всѣ другія заведенія» (Матер., № 70). Младшимъ его сыномъ былъ Вадимъ.

²⁾ Фед. Федор. Шубертъ (1789 + 1865), впоследствии генераль-отъ-инфантеріи, первый начальникъ корпуса топографовъ. 15-ти лѣтъ былъ произведенъ въ офицеры и съ отцомъ (извѣстнымъ академикомъ) отправился въ Китай, въ составъ миссіи гр. Головкина. Участникъ войнъ 1807, 1808—1809, 1810, 1812—1814 гг., былъ раненъ и проявилъ крупныя военныя способности.

Что меня удивляло, и других удивляло—это моя дѣятельность! Ты, я думаю, примѣтила хладнокровіе мое, когда ты хлопчешь о дѣтяхъ,—но только что тебя нѣтъ, я хлопотство и дѣятельность твою за сто верстъ назадъ оставляю, — это я замѣтилъ только теперь и самъ себѣ удивляюсь“...

Дорожа временемъ для подробныхъ писемъ женѣ, онъ вставалъ даже нарочно раньше и въ одномъ изъ этихъ писемъ (1836 г., на масляницѣ) писалъ изъ Москвы: „Нынче среда, я всталъ въ 5 часовъ утра, чтобы писать тебѣ длинное письмо, что ты любишь и, кажется, угодилъ тебѣ“...

Повторяемъ, письма Дениса Васильевича къ женѣ полны захватывающаго интереса и значенія не только для его біографіи, но и для характеристики его эпохи, во многихъ ея проявленіяхъ, начиная отъ невозможныхъ дорогъ, по которымъ ему приходилось совершать путешествія, кончая дѣловыми и высокопоставленными кругами, въ которыхъ вращался Любопытнень отзвѣвъ его объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ по поводу извѣстнаго пожара балагановъ: „Государь самъ въ огнѣ работалъ и, говорить, отъ происшествія этого плакалъ. Вотъ истинно Царь Русскій!“

Въ этихъ же письмахъ находимъ кое-какія свѣдѣнія, касающіяся литературной дѣятельности Давыдова. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 25 января (1836 г.) онъ писалъ: „Наконецъ — сейчасъ Смирдинъ заплатилъ мнѣ 2000 р., что-жъ касается до статьи, которую я привезъ съ собою, то мы еще не сошлись“. Изъ Москвы 24 февраля того же года писалъ онъ: „Салаевъ объявилъ мнѣ, что продажа стихотвореній моихъ почти совсѣмъ остановилась. Продано 1200 экзмп. по 6 р., слѣдственно за 7200 р.—а такъ какъ печатаніе стоило мнѣ 3000 р., то барыша я получилъ 4200. Осталось около 1000 экземпляровъ, которые я хотѣлъ взять къ себѣ и сжечь, потому что за новое изданіе мнѣ въ Петербургѣ предложили 3000 р., но вдругъ Салаевъ предложилъ мнѣ, за эти 1000 экземпляровъ, которые въ мысляхъ моихъ хотѣлъ уничтожить, онъ предложилъ мнѣ 1000 р. бумажками. Какова находка? Натурально, я сейчасъ принялъ предложеніе, хотя плата назначена въ сентябрѣ“.

Довольно остроумную оцѣнку своихъ произведеній находимъ въ болѣе раннемъ письмѣ (6 февраля 1834 г.) къ Н. М. Языкову¹⁾, которому Д. В.

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 191.

Давыдовъ писалъ: „Не знаете ли вы, какая цѣна за стихотворенія? За листъ печатной прозы мнѣ даютъ 300 р., я послалъ около двухъ листовъ даромъ, потомъ хочу посылать за деньги и, какъ уже говорилъ вамъ, если продаютъ сало и деготь, то почему не продавать и бредни, благо есть покупатели?“

Въ этихъ же письмахъ находимъ любопытныя свѣдѣнія о матеріальныхъ обстоятельствахъ Давыдова. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ онъ мечтаетъ о томъ, чтобы купить въ Оренбургской губерніи тысячу десять десятинъ земли, выселить туда изъ Мазы душъ 200 или 300 — „и восхвалимъ Бога и будемъ жить припѣваячи съ долгомъ не огромнымъ и съ имѣніемъ прекраснымъ“... Въ другомъ письмѣ онъ уже подаетъ мысль объ устройствѣ сахарнаго завода въ Денисовкѣ, а затѣмъ возвращается къ планамъ о постройкѣ большого винокуреннаго завода въ Оренбургской губерніи, съ выселеніемъ туда крестьянъ изъ Мазы. Въ одномъ изъ писемъ восторгается онъ своимъ московскимъ домомъ на Пречистенкѣ: „Что это за домъ нашъ, мой другъ! Всякій разъ, какъ ѣду мимо его, люблюсь имъ; это Hôtel или дворецъ, а не домъ“... И все-таки онъ желалъ продать свой домъ, соглашаясь уступить за 80 тысячъ (пріобрѣлъ его за 66 тыс. ассигн.). Намѣреніе продать этотъ домъ дало поводъ Денису Васильевичу написать стихами остроумную „Челобитную“ на имя А. А. Башилова, бывшаго въ то время предсѣдателемъ строительной комиссіи въ Москвѣ. Вотъ это любопытное стихотвореніе: ¹⁾

Въ дни бывше сорванецъ,
Весельчакъ и веселитель,
А теперь Москвы строитель
И сенаторъ и дѣлецъ,
О, мой давній покровитель,
Сохрани меня, отецъ,
Отъ сосѣдства шумной тучи
Полицейской саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарныхъ трубъ и крѣпій,
То есть, попросту сказать:

¹⁾ Приводимъ его по оригиналу, написанному рукою автора (Матер., № 65); въ Сочиненіяхъ, изд. 1893 г., т. I, стр. 68, онъ нѣсколько видоизмѣненъ.

Помоги въ казну продать
За сто тысячъ домъ богатый,
Величавыя палаты,
Мой Пречистенскій дворецъ!
Тѣсенъ онъ для партизана.
Сотоварищъ урагана,
Я люблю, казакъ-боецъ,
Домъ безъ оконъ, безъ крылецъ,
Безъ дверей, безъ стѣнъ кирпичныхъ,
Домъ разгуловъ безграничныхъ
И налетовъ удалыхъ,
Гдѣ могу гостей моихъ
Принимать картечью въ ухо,
Пулей въ лобъ или пикой въ брюхо.
Другъ, вотъ истинный мой домъ!
Онъ вездѣ, но скучно въ немъ:
Нѣтъ гостей для угощенья.
Подожду... А ты пока
Вникни въ просьбу казака
И уважь его моленье.

Эту „Челобитную“, при письмѣ 6-го января 1836 г. изъ Мазы, авторъ послалъ Пушкину, которому разрѣшилъ напечатать ее въ „Современникѣ“ и выражалъ пожеланіе, чтобы его „Челобитная“ достигла не столько поэтической цѣли, сколько положительной ¹⁾).

Въ 1838 г. Денисъ Васильевичъ отвезъ своихъ старшихъ сыновей, Василія и Николая, въ Петербургъ, гдѣ помѣстилъ второго изъ нихъ въ училище Правовѣдѣнія. Это дало ему поводъ въ письмахъ къ женѣ подѣлиться очень интересными свѣдѣніями объ Училищѣ Правовѣдѣнія, которое чрезвычайно понравилось ему своими внутренними порядками и общимъ строемъ жизни; отъ Попечителя же Училища—Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго онъ былъ въ полномъ восторгѣ; въ особенности поражали его замѣчательная сердечность, любовь къ дѣтямъ и изумительная энергія Принца.

Старшій сынъ, Василій, выдержалъ экзаменъ въ 5-ый классъ Института Путей Сообщенія, но отецъ желалъ, чтобы тотъ поступилъ клас-

¹⁾ Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 214.

сомъ или двумя старше, вслѣдствіе чего рѣшилъ оставить его на попеченіи своей сестры, Александры Васильевны Бѣгичевой, съ тѣмъ, чтобы сынъ весною слѣдующаго 1838 года, послѣ занятій съ репетиторомъ, держалъ вступительный экзаменъ въ Институтъ.

Трудно было Денису Васильевичу впервые разстаться со своими дѣтьми, о чемъ ясно свидѣлствуютъ его письма къ женѣ во время

совмѣстнаго пребыванія съ дѣтьми въ Петербургѣ. Еще ярче вырисовывается онъ въ письмахъ къ дѣтямъ изъ Верхней Мазы, куда онъ возвратился осенью того же 1837 года. Среди писемъ къ сыновьямъ сохранилось одно весьма характерное для Дениса Васильевича письмо, которое онъ написалъ къ пріютившей его сына сестрѣ Александрѣ Васильевнѣ: онъ

рамъ молиться Богу и пр. Письмо это заканчивается просьбой къ сестрѣ дать эту записку сыну Василию, чтобы тотъ переписалъ ее своей рукой и хранилъ у себя: „Она не изъ ума, а изъ души моей вылилась“, заканчиваетъ любящій отецъ. Къ сожалѣнію, сынъ Василій впоследствии доставилъ отцу большое огорченіе желаніемъ поступить въ юнкера гвардейской артиллеріи, чему отецъ противился всѣми силами, но не разубѣдилъ его.

Софія Николаевна Давыдова,
рожденная Чиркова.
Съ фотографіи, принадлежащей М. Н. Давыдовой.

дать ей своего рода „инструкцію“ для руководства сыну Василию, которому подробно указываетъ, когда и до какого времени тотъ можетъ гулять, съ кѣмъ вести знакомство, сообщать, куда и откуда идетъ, какого рода книги выбирать для чтенія, напоминаетъ о необходимости каждое воскресенье и каждый большой праздникъ ходить къ обѣднѣ, а по утрамъ и по вечерамъ

Множество писемъ Дениса Васильевича къ сыну рисуютъ отца, какъ убѣжденнаго сторонника солиднаго военнаго образованія, безъ котораго онъ не допускалъ возможности служить по-настоящему и съ достоинствомъ... ¹⁾.

Разставшись со старшими сыновьями, Денисъ Васильевичъ продолжалъ свою тихую уединенную жизнь съ женою и остальными дѣтьми въ Верхней Мазѣ, откуда лишь наѣздами бывалъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Пензѣ, Симбирскѣ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ. Спутница его жизни, Софья Николаевна, была ему вѣрнымъ и любящимъ другомъ, готовымъ жертвовать собою ради интересовъ мужа и дѣтей. И Денисъ Васильевичъ искренно, горячо любилъ ее, отдавая должное прекраснымъ качествамъ ея души. Въ его письмахъ къ ней, какъ во время Польской войны, такъ и въ самые послѣдніе годы жизни, постоянно сказываются горячія чувства мужа и нетерпѣливое желаніе его скорѣе вернуться къ семейному очагу.

Чтобы впослѣдствіи не возвращаться къ этой, во всякомъ случаѣ, оригинальной личности, игравшей, понятно, значительную роль въ жизни ея супруга, приведемъ о ней нѣсколько краткихъ свѣдѣній, любезно сообщенныхъ намъ лично знавшею ее Марією Николаевною Давыдовою (рожденною Сумароковою), вдовою Вадима Денисовича Давыдова.

Софья Николаевна Давыдова дожила до глубокой старости, сохранивъ до конца своихъ дней ясную память, твердую волю, любовь къ труду и интересъ къ жизни. Овдовѣвъ, она долго проживала въ Верхней Мазѣ, пока не подросли ея дѣти. Только ради воспитанія дочерей, она переѣхала въ Москву, гдѣ прожила около двадцати пяти лѣтъ, въ домѣ Шиловскаго, противъ Англійскаго клуба. Въ Петербургѣ она переѣхала, когда сюда вернулась проживавшая до того времени въ Парижѣ ея дочь, Софія Денисовна, бывшая замужемъ за французскимъ морякомъ графомъ Гидобони-Висконти. Слѣдуетъ сказать, что тамъ же, въ Парижѣ, проживали двѣ племянницы Софіи Николаевны: маркиза Габріакъ, дочь Александра Львовича Давыдова и его жены, рожденной герцогини де Граммонъ (воспѣтой Пушкинымъ „Аглая“), и другая—Адель (не бывшая замужемъ).

¹⁾ Матер., № 70.

Старшій сынъ маркизы Габріакъ былъ аббатомъ, который старался путемъ словесныхъ и письменныхъ увѣщаній совратить Софію Николаевну въ католицизмъ. Эти старанія продолжались въ теченіе 1865—67 г.г., но безуспѣшно для аббата: Софія Николаевна осталась вѣрна православію и очень разумно опровергала доводы своего племянника, въ чемъ ей помогаль нашъ священникъ въ Парижѣ, отецъ Іосифъ Васильевъ.

Къ своимъ дѣтямъ до конца жизни она сохранила самыя тѣсныя отношенія, носившія, впрочемъ, довольно своеобразный характеръ. Съ нею жила не бывшая замужемъ дочь Екатерина Денисовна. Всѣ другія проживавшія въ Петербургѣ дѣти, несмотря на то, что уже самп имѣли дѣтей, должны были ежедневно собираться у нея къ 6-ти часамъ вечера и оставаться часовъ до 10-ти, когда она только и разрѣшала имъ уѣзжать куда угодно. Если кто-либо изъ дѣтей пропускалъ въ субботу всенощную, то лишался права на слѣдующей недѣлѣ быть въ театрѣ. Она была очень религіозна и широко благотворила: ежегодно получала она изъ суммъ Собственнаго Его Величества Кабинета двѣ тысячи рублей—и всѣ эти деньги жертвовала на бѣдныхъ, которые въ особенно большомъ количествѣ собирались у нея по субботамъ. Она много давала въ разные пріюты и благотворительныя учрежденія; выстроила нѣсколько церквей, въ своемъ имѣніи устроила больницу...

Въ послѣднія шесть лѣтъ Софія Николаевна не владѣла догами, ее возили въ креслахъ, но, несмотря на это, она посѣщала службу въ домовоі церкви Александровской больницы, на Надеждинской. Жила она недалеко отсюда, на Невскомъ, въ домѣ 88, въ то время, Семяникова. Довольно часто къ ней пріѣзжала и проживала у нея дочь Софія Денисовна. Рядомъ, въ домѣ 100, жила ея другая дочь, Юлія Денисовна Засѣцкая. Весь строй ея жизни и отношеній къ роднымъ носилъ старинный, патріархальный характеръ и отличался многими своеобразными особенностями добраго стараго времени. Между прочимъ, у нея была горничная Матвѣевна, прослужившая своей генеральшѣ 48 лѣтъ.

Къ памяти мужа, Дениса Васильевича, она относилась не только съ благоговѣніемъ, но съ какою-то особенною ревностью. Между прочимъ, когда у ея сына Вадима родился сынъ, котораго родители, въ память славнаго партизана, пожелали назвать Денисомъ, она выразила свое не-

удовольствіе при мысли о томъ, что можетъ быть еще одинъ Денисъ Давыдовъ, который смѣетъ носить имя своего знаменитаго дѣда. Могила ея мужа была покрыта большою мраморною плитою, раздѣленною пополамъ. Рядомъ съ именемъ Дениса Васильевича, она заблаговременно начертала и свое имя, оставивъ лишь мѣсто для обозначенія дня и года смерти.

Умерла она 85 лѣтъ отъ роду. Вообще здоровая, если не считать болѣзни ногъ, она еще за два дня до смерти чувствовала себя отлично и, какъ всегда, обѣдала съ родными. Когда же заболѣла, сынъ ея предложилъ послать за докторомъ, но она отказалась отъ врачебной помощи, напомнивъ, что 85-лѣтней старости докторъ не поможетъ. Только два дня прохворала она, но оставалась въ полной памяти, читала Евангеліе и наканунѣ смерти сама вынула квитанцію о покупкѣ ею могилы и сдѣлала нѣсколько распоряженій по поводу своихъ похоронъ. Въ воскресенье 14 октября 1880 года въ часъ дня она скончалась. Погребена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Больше чѣмъ на сорокъ лѣтъ пережила она своего мужа, съ которымъ прожила счастливо, наполняя его семейную жизнь. Значительную долю своихъ интересовъ и Денисъ Васильевичъ удѣлялъ ей.

Возвращаясь къ послѣднимъ годамъ жизни Давыдова, остановимся на его хлопотахъ перевезти изъ с. Симы (Владимірск. губ.) на Бородинское поле прахъ кн. П. И. Багратіона, къ памяти котораго онъ постоянно чувствовалъ „глубочайшее благоговѣніе и самую искреннюю душевную признательность“. Желая сохранить въ памяти потомства славнаго дѣла своего истиннаго благодѣтеля, Денисъ Васильевичъ еще въ 1820-хъ г.г. сталъ собирать нѣкоторые матеріалы для біографіи Багратіона. Однако, по нѣизвѣстнымъ намъ причинамъ, намѣреніе составить жизнеописаніе послѣдняго не было приведено въ исполненіе, и въ бумагахъ Давыдова сохранилась только небольшая рукописная замѣтка Дениса Васильевича о покойномъ князѣ. Здѣсь же имѣется нѣсколько выписокъ о немъ изъ дѣлъ, хранившихся въ архивѣ бывшаго Инспекторскаго департамента, копія съ его формулярнаго списка, копіи Высочайшихъ рескриптовъ къ нему же 1809—1810 г.г., составленное извѣстнымъ военнымъ писателемъ А. И. Хатовымъ рукописное „Описаніе зимняго похода на острова Оландскіе корпуса князя Багратіона въ мартъ 1808 г.“, а также очень цѣнное

письмо князя Георгія Грузинскаго 3 іюля 1823 года съ описаніемъ, со словъ самого князя Багратіона, обстоятельствъ его почти смертельнаго раненія и неминуемой гибели во время несчастнаго пораженія отряда Піери, при которомъ въ то время 16-лѣтній Багратіонъ былъ ординарцемъ ¹⁾).

Двадцатипятилѣтняя годовщина Бородинской битвы, въ которой былъ смертельно раненъ кн. Петръ Ивановичъ, дала поводъ Д. В. Давыдову возбудить ходатайство о томъ, чтобы прахъ славнаго героя былъ перенесенъ на мѣсто его послѣдняго подвига. 30 октября 1837 г. онъ подаль графу А. Ф. Орлову записку, которою просилъ ходатайства о перенесеніи праха Багратіона на Бородинское поле. Орловъ немедленно передалъ эту записку Государю, который повелѣлъ военному министру выполнить предложеніе, съ тѣмъ, чтобы похоронить тѣло героя у Бородинскаго памятника, въ то время сооружавшагося. Въ теченіе 1838 г., повидимому, Давыдовъ еще не зналъ, какимъ образомъ будетъ исполнено его предложеніе; когда же въ началѣ слѣдующаго года ему стало извѣстно, что наступающимъ лѣтомъ состоится открытіе памятника, онъ заволновался при мысли о томъ, какъ совершится перенесеніе праха Багратіона къ подножію величественнаго монумента.

20 марта 1839 г. изъ Мазы писалъ онъ А. П. Ермолову: „Перемѣщеніе праха кн. Багратіона требуетъ заблаговременнаго распоряженія и предписаній въ тѣ мѣста, которыя въ этомъ дѣлѣ должны нѣсколько соучаствовать и коимъ нужно будетъ употребить нѣсколько времени для приведенія въ исполненіе предписаннаго. Мѣста эти—синодъ и Владимірское губернское правленіе. Сверхъ того, если честь его перемѣщенія возложена будетъ на меня—честь, которую я приму за истинное благодареніе (и на которую впрочемъ я имѣю все право и потому что я былъ болѣе времени, чѣмъ другіе, адъютантомъ князя и потому, что я подаль мысль о перемѣщеніи его праха и хлопочу о томъ), то мнѣ нужно будетъ получить на сіе предписаніе военнаго министра заблаговременно, дабы имѣть время распорядиться по сему случаю“. Дальше онъ просилъ Алексѣя Петровича, бывшаго въ то время въ Петербургѣ, доложить о томъ графу

¹⁾ Матер., № 29.

Чернышеву и похлопотать, чтобы заблаговременно были сдѣланы необходимые распоряженія и разосланы соотвѣтствующія предписанія.

„Болѣе писать изъ снѣжныхъ степей моихъ нечего“, грустно заканчивалъ свое письмо Денисъ Васильевичъ: „скажу только, что я съ нѣкотораго времени все боленъ: ревматизмы одолеваютъ! Это слѣдствіе бивачной жизни. Поневолѣ вспомнишь слова генерала въ какой-то французской пьесѣ: „La gloire! ça ne donne que des rhumatismes; c'est le seul bien qu'on ne vous conteste pas“. Простите, почтеннѣйшій братъ—въ маѣ, если Богъ дастъ жизни и здоровья, надѣюсь васъ увидѣть въ Осоргинѣ или въ Москвѣ, проездомъ въ Петербургъ“¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней Денисъ Васильевичъ получилъ извѣщеніе управлявшаго Инспекторскимъ департаментомъ П. А. Клейнмихеля о томъ, что Государь повелѣлъ перевезти на Бородинское поле прахъ кн. Багратіона въ сопровожденіи Давыдова, подъ конвоемъ одного изъ расположенныхъ во Владимірской губерніи кавалерійскихъ полковъ, къ 22 іюля того же года и похоронить подлѣ Бородинскаго памятника, „положивъ на этомъ мѣстѣ мраморную и чугунную доску съ приличною надписью“²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось о сдѣланныхъ по этому поводу сношеніяхъ съ завѣдывавшимъ сооруженіемъ памятника дѣйст. ст. сов. Деменковымъ, съ управлявшимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода и командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса, а также съ министромъ финансовъ объ отпускѣ въ распоряженіе Давыдова на необходимые расходы примѣрной суммы³⁾.

6 апрѣля 1839 г. начальникъ штаба этого корпуса свиты Его Величества генераль-маіоръ Анненковъ 3-й рапортомъ донесъ состоявшему по кавалеріи генераль-лейтенанту Д. В. Давыдову, что для конвоированія тѣла князя Багратіона назначенъ Кіевскій гусарскій полкъ, по поводу слѣдованія котораго къ Бородину Давыдову предлагалось войти въ сношеніе съ начальникомъ 6-ой легкой кавалерійской дивизіи, генераль-

¹⁾ Матер., № 68.

²⁾ Повидимому, Д. В. Давыдовъ немедленно принялся за составленіе этой надгробной надписи. Проектъ ея сохранился въ его бумагахъ (Матер., № 29). Вѣроятно, онъ давалъ ее кому-то на просмотръ, съ просьбою сдѣлать и прислать свои замѣчанія, которые также сохранились на особомъ листкѣ въ числѣ документовъ, относящихся къ Багратіону. Проектъ надписи на могилу послѣдняго напечатанъ нами въ «Русск. Инвалидѣ» 1912 г., № 200.

³⁾ Отношеніе Инспект. департамента 15 марта 1839 г., № 177 (Матер., № 29).

лейтенантомъ Гельфрейхомъ. Къ этому рапорту былъ приложенъ и маршрутъ слѣдованія Кіевского гусарскаго полка, который долженъ былъ 6 іюля выступить изъ г. Юрьева-Польскаго (Владимірской губ.) и, съ пятью дневками, прибыть въ Можайскъ (Московской губ.), 23 іюля, пройдя 311 верстъ въ 23 дня марша при 17 переходахъ.

Однако не суждено было Денису Васильевичу дожидаться исполненія завѣтной мечты перевезти прахъ благодѣтеля своего на поля Бородинскія. Смерть уже подкрадывалась къ нему, такъ часто съ презрѣніемъ смотрѣвшему въ лицо ей: едва прошелъ мѣсяцъ послѣ officialнаго извѣщенія о предстоявшемъ ему почетномъ порученіи, какъ не стало преданнаго адъютанта пламеннаго Багратіона и славнаго партизана Отечественной войны...

Въ бумагахъ Дениса Васильевича сохранилась рукопись неизвѣстнаго автора, близко стоявшаго къ покойному, кончина котораго описана не только подробно, но и съ трогательнымъ сочувствіемъ. Приводимъ ее въ подлинникѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ выраженій, ярко рисующихъ горестныя чувства автора, искренно оплакивавшаго тяжелую потерю ¹⁾.

„Горестная утрата постигла наше отечество... Россія сѣтующая на могилѣ любезнѣйшаго изъ героевъ-сыновъ своихъ; человѣчество приносящее дань скорби праху незабвеннаго... Въ расцвѣтѣ драгоцѣнныхъ надеждъ, среди блестящихъ замысловъ творческаго ума, внезапный ударъ пресѣкъ дни славнаго партизана,—рано для отечества, еще ранѣе для осиротѣвшаго семейства. Смерть хотѣла полнаго триумфа надъ тѣмъ, кто—казалось—не признавалъ надъ собою правъ ея, среди ужасныхъ слѣдовъ ея грознаго могущества...

„И вотъ, хладная земля приняла въ свои объятія смертныя останки знаменитаго человѣка. Денисъ Васильевичъ скончался отъ апоплексіи, 22-го апрѣля около 7 часовъ утра, на 54-мъ году отъ рожденія.

„Внезапная вѣсть о положеніи генерала поразила сердца наши какимъ-то онѣмѣніемъ. Мы искали въ ней смысла; не могли вѣрить собственнымъ глазамъ... мы ждали,—да, мы были подъ вліяніемъ темной надежды, что передъ нами не жертва неумолимой смерти, что въ этихъ очахъ, за-

¹⁾ Матер., № 68, док. № 26.

крывшихся для внѣшняго міра, еще теплится искра жизни, готовая воспламениться. Обстоятельства питали наше заблужденіе: теплота въ тѣлѣ генерала сохранялась необыкновенно долго. Видно, въ крови его кипѣла тяжкая борьба съ смертію;—но лицо генерала было спокойно, какимъ видѣли его всегда, среди всѣхъ ужасовъ битвы. Мы не сводили съ него глазъ; подстерегли бы малѣйшее движеніе, малѣйшее измѣненіе въ чертахъ его,—въ этихъ чертахъ, которыя неизгладимо врѣзались въ моей памяти. Волненіе души не могло расположить меня къ хладнокровному наблюденію, и я могу—если это возможно—передать только то, что невольно оставило во мнѣ впечатлѣніе, что у меня всегда передъ глазами.—Лицо генерала, подернувшееся легкою желтизною, казалось — несмотря на то—привлекательнымъ. Оно уже утратило обыкновенное свое выраженіе; на немъ уже не было отбѣнковъ той одушевленной гармоніи, какую бывали проникнуты пріятныя черты его... Казалось, ангелъ смерти, хладнымъ дыханіемъ, свѣялъ съ него все, чѣмъ рука Творца запечатлѣла земное бытіе человѣка. По тонкому челу его разлилось какое-то неизъяснимое спокойствіе,—спокойствіе безсознательное, въ которомъ не отсвѣчиваются ни увѣренность надежды, ни оживленіе радости; спокойствіе непричастное мысли, утраченной для минувшаго. Въ немъ было что-то похожее на тихій сонъ, посѣтившій страдальца вѣстникомъ отраднаго пробужденія... это былъ тотъ безмятежный покой, котораго источникъ въ лонѣ вѣчности, отъ котораго вѣетъ страной обѣтованнаго,—гдѣ нѣтъ ни скорби, ни утратъ; гдѣ самое наслажденіе, быть можетъ, не есть чувство, а потребность существованія... А мы были ослѣплены надеждою—мы ожидали возвращенія души, воспарившей къ своему началу—мы ждали вѣсти замогильной...

„Такъ простояли мы до полудня около креселъ, гдѣ лежалъ умирающій. Чувство, одушевлявшее насъ, стало угасать. Дѣятельной помощи подать было невозможно. Ближе 25 верстъ нѣтъ около насъ лекаря, да и съ этимъ мѣстомъ сообщеніе затруднялось отъ весеннихъ разлиновъ. Домашнія пособія наши были слишкомъ ничтожны; кровопусканіе въ самомъ началѣ оказалось недѣйствительнымъ; протекло около пяти часовъ—и ни малѣйшихъ признаковъ возвращенія органической дѣятельности... Тяжки были минуты нашего пробужденія! Убийственно отозвалась въ сердцахъ нашихъ мысль о утратѣ невозвратимой!.. Пораженная въ глубинѣ души ей одной

понятною скорбію, супруга генерала,—которой стойческая твердость равняется только непоколебимой преданности ея Промыслу,—во все время не отходила отъ ногъ недвижно простертаго передъ нею супруга, безчувственного къ ея страданіямъ. Подавляемая скорбь этой женщины раздирала сердца наши. Наконецъ, утѣшительная надежда совершенно ее оставила; она потребовала дѣтей...

„Въ послѣднее время Денисъ Васильевичъ весьма часто страдалъ болью подъ ложкой, въ поясницѣ и бокахъ. Сухой, удушливый кашель, особливо сильный по утрамъ, ясно выказывалъ разстроенное состояніе его организма. Но генераль, кажется, мало обращалъ на него вниманія; впрочемъ, этотъ кашель продолжавшійся уже нѣсколько лѣтъ безъ ощутительнаго вреда, могъ обратиться ему какъ бы въ привычку. Съ приближеніемъ нынѣшней весны, припадки болѣзни его замѣтно усиливались и въ половинѣ марта обнаружилились съ такой жестокостью, что привели генерала въ совершенное изнеможеніе. Никогда я не видѣлъ его въ подобномъ разслабленіи силъ. Лицо его было столько же желто и почти такъ же безжизненно, какъ въ послѣднія его минуты. Деревенскій лекарь, впрочемъ довольно опытный,—къ которому всегда въ случаѣ нужды обращался генераль,—когда я изъяснилъ ему опасенія насчетъ усиливающихся припадковъ больного, отвѣчалъ увѣрительно, что они не могутъ имѣть никакихъ сомнительныхъ послѣдствій... О, если-бъ онъ могъ видѣть далѣе жалкихъ медицинскихъ теорій! Но судьба скрывала свои намѣренія. Казалось, Денисъ Васильевичъ совершенно оправился, и на лицѣ его не осталось слѣдовъ минувшихъ страданій“.

Склепъ подъ алтаремъ Верхне-Мазинской церкви, гдѣ шесть недѣль покоился прахъ Д. В. Давыдова.
Съ фотографіи 1885 г., принадлежащей Н. Н. Давыдову.

„Наканунѣ рокового утра, часовъ съ 6 послѣ обѣда, стали обнаруживаться опять припадки генерала; однако-жъ онъ проводилъ вечеръ съ супругою и дѣтьми, занимаясь, по обыкновенію своему, чтеніемъ, которое въ этотъ разъ было на нѣсколько минутъ прервано бѣглымъ ощущеніемъ боли... И это былъ вызовъ къ близкой борьбѣ со смертію, неотразимый ударъ, готовый обрушиться на жертву, за которую вознеслись бы тысячи молитвъ, пролились бы потоки слезъ, да пройдетъ мимо предназначенная чаша!.. А тайное предчувствіе не шепнуло того сердцамъ его окружающихъ... Судьба издѣвалась надъ слѣпцами. Около полуночи припадки генерала возобновились съ болѣею силою; онъ не могъ уже оставаться въ постели и переходилъ съ мѣста на мѣсто, ища успокоенія. Такъ протекла большая часть ночи, впрочемъ, повидимому, безъ особеннаго ожесточенія болѣзни, почему камердинеръ Дениса Васильевича и не почелъ нужнымъ, противъ воли больного, извѣстить о положеніи его генеральшу, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ видимой опасности, Денисъ Васильевичъ всегда искалъ присутствія супруги, которой твердость характера и благоразуміе были драгоценными въ подобныхъ обстоятельствахъ. Генераль началъ было употреблять свои обыкновенныя пособія, но вскорѣ оставилъ ихъ, говоря: *это ужъ не поможетъ; надо бы мнѣ лекаря, хоть что-нибудь бы сдѣлалъ*. А между тѣмъ, давно приготовленная записка къ ближайшему врачу оставалась все еще не отправленною. Нѣсколько разъ Денисъ Васильевичъ бралъ ее задумчиво и наконецъ велѣлъ отвезти, не приказавъ впрочемъ посланному торопиться. Между тѣмъ съ полчаса удалось ему заснуть въ креслахъ, передъ каминомъ. Къ утру боль стала утихать, буря собиралась съ силами... Да, нуженъ былъ тяжкій ударъ, чтобы исторгнуть могучую душу изъ груди его!.. Денисъ Васильевичъ вторично заснулъ передъ каминомъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось; камердинеръ, котораго онъ неоднократно высылалъ отъ себя,—видя, что онъ нѣсколько успокоился, вышелъ изъ кабинета. Протекло съ четверть часа, ему послышалось хрипѣнье... то были стоны души, разлучаемой съ тѣломъ. Камердинеръ отворилъ дверь—больной лежалъ въ креслахъ, съ опущенной головою, съ судорожнымъ движеніемъ груди; онъ силился раскрыть глаза—и не могъ. Хрипѣніе продолжалось нѣсколько минутъ, и предсмертный вздохъ умирающаго встрѣтилъ спѣшившую къ нему супругу;

глаза его закрылись уже навѣки, уста не могли сказать послѣдняго прости!..“¹⁾).

Прахъ Дениса Васильевича шесть недѣль покоился въ склепѣ подъ алтаремъ Верхне-Мазинской церкви, а затѣмъ перевезенъ въ Москву и преданъ землѣ въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, подлѣ праха его предковъ,—въ тотъ самый день, когда Москва увидѣла гробницу Багратіона, которую громъ русскаго воинства привѣтствовалъ на холмахъ Бородинскихъ и ввѣрилъ имъ, какъ прекрасный залогъ своего благоговѣнія къ праху великаго полководца, оросившаго ихъ своею кровью...

Скончался Давыдовъ... Сошелъ со сцены военной и общественной жизни одинъ изъ выдающихся дѣятелей, оставившихъ по себѣ глубокой, неизгладимый слѣдъ.

Какъ бы боясь забвенія потомства, онъ еще лѣтъ за пять до смерти просилъ друзей своихъ—Вяземскаго, Пушкина, Баратынскаго, Языкова, общими силами, въ память его, произвести „не пролетный листокъ для Воейковскаго „Инвалида“, а что-нибудь такое, которое бы осталось надолго“. Вотъ его доводы на право заслужить соотвѣтствующую „некрологію“²⁾:

„Непристойно о себѣ такъ говорить, но это правда. Возьмите благословеніе, данное мнѣ Суворовымъ; тридцатилѣтнюю службу мою во всѣхъ, равно во всѣхъ войнахъ Россіи въ теченіе этого времени; 1812 годъ, на которомъ я зарубилъ свое имя. Вѣкъ Наполеона, коему принадлежу я,—вѣкъ бурный и мятежный, изрыгавшій всесокрушительными событіями, какъ Везувій лавою, но въ пылу которыхъ я пѣлъ какъ на кострѣ тамплиеръ Моле, объятый пламенемъ. И послѣ—штилъ и спокойствіе, и обо мнѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, меня какъ нѣтъ на свѣтѣ; соха и словесность поглощаютъ меня,—но возстаетъ гроза и буря, и я, какъ алкіонъ,

¹⁾ Въ замѣткѣ М. И. Попова «Д. В. Давыдовъ и князь Багратіонъ» («Русск. Стар.» 1895 г., апрѣль) приведена такая подробность кончины Дениса Васильевича: «Военный министръ увидѣлъ партизана-поэта, что Государь, согласившись съ его представленіемъ, ему же поручаетъ перевезти тѣло кн. Багратіона. Денисъ Васильевичъ тогда былъ уже на смертномъ одрѣ. Прочитавъ бумагу министра, онъ заплакалъ отъ удовольствія сердца и умеръ съ прижатымъ къ груди повелѣніемъ. Прекрасная смерть!»

Какъ видимъ изъ только что приведеннаго описанія кончины Давыдова и помѣщенныхъ выше свѣдѣній о перепискѣ по поводу перевезенія тѣла Багратіона, описанныя Поповымъ обстоятельства не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

²⁾ Письмо Н. М. Языкову 11 сент. (1835 г.) изъ Мазы (Сочиненія, изд. 1893 г., т. III, стр. 203).

бѣлѣюсь уже на черномъ небѣ: война въ Персіи—и я тутъ, у подошвы Арарата бьюсь и кочую; война въ Польшѣ—и я тутъ, на берегахъ Вислы гроплю и милую, хвалю и вѣшаю и имя мое во всѣхъ войнахъ торчитъ, какъ казацкая пика. Миръ заключенъ, и я опять дома, опять гражданинъ, опять отецъ семейства, пахарь, обожатель красоты во всѣхъ ея отрасляхъ—въ юной дѣвѣ-ли, въ подвигѣ-ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности-ли, вездѣ слуга ея, рабъ ея, богослужитель, поэтъ ея“.

Трудно въ немногихъ словахъ болѣе ярко очертить замѣчательную личность Дениса Васильевича Давыдова. Разнообразны поприща его неустанной дѣятельности—и на всѣхъ ихъ онъ всегда самостоятеленъ, оригиналенъ. Онъ выдѣлялся надъ общимъ уровнемъ тѣхъ, съ которыми воевалъ, писалъ или работалъ. Вездѣ онъ именно „торчалъ, какъ казацкая пика“. Конечно, имѣлъ и онъ свои недостатки: былъ тщеславенъ, въ чемъ признавался самъ, самолюбивъ, иногда до крайности, порою высказывалъ нѣсколько преувеличенное мнѣніе о себѣ, но, въ общемъ, это былъ человѣкъ крупныхъ, выдающихся способностей, талантливый воинъ, удивительный начальникъ, прекрасно понимавшій и до самозабвенія любившій военное дѣло, оригинальный писатель, вдохновенный поэтъ, полезный и разумный общественный дѣятель, одинъ изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи, самоотверженно проливавшій кровь за нее, благородный рыцарь въ истинномъ значеніи этого слова...

Не даромъ еще при жизни восторгались имъ многіе выдающіеся люди его времени, и поэты, начиная съ Пушкина, посвящали ему восторженные стихи свои. Кончина его вызвала общее сочувствіе и новый рядъ прекрасныхъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти Жуковскимъ, графиней Ростопчиной и другими. Не даромъ великій писатель земли русской, графъ Л. Н. Толстой, въ своемъ безсмертномъ художественномъ романѣ „Война и миръ“ воскресилъ Дениса Давыдова въ художественномъ, неподобномъ образѣ знаменитаго Васьки Денисова. Потому-то онъ знакомъ каждому изъ насъ съ юношескихъ лѣтъ и при имени его прежде всего вырисовывается поэтическая фигура лихого гусара-рубача, горѣвшаго воинскимъ пыломъ, какимъ-то особеннымъ вдохновеніемъ, и очаровательнаго простотою солдата, съ благородною душою и добрымъ сердцемъ...

Но нельзя не признаться и въ томъ, что въ подавляющей массѣ нашего интеллигентнаго общества знакомство съ Денисомъ Давыдовымъ не идетъ дальше того, что далъ о немъ Толстой. Какъ это ни странно, многіе даже не знаютъ, что Давыдовъ былъ поэтомъ не только въ душѣ, но и творцомъ прекрасныхъ поэтическихъ произведеній, вызывавшихъ вполне

заслуженные восторги лучшихъ представителей русской литературы и художественной критики. Нѣсколько его стихотвореній, случайно попадающихъ въ тотъ или иной сборникъ стиховъ, не мѣняютъ общаго положенія дѣла. Изданія его сочиненій, хотя и повторенныя нѣсколько разъ, далеки отъ совершенства, полноты и сколько-нибудь научной об-

пывающей біографіи знаменитаго партизана Отечественной войны.

Вѣковая годовщина „священной памяти Двѣнадцатаго года“ заставила вспомнить о Денисѣ Давыдовѣ. Настоящее изданіе также приурочено къ только что минувшему юбилею, въ день празднованія котораго, 26 августа 1912 г., Высочайшею волею Государя Императора имя Дениса Давыдова навѣки приобщено къ названію Ахтырскаго гусарскаго полка, съ которымъ

Могила Д. В. Давыдова
въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ.
Съ фотографіи, принадлежащей Д. Н. Давыдовой.

работки. Біографія его, даже въ настоящемъ, сравнительно большомъ объемѣ, остается все еще не окончательно разработанною какъ вслѣдствіе недостатка матеріаловъ, необходимыхъ для освѣщенія нѣкоторыхъ сторонъ его жизни и дѣятельности, такъ и недостатка матеріальныхъ средствъ, которыя необходимы для разработки и изданія исчер-

онъ дѣлилъ свою боевую славу въ 1812—1814 годахъ: полкъ этотъ теперь именуется 12-мъ гусарскимъ Ахтырскимъ генерала Дениса Давыдова, нынѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полкомъ.

Вотъ духовное наслѣдіе, которое славный партизанъ оставилъ нашей арміи. Слѣдуя его примѣру, не только доблестные Ахтырскіе гусары, но и всѣ понимающіе, какъ онъ, военное дѣло будутъ смѣло выполнять свой трудный и почетный долгъ передъ родиною.

Матеріальнымъ наслѣдствомъ Давыдова, кромѣ изданныхъ сочиненій, остался его богатый и чрезвычайно цѣнный семейный архивъ, съ содержаніемъ котораго читатель въ значительной степени ознакомился благодаря сдѣланнымъ нами многочисленнымъ ссылкамъ на матеріалы этого архива. Слѣдуетъ искренно порадоваться, что онъ сохранился до нашихъ дней и приведенъ въ порядокъ, по просьбѣ его послѣдняго владѣльца, Хвалынского (Саратов. губ.) предводителя дворянства Петра Николаевича Давыдова, Марією Алексѣвною Труновою, обстоятельно исполнившею взятую на себя трудную, но почтенную работу въ 1904 г. Архивъ этотъ въ то время находился въ селѣ Благодатномъ (той же губерніи).

Мысль объ его составленіи въ концѣ 1870-хъ г.г. возникла у старшаго сына партизана, Василя Денисовича Давыдова, который началъ собирать въ одинъ сундукъ все относившееся къ личности его отца, изъ семейныхъ бумагъ и библіотекъ, какъ онъ самъ говорилъ: „до поры до времени“. Послѣ его смерти, въ 80-хъ г.г., продолжалъ дѣло сынъ его, Денисъ Васильевичъ, скончавшійся въ 1897 г. Вдова его, Софія Петровна, передала весь этотъ матеріалъ двоюродному брату покойнаго, Петру Николаевичу Давыдову, сыну Николая Денисовича, который въ теченіе 7—8 лѣтъ продолжалъ сборъ матеріаловъ, пополнивъ архивъ еще многими письмами и документами. Послѣ смерти послѣдняго, архивъ перешелъ къ его вдовѣ, настоящей владѣлицѣ—Даріи Николаевнѣ Давыдовой, которая и предоставила семейный архивъ партизана въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Заботами и на средства послѣдняго настоящее изданіе біографіи Дениса Васильевича выходитъ въ свѣтъ.

Заканчивая жизнеописание славнаго партизана-поэта, мы выражаем самое горячее пожеланіе, чтобы настоящій трудъ нашъ былъ лишь новымъ шагомъ къ дальнѣйшему изслѣдованію жизни и разнообразныхъ трудовъ Дениса Давыдова. Онъ—яркое отраженіе цѣлой эпохи русской исторіи прошлаго вѣка. Академія Наукъ, съ ея учеными и матеріальными средствами, могла бы въ полномъ объемѣ надлежащимъ образомъ исполнить эту просвѣтительную задачу передъ русскимъ обществомъ, принеся вмѣстѣ съ тѣмъ признательную дань памяти доблестнаго партизана-поэта.

Если при жизни, въ одну изъ тягостныхъ минутъ разочарованія, онъ могъ скорбно писать: „забвеніемъ судьба меня губить“,—то пусть теперь, когда свѣтлыя воспоминанія заставляютъ насъ обращаться къ прошлому,—„баловень счастливой... музы острой и шутливой и Марса яраго въ бояхъ“ скорѣе дождется еще болѣе подробной біографіи и научно обработаннаго изданія всѣхъ его сочиненій, въ знакъ уваженія потомства къ памяти того,

...который въ дымъ сраженій
Полки лихіе бурно мчалъ
И гласомъ пыльных пѣснопѣній
Сердца томилъ и волновалъ...

15043.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГЪ.

- Адлербергъ, Влад. Федор., ген.-ад., мин-ръ Импер. Двора—116.
- Александръ Александровичъ, Императоръ—20.
- Александръ Николаевичъ, Насл. Цесар., вполн. Императоръ—4, 131, 148.
- Александръ Павловичъ, Императоръ—9, 10, 13, 14, 16, 20, 22, 24—26, 45, 54, 67, 73, 74, 78, 83, 87—89, 93—95, 97, 101, 104—108, 110, 112, 120.
- Алексѣй Михайловичъ, царь московскій—3.
- Альмерасъ, генер. франц. службы—58.
- Анненковъ З, Никол. Никол., св. Е. В. ген.-маіоръ, н-тъ шт. 6 п. корп.—158.
- Анрепъ, полковн.—122.
- Аракчеевъ, Алексѣй Андр., графъ, воен. мин-ръ—88, 89.
- Астаховъ, хорунж. Донск. каз. Карпова полка—31.
- Багговутъ, Карлъ Федор., ген.-лейт.—11.
- Баграціонъ, Петръ Иван., кн., ген. отъ инф.—10—17, 19, 20, 22, 24, 25, 27—30, 35, 39, 40 (прил.), 46, 75, 109, 119, 156—159, 163.
- Баіовъ, Алексѣй Конст., ген.-маіоръ, профес.—IX.
- Балтійскій, Алекс-ръ Алексѣев., ген. шт. полк.—IX.
- Бараге-Дилье, генер. франц. служ.—54.
- Баратынскій, Евген. Абрам., поэтъ—98, 143, 146, 163.
- Барилла-де-Толли, Мих. Богдан., кн., фельдмарш.—11, 89, 93.
- Барсуковъ, Никол. Платон., историкъ—118, 120.
- Батюшковъ, Конст. Никол., поэтъ—98.
- Бахманъ, литогр.—145.
- Бедрыга З-й, Никол., шт.-ротм. Ахтырск. гус. пол.—31.
- Бенетовъ, поруч. Ахтырск. гус. пол.—31.
- Бенкендорфъ, Александръ Христоф., гр., ген.-ад., шефъ жанд., чл. гос. сов.—121.
- Бенкендорфъ, Конст. Христоф., ген.-ад., ген.-лейт., партиз.—35.
- Беннигсенъ, Леонт. Леонт., гр., ген. отъ кавал.—10, 15.
- Бентамъ, англ. юристъ и философъ, писат.—101.
- Бертъ, князь Невшателъскій и Ваграмскій, марш.—7, 34, 60, 138.
- Бестужевъ, Алекс-ръ Александр., шт.-кап., декабр., писат.—113, 143.
- Бискупскій, К. А.—95, 96.
- Бланкаръ, маіоръ франц. служ.—60.
- Блюхеръ, князь Вальдштадтскій, фельдм. прусск. войскъ—79, 89.
- Богарне, Евгений, вице-кор. Итальянск., герц. Лейхтенбергск.—51, 59.
- Бодъ, Викентій, барабанщ. франц. гвардіи—44.
- Божеряновъ, Ив. Никол., истор.—131.
- Борисевичъ, Алекс-ръ Терент., полк. воен. писат.—IX.
- Бороздинъ, Никол. Мих., ген.-ад., ген. отъ кав.—59.
- Буксгевденъ, Фед. Фед., гр., ген. отъ инф.—11.
- Булгаринъ, Оад. Бенедикт., журнал.—120.
- Бурцовъ, А. П., другъ юности Д. В. Давыдова—8, 108.
- Бурцовъ, Ив. Григ., полк.—107.
- Буторова, Соф. Никол.—см. Давыдова.
- Буторовъ, Никол. Влад.—VIII.
- Бутурлинъ, Дмитр. Петр., воен. истор.—104, 115.
- Бѣгичева, Алекс-ра Васил.—см. Давыдова.
- Бѣлинскій, Виссар., Григ., критикъ—134, 135.
- Бѣльскій, отет. капитанъ—36.
- Бюртъ, ген. франц. служ.—58.

Вадбольскій, кн., партиз.—35.
Василій Дмитріевичъ, вел. кн. московск.—1.
Василій Темный, царь московск.—1.
Васильевъ, Іосифъ, свящ.—155.
Васильчиковъ, Дмитр. Васил., ген.-маіоръ—30.
Васильчиковъ, Илларионъ Васил., кн., ген.-ад., ген. отъ кав.—74—76, 106, 114.
Венгеровъ, Сем. Афанас., крит. и истор. литер.—108.
Винценгероде, Фердин. Федор., гр., ген. отъ кав.—35, 76, 78—88.
Витбергъ, Фед. Александр., истор. литер.—IX.
Витгенштейнъ, Петръ Христіан., гр., фельдмарш.—65, 66.
Виттъ, Ів. Осип., гр., ген. отъ кав.—123, 130.
Владиславъ, польск. королевичъ—2.
Воданнуръ, ген. франц. служ.—VI.
Военскій, Конст. Адам., историкъ—IX.
Воейкова, Елизавет. Федор., владѣлица Бородина—4, 16.
Воейковъ, Алекс-ръ Федор., воен. писат., редакт. «Рус. Инв.»—109, 143, 163.
Воликовъ, ген.-лейт., нач-къ моск. жанд. окр.—121, 122.
Волконскій, Мих. Серг., кн., издатель—86.
Воликонскій, Петръ Мих., свѣтл. кн., фельдмарш.—76, 87, 93, 104—107, 110, 111.
Волконскій, Серг. Григор., кн., кавалерг., декабр.—86, 88.
Всеволожскіе—118.
Вяземскій, Петръ Андр., кн., поэтъ и крит.—93, 143, 144, 146, 148, 163.
Габаевъ, Георг. Солом., гв. капит., воен. писат.—IX.
Габріанъ, маркизъ, рожд. Давыдова—154.
Габріанъ, маркизъ, аббатъ—155.
Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Эриванск.—116.
Гельфрейхъ, ген.-лейт., нач-къ 6 легк. кав. див.—159.
Гетальсъ, полк. 4-го Иллирійск. франц. полка—42.
Гейсмаръ, Фед. Климент., бар., ген.-ад., ген. отъ кав.—124.
Гидобони-Висконти, Соф. Денис.—см. Давыдова.
Глинка, Фед. Никол., духовн. и народн. писат.—143.
Гоголь, Никол. Вас., писат.—148.
Голицынъ, Бор. Алекс., кн.—39.
Голицынъ, Дмитр. Влад., свѣтл. кн., моск. ген.-губерн.—11, 120, 121.
Голицынъ, Ів. Юрьев., кн.—2.
Голицынъ, Петръ Александр., кн.—97.
Головкинъ, гр., представитель миссіи въ Китай—149.
Горчаковъ, Алексѣй Иван., гр., ген. отъ инф., упр-щій воен. мин-вомъ—90, 91.
Гречъ, Никол. Иван., педаг. и журнал.—120.

Грибоѣдовъ, Алекс-ръ Серг., писат.—115.
Григоровичъ, Алекс-ръ Иван., полк., воен. писат.—IX.
Грузинскій, Георгій, кн.—157.
Гулевичъ, Серг. Анат., гв. капит., воен. писат.—IX.
Гурго, франц. истор.—140.
Гурко, Леонт. Осип., фл.-адъют.—105, 106.

Даву, маршалъ—51, 80, 86.
Давыдова, Аглая Антон., рожд. герцог. де Граммонъ—21, 142, 154.
Давыдова, Адель Александр., н-ца мон-ря Сакре-Соевр—154.
Давыдова, Алекс-ра Алексѣевна—VIII.
Давыдова, Алекс-ра Васил., въ замуж. Бѣгичева—153.
Давыдова, Анна Андр., рожд. Нолычева—3.
Давыдова, Дарья Никол., рожд. Шипова, вдова кам.-юнк.—I, VIII, 75, 165, 166.
Давыдова, Екатер. Денис.—155.
Давыдова, Екатер. Никол., рожд. гр. Самойлова, по перв. браку Раевская—3, 142.
Давыдова, Елена Евдоким., рожд. Щербинина—3.
Давыдова, Марія Денис., по перв. браку Наховская, по втор. Ермолова—3.
Давыдова, Марія Никол., рожд. Сумарокова, вдова ген.-маіора—VIII, 153, 154.
Давыдова, Прасковья Никол., рожд. Лопухина—3.
Давыдова, Софья Денис., въ зам. Гидобони-Висконти—154.
Давыдова, Софья Никол., въ зам. Буторова—VIII.
Давыдова, Софья Никол., рожд. Чиркова—VI, 100, 123, 124, 127, 128, 144, 147, 149, 150, 153—155, 161, 162.
Давыдова, Софья Петр.—166.
Давыдова, Юлія Денис., въ замуж. Застѣкая—155.
Давыдовъ, Алекс-ръ Львов., отст. ген.-маіоръ—21, 94, 142, 154.
Давыдовъ, Алексѣй Вадим., гв. шт.-ротм., офиц. Придв.-Ковюш. Части—VIII, 4.
Давыдовъ, Алексѣй Григор., полк. голова—2.
Давыдовъ, Ахилъ Денис., мир. поср. Моск. г.—149.
Давыдовъ, Вадимъ Денис., ген.-маіоръ, для особ. поруч. при н-къ Гл. Шт.—149, 154, 155.
Давыдовъ, Васил. Александр.—2.
Давыдовъ, Васил. Денис. (отецъ партизана), бригадиръ—3, 4, 29.
Давыдовъ, Васил. Денис. (сынъ партизана), офиц. Гв. кон. арт.—VI, 3, 94, 123, 148, 152—154, 166.
Давыдовъ, Васил. Львов., отст. полк., декабр.—113.
Давыдовъ, Влад. Влад., хорунж. л.-гв. Сводно-Казач. полка—2.
Давыдовъ, Влад. Денис.—3.
Давыдовъ, Григор. Никиф.—2.
Давыдовъ, Денисъ Вадим., земск. н-къ Ливен. у., Орл. г.—VIII, 94, 155, 156.

- Давыдовъ, Денисъ Васил. (внукъ партизана), шт.-ротм. л.-гв. Гусарск. п.—166.
 Давыдовъ, Денисъ Васил. (дѣдъ партизана)—3.
 Давыдовъ, Денисъ Денис., артил. полковн.—149.
 Давыдовъ, Дмитр. Денис.—3.
 Давыдовъ, Иванъ Александр.—2.
 Давыдовъ, Іовъ Александр.—2.
 Давыдовъ, Левъ Денисов.—3, 142.
 Давыдовъ, Никиф. Григор., полков. голова.—2.
 Давыдовъ, Никол. Денис.—VI, 148, 152—154.
 Давыдовъ, Никол. Никол.—VII, 120, 121, 135, 139, 149, 161.
 Давыдовъ, Петръ Никол., кам.-юнк., Хвал. предв. двор.—V, 166.
 Давыдовъ, Петръ Федор.—2.
 Давыдовъ, Романъ Борис.—2.
 Давыдовъ, Федоръ Александр.—2.
 Дверницкій, Іосифъ, генер. польск. войскъ—122, 124—126.
 Деллингсгаузенъ, бар., генер.—126.
 Деменковъ, дѣйст. ст. сов., строителъ Бородинск. памятника—158.
 Денисовъ, Васил. Дмитр. (Васька)—Д. В. Давыдовъ по ром. «Война и миръ» гр. Л. Толстого—164.
 Дибичъ, Иванъ Иван., гр., фельдмарш.—7, 93, 115, 116, 122, 123, 129, 131.
 Дмитриевъ, полковн., к-ръ Финляндск. драг. пол.—125.
 Долгоруковъ, Петръ, кн., писат.—2, 102.
 Дороховъ, Иванъ Семен., ген.-лейт., партиз.—35.
 Дохтуровъ, Дмитр. Серг., ген. отъ инф.—11, 56, 76.
 Доу, (Dawe), англ. художн.—45, 110 (прил.), 111, 117.
 Дюбургъ, англ. граверъ—1 (прил.).
 Дюрютъ, генер. франц. служ.—80, 82—84, 86.
 Евгеній Вюртембергскій, герцогъ, ген. отъ инф.—76.
 Ермоловъ, Алекс-ръ Серг., тайн. сов.—IX, 48 (прил.).
 Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ арт.—3, 11, 66, 93, 110, 111, 115, 116, 118, 119, 125, 131, 157, 158.
 Ермоловъ, Петръ Алексѣев., отст. артиллер. майоръ—3.
 Ефремовъ, полк. Донск. войска—35.
 Ждановичъ, Яковъ Никол.—IX.
 Жомини, Генрихъ, бар., ген.-адъют., воен. писат.—101, 139, 140.
 Жуковскій, Васил. Андреев., поэтъ—90, 96, 98, 104, 136, 143, 144, 148, 164.
 Жуно, маршалъ—54.
 Закревскій, Арсен. Андр., гр., ген.-адъют.—92—97, 102, 104—106, 108—112, 114, 116—118, 129.
 Застѣная, Юлія Денис.—см. Давыдова.
 Злотницкая, Елиз. Антон., дочь ген.-лейт., въ замуж. княг. Голицына—96, 97.
 Золотарева, Егген. Дмитр., въ замуж. Мацнева—132, 133, 136.
 Иванова, водев. и оперн. актриса—91.
 Иванъ Грозный, царь московскій—1, 3.
 Наверъ, генер.—124.
 Каменскій, Мих. Федот., гр., фельдмарш.—8—11.
 Каменскій, Ник. Мих., гр., ген. отъ инф.—20, 109.
 Карамзинъ, Ник. Мих., истор.—5, 96, 98.
 Карповъ, полк., к-ръ Донск. каз. п.—30.
 Касановъ, полк. Донск. войска—122, 125.
 Каховскій, А. М.—7.
 Каченовскій, Мих. Троф., журнал., профес.—99.
 Кипренскій, Орестъ Адам., художн.—20 (прил.), 27.
 Кирѣевъ, полк.—122, 125, 126.
 Киселевъ, Пав. Дмитр., гр., ген.-ад., мин-ръ гос. имущ.—35, 101, 108, 113, 144.
 Клапаредъ, генер. франц. служ.—55.
 Клембовскій, В. Н., ген., воен. писат.—108.
 Клейнмихель, Петръ Андр., гр., ген.-ад., гл-щій пут. сообщ., чл. гос. сов.—158.
 Кологеровъ, полк.—125.
 Коновницынъ, Петръ Петр., ген.-ад., ген. отъ инф.—33, 34, 39, 41, 47, 49, 51, 52, 57, 60, 61, 67—71, 74—76.
 Коноплевы, владѣльцы Бородина—4.
 Константинычъ Павловичъ, вел. кн. цесарев.—92, 102, 123.
 Констанъ де Ребенкъ (Benjamin Constant), франц. дѣят. и писат.—101.
 Корфъ, Фед. Карл., бар., ген.-ад., ген. отъ кав., к-ръ 2 рез. кав. корп.—74.
 Косай, мурза—1.
 Кохъ, Кристофъ Гильомъ, франц. историкъ—139.
 Крейгманъ, Б., подполк.—IX.
 Крейцъ, Кипр. Антон., графъ, ген. отъ кав.—123, 124, 126, 131.
 Крыловъ, Ив. Андр., баснопис.—148.
 Кудашевъ, Н. Д., кн., партиз.—35, 39, 57.
 Кульневъ, Як. Петр., ген.-майоръ—17—22, 31, 40 (прил.).
 Кутайсовъ, Алекс-ръ Иван., гр., ген.-майоръ—12.
 Кутузовъ, Мих. Иллр., свѣтл. кн., фельдмарш.—29, 34, 35, 39, 40, 42—47, 49, 51, 52, 54—57, 59, 63, 65, 66, 68—71, 73, 74, 76, 78, 87, 88.
 Ламбертъ, Карлъ Осип., ген. отъ кав.—12.
 Ланской, генер.—78—84, 87.
 Лонгиновъ, Мих. Никол., истор. русск. литер.—136.

Мадатовъ, кн.—84.
 Манаровъ, поруч. Ахтырск. гус. пол.—31.
 Максимовичъ, Мих. Александр., писат.—136.
 Маринъ, Серг. Никиф., фл.-ад., поэтъ—7.
 Марковъ, гр., генер.—56.
 Маркусъ, докт.—120.
 Мартушевичъ, ген. франц. служ.—58.
 Мартыновъ, Пав. Петр., ген.-ад.—105, 106.
 Мартыновъ, Серг., крестьян.—38.
 Матвѣева, горнич. С. Н. Давыдовой—155.
 Мацневъ, Анатол. Васил.—132.
 Мацневъ, Вас.—132.
 Майновъ, Апол. Александр., дир. Импер. моск. театр.—91.
 Менсдорфъ, полк. австр. служ.—88.
 Милорадовичъ, Мих. Андр., гр., ген. отъ инф., петерб. воен. губ.—51, 52, 61, 74, 88.
 Минчаковъ (Давыдовъ), Алекс-ръ Давыдов.—1.
 Минчаковъ (Давыдовъ), Григор. Давыдов.—1.
 Минчаковъ (Давыдовъ), Степанъ Давыдов.—1.
 Минчаковъ, Давыдъ Семен., родонач-къ Давыдовыхъ—1.
 Минчаковъ, Злоба Семен., род-къ Злобиныхъ—1.
 Минчаковъ, Оринко Семен., род-къ Оринкиныхъ—1.
 Минчаковъ, Уваръ Семен., род-къ гр. и двор. Уваровыхъ—1.
 Минчанъ, Симеонъ Косаев., мурза—1.
 Михаилъ Федоровичъ, царь московск.—2.
 Михайловскій-Данилевскій, Алекс-ръ Иван., ген.-лейт., воен. истор.—141.
 Михневичъ, Никол. Петр., ген. отъ инф., заслуж. проф., воен. истор.—24, 28, 34, 35, 50.
 Мишо, Алекс-ръ Франц., гр., ген.-ад.—67.
 Модзалевскій, Бор. Львов., зав-щій арх. Имп. Акад. Наукъ, истор. литер.—IX.
 Монтолонъ (Montholon), франц. историкъ—138.

Наполеонъ, Императоръ Французовъ—9, 13, 16, 24, 25, 28, 31, 31, 35, 40, 41—47, 50—52, 54, 55, 57—59, 62, 66, 68, 69, 72, 73, 77—79, 90, 104, 114, 138—141, 163.
 Нарышкина, Марія Антон., рожд. княжна Четвертинская,—10.
 Неболсинъ, Алекс-ръ Григор., тайн. сов.—IX.
 Нессельроде, Карлъ Васил., гр., госуд. канцлеръ—24.
 Ней, Мишель, герц. Эльхингенскій, марш.—52.
 Нейдгардтъ, Алекс-ръ Иван., ген.-ад., к-ръ Отдѣл. Кавк. корп.—105, 106.
 Николай Александровичъ, Императоръ—165.
 Николай Павловичъ, Императоръ—4, 106, 114, 115, 122, 126, 129, 148, 150, 157, 158, 163.

д'Одлебенъ (d'Odlieben), бар., франц. истор.—80.
 Одоевскій, Влад. Федор., кн., писат.—143.

Ожаровскій, Адамъ Петр., гр., ген.-ад., ген. отъ кав.—50, 51, 61, 62, 64, 69—71.
 Ожеро, герц. Кастильонскій, марш.—54.
 Ольга Александровна, вел. княгиня—166.
 Орлова-Чесменская, Анна Алексѣев., граф.—3.
 Орловскій, Алекс-ръ Осип., акад. живоп.—1 (прил.).
 Орловъ, Алексѣй Федор., кн., ген.-ад., предс-ль гос. сов.—157.
 Орловъ, Мих. Федор., фл.-ад., вполн. ген.-маіоръ, декабр.—80, 82, 84, 113.
 Орловъ-Денисовъ, Вас. Вас., гр., ген.-ад.—49—54, 58, 59.
 Осиповъ, А. А., писат.—133.
 Остерманъ, П. А., гр., генер.—11.

Павелъ Петровичъ, императоръ—3.
 Палицынъ, ротм.—50.
 Паниратьевъ, Никол. Петр., ген.—116.
 Панчулидзеъ, Серг. Алексѣев., ред. «Сборн. біогр. кавалерг.»—7, 90, 92, 111, 117, 120, 122.
 Паскевичъ, Ив. Федор., ген.-ад., фельдмарш.—103, 116, 117, 122, 123, 131.
 Петровъ, П. Н., истор.—2.
 Петръ Георгиевичъ, принцъ Ольденбургскій—152.
 Піери, нач-къ отряда—157.
 Платовъ, Матв. Иван., гр., ген. отъ кав., атам. Донск. войска—41, 47, 49, 52, 89.
 Платовъ, полковн. Донск. войска—122, 125, 131.
 Плетьневъ, Петръ Александр., лит. критикъ—148.
 Погдинъ, Мих. Петр., истор. и журнал.—118, 120.
 Поливановъ, Мих. Дмитр., гв. полковн., воен. писат.—IX.
 Полянский, Маркъ Иван., полковн.—IX.
 Понятовскій, Иосифъ-Антонъ, кн., марш.—51, 54.
 Поповъ 13-й, полк., к-ръ Донск. каз. пол.—47, 79.
 Поповъ, М. И., сотр. «Русск. Стар.»—163.
 Потемкинъ, Григор. Александр., свѣтл. кн., фельдмарш.—141.
 Потоцкій, Пав. Плат., ген.-лейт., воен. писат.—IX, 1.
 Прендель, подполк.—78, 82, 85.
 Прокоповичъ-Антонскій, Ант. Ант., профес., рект. моск. унив.—99.
 Пугачевъ, Емел. Иван., предвод-ль возстан.—143.
 Пузыревскій, Алекс-ръ Казимір., ген. отъ инф., воен. писат.—124, 127.
 Пушкина, Наталья Никол., рожд. Гончарова, жена, поэтъ—147.
 Пушкинъ, Алекс-ръ Серг., поэтъ—6, 21, 98, 105, 141—144, 146, 148, 152, 154, 163, 164.

Раевская, Екатер. Никол., рожд. граф. Самойлова—см. Давыдова.
 Раевскіе—142.

Раевский, Никол. Никол., ген. отъ кав., чл. гос. сов.—3, 17, 29, 55, 56, 119, 121.

Ренъе, Жанъ-Л и, гр., ген. франц. служ.—63, 79.

Ридигеръ, Фед. Вас., гр., ген.-ад., к-ръ 4 рез. кав. корп., впол. гл-щій гв. и гр. корп.—127, 128, 131.

Рокицкий, ген., к-ръ корп. польск. войск.—23.

Ромарино, ген., к-ръ, корп. польск. войск.—127.

Ростопчина, Евдок. Петр., гр., поэтееса—164.

Савеловы, владѣльцы Бородина—4.

Садовской, Бор., литерат.—93, 135.

Сакенъ (ионъ-дерь-Остенъ), Фаб. Вильг., кн., фельдмарш.—11, 89.

Салаевъ, изд.—150.

Самойлова, Екат. Никол., гр.—см. Давыдова.

Сангленъ-де, нач-къ воен. полиціи—120, 121.

Семяниновъ, петерб. домовладѣл.—155.

Сенковский, Осипъ Ив., крит. и журн.—141.

Сеславинъ, Алекс-ръ Никит., ген.-маіоръ, партиз.—35, 46, 52, 53, 68, 96.

Сіановъ, маіоръ, сост. для поруч. при гр. Виттъ—130.

Скоттъ (Scott), сэръ Вальтеръ, англ. писат.—140.

Смирдинъ, Алекс-ръ Филип., книгопрод. и издатель—136, 141, 142, 150.

Соковининъ, офиц. Кирасирск. пол.—44.

Сталь, ген., нач-къ погр. линіи на Кавказѣ—110.

Стецкая, граф., жена нач-ка польск. банды—125.

Стецкий, гр., нач-къ польск. банды—125, 126.

Строгановъ, Пав. Александр., гр., сенат.—21.

Струковъ, Дмитр. Петр., арт. ген.-маіоръ, воен. писат.—IX.

Суворовъ, Алекс-ръ Вас., кн., генералис.—4, 5, 24, 29, 145, 147, 163.

Сумарокова, Марія Никол.—см. Давыдова.

Талаевъ, хорунж. Донск. казач. Карпова пол.—31.

Тангрикулъ Кайсымъ, касимовск. царь—1.

Тепляковъ, писат.—148.

Толстой, Алексѣй Петр., гр., ген.-маіоръ, впол. ген.-лейт., сен. Варш. деп-та прав. сен.—128.

Толстой, Левъ Никол., гр., писат.—164, 165.

Толстой, Фед. Иван., гр., литерат.—137.

Толстой, Фед. Петр., гр., скульпт., през. Имп. Акад. худ.—VII, 93.

Толь, Карлъ Фед., гр., ген.-ад.—56, 57, 64, 65, 66, 70, 105, 106, 122, 126, 139, 148, 149.

Тормасовъ, Алекс-ръ Петр., гр., ген. отъ инф., чл. гос. сов.—69.

Торри, маіоръ франц. служ.—7.

Трунова, Марія Алексѣв., чл.-сотр. Импер. С.-Пет. археол. инст.—VI, IX, 166.

Тургеневъ, Алекс-ръ Иван., истор.—98.

Тургеневъ, Никол. Иван., публиц.—107.

Тучковъ, Никол. Алексѣв., ген.-лейт.—11.

Тучковъ, Пав. Алексѣв., ген.-лейт., впол. чл. гос. сов.—30.

Уваровъ, Фед. Петр., гр., ген. отъ кав.—69.

Ушаковъ, воен. писат.—85.

Фигнеръ, Алекс-ръ Самойл., гв. полк., партиз.—35, 52—54, 96.

Хатовъ, Алекс-ръ Ильичъ, ген. отъ инф., воен. писат.—156.

Хвостовъ, Дмитр. Иван., писат.—143.

Храповицкій, Никол., от т. мичм.—39.

Храповицкій, Степ. Степ., маіоръ Волинск. улан. пол., партиз.—36, 39, 62, 72, 73, 82.

Храповицкій, Степ. Яковл., Юхновск. предв-ль двор.—35, 42.

Хрижановскій, ген., нач-къ штаба польск. арміи—126, 128.

Чевнинъ, Конст. Влад., ген.-ад., мин-ръ пут. сообщ.—131.

Черкасскій, Вас. Петр., столн. и воевода—2.

Чернецовъ, Григ. Григ., художн.—148.

Чернулуцкій, польск. мятежн.—126.

Чернышовъ, Алекс-ръ Иван., свѣтл. кн., ген.-ад., воен. мин-ръ—VI, 87, 96, 122, 158.

Чернявскій, М., писат.—2.

Четвертинскій, Бор. Ант., кн., ротм. л.-тв. Гусарск. пол.—10.

Чеченскій, ротм., впол. ген.-маіоръ по кавал.—71, 80, 81.

Чингисъ-ханъ, монгольск. завоеват.—21.

Чиркова, рожд. Татищева—100.

Чиркова, Соф. Никол.—см. Давыдова.

Чичаговъ, Вас. Яковл., адмир.—VI, 63, 66, 67, 69.

Шамбре, франц. истор.—140.

Шамшевъ, полк. Донск. войска—62.

Шатиловъ, офиц. кирасирск. полка—44.

Шварценбергъ, герц. Крумау, австр. фельдмарш.—63, 74, 88.

Шварцъ, Григ. Ефим., полк., к-ръ л.-тв. Семеновск. пол.—105, 106.

Шеллъ въ, В. Ф., отст. ген.-лейт., нач-къ Калужск. ополч.—36, 38, 42, 52.

Шиловскій, московск. домовладѣл.—154.

Шильдеръ, Никол. Карл., инж.-ген.-лейт., истор.—
24, 101, 112.

Шишковъ, Алекс-ръ Семен., адмир., презид. акад.
наукъ—98.

Шубертъ, Фед. Иван., академ.—149.

Шубертъ, Фед. Федор., ген. отъ инф., перв.
нач-къ корп. топогр.—149.

Щербатовъ, Алексѣй Григ., кн., ген. отъ инф.—
15, 89, 100.

Щербинина, Елена Евдок.—см. Давыдова.

Эссенъ, Иванъ Иван., ген.-лейт.—11.

Эссенъ, Петръ Кирил., гр., ген. отъ инф.—11.

Языновъ, Алекс-ръ Мих.—145.

Языковъ, Ник., Мих., поэтъ—98, 143—146, 150,
151, 163.

Якубовичъ, Алекс-ръ Иван., капит., декабр.—
113.

Янковичъ, ген.-маіоръ, к-ръ л.-гв. Кон. полка—18.

Янковскій, ген., к-ръ корпуса польск. войскъ—
127.

